Бузург ибн Шахрияр

ЧУДЕСА ИНДИИ

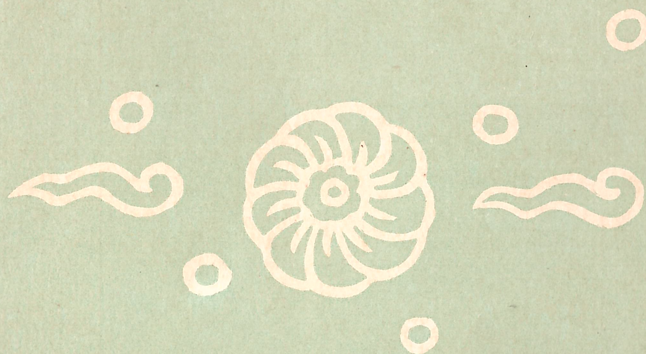

«Книга о чудесах Индии» капитана Бузурга ибн Шахрияра, жившего в X в., — один из интереснейших памятников арабской средневековой письменности. Это сочинение дошло до нас в единственной рукописи, переписанной в XIII в. и хранящейся в Стамбуле. Настоящее издание представляет собой первый русский перевод книги.

«Чудеса Индии» — сборник рассказов, записанных со слов арабских и персидских моряков и купцов, побывавших в Индии, Юго-Восточной Азии, Китае и Африке. Некоторые рассказы посвящены диковинным фактам, поразившим воображение автора или рассказчика, другие повествуют о плаваниях в далеких морях, о кораблекрушениях, чудесных спасениях, сказочных богатствах, приносимых заморской торговлей. Перед читателем встают образы мужественных, сильных людей, отправляющихся ради наживы в опасные путешествия, борющихся в море «с огромными, как горы, волнами», претерпевающих невероятные приключения, а по возвращении простодушно рассказывающих были и небылицы о своих странствиях. Они видели окружающий их мир сквозь призму своей фантазии, превращавшей действительность в волшебную сказку. Это сочетание жизни с мечтой и создает обаяние книги Бузурга ибн Шахрияра.

«Чудеса Индии» представляют интерес не только как литературное произведение, но и как исторический источник, содержащий важные сведения о торговле халифата и отражающий уровень географических знаний арабов в ту эпоху.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

کتاب
عجایب الهند
بره و بحره و جزایره

تألیف

بزرگ بن شهریار

الناخذاه الرامهرمزی

Бузург ибн Шахрияр

Чудеса Индии

Перевод с арабского
Р. Л. Эрлих

Под редакцией
И. Ю. Крачковского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Книга о чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрияра — один из интереснейших историко-географических и литературных памятников арабской средневековой письменности. Она создавалась во второй половине X в. в одном из приморских городов Южной Месопотамии или Западного Ирана и представляет собой свод рассказов, которые автор слышал от моряков и купцов, плававших в Индию, Китай, Индонезию, Африку и другие далекие страны.

Несмотря на то, что арабы располагали в это время разнообразными произведениями описательно-географического характера, автор ни разу не ссылается на них. Вместе с тем автор нигде не говорит, что содержащиеся в книге сведения почерпнуты из его собственного опыта; почти всегда он называет имя капитана или путешественника, от которого слышал тот или иной рассказ.

Эти рассказы различны по характеру и размеру. Некоторые посвящены какому-нибудь диковинному факту, поразившему воображение автора или рассказчика, и состоят всего из нескольких строчек. Другие занимают несколько страниц и повествуют о том или ином далеком морском путешествии. В художественном отношении рассказы также неоднородны. Наиболее поэтичные из них имеют чисто фольклорный характер.

Однако «Чудеса Индии» — не простое собрание былей и небылиц о морских приключениях и путешествиях. Чрезвычайно разнообразное по тематике (здесь речь идет и о природе заморских стран, и о быте и нравах населяющих их народов, и о морской флоре и фауне и т. д.), произведение это является своеобразной энциклопедией знаний жителей приморских городов хали-

фата X в. о странах восточных морей. Поэтому оно дает нам ценнейший материал для историко-географических, историко-культурных и этнографических выводов.

* *
*

Появление многочисленных и разнообразных географических произведений на арабском языке в IX и особенно в X в. теснейшим образом было связано с политической и экономической жизнью халифата.

Свержение династии Омейядов и приход к власти халифов из династии Аббасидов, опиравшихся в известной степени на иранскую феодальную аристократию, привели к перемещению в VIII в. политического центра халифата из Сирии в Ирак. В 762 г. второй халиф из династии Аббасидов, аль-Мансур, перенес столицу халифата в Багдад.

Аббасидские халифы, стремившиеся к укреплению государственной власти и централизации управления, нуждались в точных сведениях о провинциях халифата, о населенных пунктах, путях сообщения и экономике отдельных районов. Эти сведения были необходимы для установления размеров налогообложения, организации общегосударственной связи, а также для политического и военного контроля над жизнью отдельных провинций.

Вместе с тем широкие внешнеполитические связи халифата, обмен разнообразными миссиями и посольствами с соседними странами, военные походы создавали потребность в достоверной информации о других странах и способствовали притоку такой информации.

Перемещение политического центра халифата из Сирии в Ирак привело к быстрому развитию приморских городов Персидского залива, росту их торгового и политического значения. Теперь в руках персидских и арабских купцов оказалась вся торговля между Европой, Африкой и Передней Азией, с одной стороны, и Индией, Юго-Восточной Азией и Китаем — с другой. Эти широкие торговые связи, естественно, вызывали усиленный спрос на карты, справочники, описания маршрутов и способствовали распространению географических знаний в приморских городах халифата.

Наконец, значительную роль в ознакомлении жителей халифата с далекими странами сыграли путешествия мусульман на

поклонение в Мекку, поездки в мусульманские университетские центры Испании, Средней Азии и т. д.

В результате всего этого появилась обширная географическая литература, чрезвычайно разнообразная по жанрам и тематике. Здесь мы находим и трактаты ученых, и записи чиновников, и дневники путешественников. Некоторые сочинения, например Ибн Хордадбеха (IX—X вв.) и Кудамы ибн Джафара (начало X в.), являются пособиями для чиновников различных ведомств, сборщиков налогов и военных. В ряде произведений излагаются принципы средневековой арабской астрономии и космографии; таковы сочинения аль-Хоризми (IX в.), аль-Кинди (IX в.), аль-Баттани (IX—X вв.). Описанию областей халифата и соседних стран посвящены труды путешественников и ученых X в. аль-Масуди, Ибн Хаукаля, аль-Мукаддаси и других.

Интересы средневековых арабских географов и путешественников выходят далеко за пределы халифата, и предметом их изучения становится почти вся Европа, Восточная Африка и Азия до Китая. В сферу их наблюдений попадают самые разнообразные явления природы и общественной жизни. Арабские ученые интересовались строением поверхности, климатом, флорой и фауной, экономикой, культурой и обычаями стран, которые они описывали или посещали.

Но, кроме серьезной научной литературы, дающей представление об уровне средневековой арабской географической науки, существовали произведения развлекательного характера, представляющие для нас, тем не менее, значительный историко-географический интерес. Авторами таких произведений обычно бывали путешественники или купцы — участники заморских экспедиций. Однако часто собиранием рассказов о далеких странах и морских путешествиях занимались лица, не выезжавшие за пределы родного города, но получавшие сведения «из первых рук» — от моряков и путешественников. Родиной таких сборников, как правило, были города Западного Ирана и Южной Месопотамии: Басра, Сираф и другие с их специфической разноплеменной и пестрой в религиозном отношении моряцкой и купеческой средой. Подобного рода сочинения в равной мере относятся и к научно-исторической, и к художественной литературе, ибо конкретные историко-географические сведения, содержащиеся в них, неразрывно сплетены с фантастикой, поэтическим вымыслом и обильным фольклорным материалом. В этом своеобразном жанре и написаны «Чудеса Индии» капитана Бузурга ибн Шахрияра.

К сожалению, единственный источник, по которому мы можем судить о личности автора «Чудес Индии»,—его собственное сочинение. Бузург ибн Шахрияр родился в начале X в. в персидском городе Рам-Хурмузе (Западный Иран). Свою книгу он закончил около 960 г. Бузург, по-видимому, участвовал только в каботажных плаваниях и большую часть жизни провел в одном из портовых городов Персидского залива. Он прекрасно знал быт и нравы портовых городов, находился в дружеских отношениях со многими жившими там опытными моряками, купцами и путешественниками, знал и любил море.

Слушая рассказы бывалых моряков и купцов, Бузург записывал те из них, которые казались ему особенно удивительными или поучительными. При этом он всегда указывает имя рассказчика и часто добавляет, что этот человек долгое время жил в заморских странах или известен как знаменитый капитан и т. п. В тех случаях, когда полученное сообщение вызывает у автора сомнение, он специально оговаривает это. Услышав рассказ о гигантских раках и усомнившись в его достоверности, он спросил Мухаммада ибн Бабишада: «Могу ли я передать этот рассказ от твоего имени?» — «Я ведь сам слышал его», — ответил осторожный рассказчик. Так же поступает автор в ряде других случаев. Например, передавая рассказ Мухаммада аль-Умани о животных, меняющих свой пол, автор пишет: «Я не знаю, что об этом и думать. Говорят, что и зайцы обладают тем же свойством. Помоему, это невозможно. А впрочем, Аллах лучше знает».

В другом месте автор говорит: «Понравилось мне то, что я слышал о черепахах, хотя рассказы эти так невероятны, что их не принимает ум».

Разумеется, автор сплошь да рядом не в состоянии отделить реальное от вымышленного и фантастического; нам, однако, важно установить, что автор не «выдумывает», а подходит к полученным сведениям с доступным ему критическим анализом.

«Книга о чудесах Индии» содержит много разнообразных историко-географических сведений. В сравнительно небольшом тексте памятника упоминается около ста географических наименований, большая часть которых поддается идентификации. Многочисленные рассказы сборника о далеких морских экспедициях в страны Азии и Африки являются отражением реальной действительности — оживленной торговли и широких морских связей портовых городов Южной Месопотамии, Ирана и Аравии в IX—X вв.

Только небольшая часть рассказов, входящих в сборник, прямо или косвенно связана с самой Индией. Знакомство арабских моряков с этой страной в основном ограничивалось побережьем. Сведения о внутренних областях в этот период носили полуфантастический характер.

Арабские корабли, направлявшиеся к островам Малайского архипелага или в Китай, плыли вдоль хорошо знакомого Малабарского берега к острову Серендибу (Цейлон), который был важным промежуточным пунктом на пути в страны Дальнего Востока. Представления о богатстве Цейлона и многочисленности его населения отразились в фантастическом сообщении Бузурга ибн Шахрияра о «ста тысячах» селений острова.

Особое внимание купцов привлекали острова Малайского архипелага, которые по географическим представлениям того времени входили в Страну Золота. Страна Золота считалась одной из наиболее богатых частей известного в ту пору мира. Сирафский купец Юнус ибн Михран, побывавший на острове Суматра (Забедж), с восторгом рассказывал Бузургу ибн Шахрияру о многочисленных городах и деревнях острова, о рынках и оживленной торговле.

Арабские и персидские купцы совершали также путешествия в страны Дальнего Востока.

В VIII—IX вв. в Кантоне была колония мусульманских купцов, поддерживавших постоянные торговые связи с городами Персидского залива. Купцы и моряки рассказывали Бузургу ибн Шахрияру о городе Хумдане (Синаньфу) — древней столице Китая, резиденции багбура (китайского императора), о великой реке Янцзы.

Со странами, расположенными на побережье Восточной Африки и прилегающих островах, арабские и персидские купцы были знакомы довольно слабо. Содержащиеся в «Чудесах Индии» рассказы о стране Хабеш (Абиссиния), Софале зинджей, островах Канбалу, Татба и Дабабид не всегда опираются на свидетельства очевидцев.

В «Чудесах Индии» Бузурга ибн Шахрияра есть ценные сведения по истории торговли и мореплавания в халифате в X в. Эти сведения позволяют увидеть в новом свете и уточнить факты, известные нам по другим источникам. Приведем несколько примеров.

Оживленная торговля купцов халифата с Западной Индией привела к образованию в городах Малабарского побережья му-

сульманских колоний. Важные сведения о положении таких колоний мы находим в рассказе, который Бузургу ибн Шахрияру сообщил сирафец Аббас ибн Махан.

Аббас ибн Махан был «хунарманом» в индийском городе Сеймуре, т. е. главой местной мусульманской колонии. Какой-то приезжий моряк «араб» (а под арабами часто подразумевались в Индии все жители халифата) осквернил местную святыню. Жители Сеймура предлагали казнить моряка, однако местный правитель воспротивился этому. «Это невозможно, — сказал он.— Преступник из арабов, а с арабами у нас договор». Из дальнейшего выясняется, что все дела о преступлениях мусульман находились в компетенции хунармана, которым мог быть только мусульманин.

По словам автора, хунарман «имеет приблизительно те же обязанности, что и кади в мусульманских странах». Эту должность занимал обычно богатый купец. Так, в другом месте автор сообщает, что хунарман Аббас ибн Махан занимался крупной торговлей и отправил судно с лесом в Оман.

Привилегии, которыми пользовались мусульманские колонии в городах Западной Индии, если верить источнику, были зафиксированы в специальных соглашениях.

Другой эпизод из книги Бузурга говорит о тесных связях мусульманских торговых колоний с портовыми городами халифата. В 918 г. из Сирафа в Сеймур отправился корабль, снаряженный совместно купцами этих городов. Вместе с этим кораблем плыли два других. На трех кораблях было, по словам автора, 1200 человек. Во время бури корабли погибли, и только небольшой группе путешественников удалось добраться до берега. Свой рассказ автор заканчивает словами: «Гибель этого судна с грузом привела к расстройству дел Сирафа и Сеймура. Ведь вместе с кораблем пропали величайшие богатства, погибли именитейшие капитаны и купцы».

В приведенном рассказе интересно не только сообщение о совместной организации торговой экспедиции купцами Сирафа и индийской мусульманской колонии. Источник указывает на «расстройство дел Сирафа и Сеймура», якобы вызванное гибелью большого корабля с людьми и грузом, что в общем соответствует историческому факту упадка Сирафа в X в.

Одним из главных соперников Сирафа и других городов Персидского залива в торговле с заморскими странами был большой портовый город Оман. О важной роли Омана в заморской

торговле халифата говорит рассказ об Исхаке, сыне еврея, на который впервые обратил внимание И. Ю. Крачковский *.

Это был один из мелких оманских купцов. После тридцати лет странствий он вернулся в 913 г. из Китая в Оман разбогатевший, на собственном корабле, полном заморских товаров: мускуса, дорогих тканей, фарфора и драгоценных камней. Ценность товаров была столь велика, что купец заплатил правителю Омана Ахмаду ибн Хилалю вместо пошлины, чтобы избежать подсчета стоимости всех товаров, более миллиона дирхемов. Узнав о богатстве этого купца, халиф аль-Муктадир решил конфисковать его имущество и отправил в Оман чернокожего слугу аль-Фульфуля с предписанием арестовать Исхака и привезти в Багдад. Ахмад ибн Хилаль, недовольный, видимо, вмешательством халифа в местные дела, тайно предостерег купцов города. Возмущенные оманские купцы явились к правителю и изгнали аль-Фульфуля. Они отправили халифу письмо, в котором предупреждали его, что подобные действия могут повредить торговле не только Омана, но и других городов халифата.

Этот рассказ имеет большое значение для понимания взаимоотношений купечества торговых городов халифата с багдадскими властями. Он свидетельствует о слабости власти аббасидских халифов в начале X в. и об усилении провинциальной администрации, а также о влиянии, которым пользовалось оманское купечество, осмелившееся изгнать правительственного агента.

Некоторые детали рассказа подтверждаются другими арабскими источниками. Например, слуга халифа аль-Муктадира по имени аль-Фульфуль упомянут у продолжателя исторической хроники ат-Табари — Ариба. В этой же хронике сообщается, что правитель Омана Ахмад ибн Хилаль был большим любителем всяческих диковинок и посылал халифу в качестве подарков заморских зверей и птиц. В «Чудесах Индии» также рассказывается, как Ибн Хилаль отправил халифу в виде подарка «муравья огромных размеров». Эти мелкие детали лишний раз свидетельствуют о добросовестности Бузурга ибн Шахрияра при передаче фактов.

В другом месте книги Бузург записал рассказ капитана Исмаилуйи о его путешествии из Калы (на Малаккском полуостро-

* И. Ю. Крачковский, *Из истории торговых связей халифата в X в.* («Ученые записки Ленинградского государственного университета», 1952, № 123, Серия востоковедных наук, вып. 3, «История и филология стран Востока»), стр. 45—51.

ве) в Оман. Это расстояние корабль прошел всего за 41 день. Исмаилуйя заплатил оманскому правителю пошлину в 600 тысяч динаров.

Рассказ Исмаилуйи показался Бузургу ибн Шахрияру неправдоподобным, и он навел дополнительные справки, о чем сообщает в другом месте своего сочинения. Выяснилось, что Исмаилуйя действительно приехал из Калы в Оман, но его путешествие продолжалось будто бы 48 дней. Пошлина же в 600 тысяч динаров была наложена на корабль некоего Кавана, прибывшего из Серендиба.

Данные о стоимости товаров, привезенных Исхаком и Каваном, чрезвычайно преувеличены, но все же в какой-то мере показывают характер торговли в те времена. Заморская торговля была делом крайне рискованным и ненадежным, поэтому было выгодно перевозить только очень ценные товары. И если уж плавание заканчивалось благополучно, прибыль оказывалась во много раз больше всех расходов.

В торговых предприятиях купцов халифата важное место занимали экспедиции за «живым товаром». Бузург в своем сборнике не раз говорит о торговле рабами. Моряки бесхитростно рассказывали Бузургу ибн Шахрияру о своем жестоком промысле: «Пользуясь услугами царя, мы беспрестанно обманывали туземцев, крали у них детей или покупали их за передники, финики и всякую мелочь».

«Чудеса Индии» дают нам возможность ознакомиться с некоторыми сторонами жизни приморских городов халифата в X в. полнее, чем какая-либо средневековая историческая хроника или научный трактат.

При чтении «Чудес Индии» обращает внимание полное отсутствие у автора религиозного фанатизма и нетерпимости. Он с большой теплотой пишет о тех, кто только недавно принял ислам (например, о царе области Ра, Махруке ибн Раике, или о зинджском царе), с сочувствием рассказывает о купце еврее, обиженном халифскими властями в Омане, негодует, повествуя о мусульманине, оклеветавшем иностранного матроса, «беспомощного и беззащитного». В портовых городах Персидского залива с их пестрым в религиозном и национальном отношениях населением было много лиц, недавно принявших ислам. Может быть, к их числу принадлежал и Бузург ибн Шахрияр, проявлявший такой повышенный интерес к этой теме и постоянно подчеркивавший высокие нравственные достоинства вновь обращенных. С этой

точки зрения характерен один из рассказов сборника, посвященный сирафскому капитану Абу-з-Захру аль-Бархатию. Аль-Бархатий прежде был огнепоклонником (т. е. зороастрийцем), позднее он принял ислам и «стал прекрасным мусальманином». «Аль-Бархатий пользовался всеобщим уважением и доверием, — пишет автор. — Люди прислушивались к его словам и доверяли ему свое имущество и детей».

В «Чудесах Индии» моряк или купец — мусульманин всегда выделяется из массы своих товарищей-немусульман как «первый среди равных», высокие моральные качества которого заставляют всех прислушиваться к его голосу. Так, в рассказе об «Острове женщин» автор пишет, что во время бури «каждый молился тому божеству, которое чтил, так как это были люди различных вер, обитатели Индии, Китая, Ирана и островов», но спасены были все благодаря мудрым советам «мусульманского шейха из андалусского города Кадикса».

Капитаны кораблей составляли своего рода сообщества, в которых действовали неписаные профессиональные и этические законы. Корпоративные правила предоставляли капитанам во время плавания почти неограниченную власть и вместе с тем накладывали на них серьезные обязательства. «Ведь мы, члены сообщества капитанов кораблей, вступив на них, связываем с ними свою судьбу и жизнь: если корабль цел — мы живы; если он погибает — умираем и мы», — говорит в «Чудесах Индии» один из капитанов.

Иногда, в трудную минуту, капитанам приходилось принимать крутые меры. Бузург рассказывает об одном из приключений опытного капитана Алламы. Чтобы заставить купцов, находившихся на корабле, выполнить его приказание — для спасения корабля выбросить груз в море, — Аллама, предвидевший приближение страшной бури, пригрозил, что в случае неповиновения он покинет судно.

Другой капитан, Ахмад, во время сильного шторма, несмотря на требования испуганных купцов, отказался выбросить в море груз, заявив: «Ничего не будет выброшено, пока я еще в состоянии что-нибудь сделать и имею хоть малейшую возможность избежать гибели».

Наиболее опытные и удачливые капитаны пользовались в странах, участвовавших в морской торговле, заслуженной славой. Имя одного из друзей Бузурга ибн Шахрияра — капитана Мухаммада ибн Бабишада из Сирафа было так широко известно, что

один индийский царь даже приказал, по словам автора, изготовить его изображение, так как «это великий капитан, чье имя облетело моря». «У них в обычае, — поясняет Бузург, — заказывать портреты всех людей, пользующихся почетом и славой, к какому бы сословию эти люди ни принадлежали».

Другой капитан, Джахуд Кута, побывавший у царя Забеджа, сумел добиться для мусульманских купцов и моряков, в нарушение местного придворного этикета, особой привилегии — не сидеть в присутствии царя в предписанной позе. Это отступление было сделано, как говорится в книге, «из уважения к мусульманским купцам и морякам».

Капитаны, нарушавшие морскую этику, вызывали у моряков презрение. «...Не было среди морских капитанов более бесчестного человека, чем Мерзебан; с купцами на своем корабле он поступал как настоящий стряпчий»,—возмущенно говорит Бузург ибн Шахрияр.

Среда, из которой рекрутировались моряки, не была однородна в социальном и религиозном отношениях. Имена некоторых капитанов в «Чудесах Индии» не сопровождаются куньей (прозваньем по имени отца или сына, распространенным у мусульман, например: ибн Бабишад — сын Бабишада) и скорее напоминают клички, что говорит, возможно, о незнатном происхождении их носителей.

Бузург сообщает интересные биографические сведения о капитане Абхаре, показывающие, что кормчие купеческих кораблей часто были выходцами из беднейших слоев населения. Абхара родился в Кермане (Западный Иран). В молодости он пас овец, позднее стал рыбаком, а затем поступил матросом на судно, отправлявшееся в Индию. Там Абхара перешел на китайский корабль и наконец стал капитаном.

Общемусульманский характер большинства имен не позволяет установить родину того или иного моряка. Тем не менее некоторые имена совершенно определенно указывают на иранское происхождение (Бабишад, Шадан, Дарбезин). Из упомянутых в «Чудесах Индии» капитанов по крайней мере семеро были уроженцами Сирафа.

Некоторые капитаны, принимавшие участие в заморских экспедициях, занимались торговлей наравне с купцами. Так, Бузург ибн Шахрияр сообщает о капитане Ахмаде, который вложил все свое состояние в столь плачевно окончившуюся торговую экспедицию купцов Сирафа и Сеймура.

* *
*

Заморская торговля была основой жизни населения приморских городов. Понятно, что в этой среде бытовало множество рассказов о море: о кораблекрушениях, чудесных спасениях, сказочных богатствах, приносимых далекими путешествиями.

Как отмечалось выше, Бузург включал в свой сборник только те рассказы, которые, по его мнению, заслуживали доверия. И тем не менее многое в «Чудесах Индии» представляется современному читателю неправдоподобным, сказочным. Это обусловлено не только полуфантастическим представлением о мире, которое соответствовало уровню естественнонаучных знаний средневековья; сочетание реального и чудесного в этой книге вырастает из специфической атмосферы жизни приморских городов халифата в X в. со всем ее историческим своеобразием.

Дальние экспедиции арабских и персидских мореплавателей приняли в VIII—X вв. особенно широкий размах. Эти экспедиции значительно расширили кругозор жителей приморских городов халифата. Однако количественное накопление знаний о мире не сопровождалось (во всяком случае немедленно) их соответствующим научным осмыслением. Арабские географы упорно держались за разработанные еще греками теоретические построения, несмотря на то что вновь полученные сведения постоянно их опровергали. А в среде людей дела — моряков и купцов — были широко распространены всевозможные легенды и суеверия. Вполне реалистическое восприятие жизненных явлений, порожденное суровой практикой морских будней, требовавшей от человека выдержки, предприимчивости, умения трезво оценить факты, уживалось с наивнейшими представлениями, верой в чудеса, нелепейшими предрассудками.

Уходившие в море корабли привозили из далеких стран огромные богатства — ткани, драгоценные камни, рабов, бесчисленные заморские диковинки, но очень часто не возвращались, потопленные разбойниками или поглощенные океаном. При отсутствии точных навигационных приборов плавание на весьма несовершенных и непрочных судах было связано с огромным риском. Все надежды возлагались на опытность капитана и на удачу.

Полная опасностей жизнь, постоянная зависимость от стихийных сил природы поддерживали веру в чудесное и культивировали интерес к морским «чудесам». Поэтому невероятные

истории передавались моряками из поколения в поколение и при этом всегда рассказывались как происходившие недавно. Когда путешественники рассказывали Бузургу ибн Шахрияру о том, что они видели, — они действительно видели или думали, что видели.

Это сплетение опыта и вымысла, реального быта и волшебной сказочности и составляет неповторимое эстетическое своеобразие «Чудес Индии» и придает самому тону сочинения особое поэтическое обаяние.

Перед читателем встают образы мужественных, сильных людей, разговаривающих живым, сдобренным вульгаризмами языком, отправляющихся ради наживы в опасные путешествия, борющихся в море с «огромными, как горы, волнами», претерпевающих невероятные приключения, а по возвращении рассказывающих с наивным простодушием были и небылицы о своих странствованиях. Близость к природе заставляла этих людей наделять живые существа морей и далеких стран человеческими чертами. Рыбы, радующиеся кораблю как спутнику, обезьяны, испытывающие симпатию к морякам и приносящие им «золотые корни», — все кажется правдоподобным этим видевшим мир людям.

За каждым, даже маленьким отрывком сборника — будь то история моряка, попавшего на необитаемый остров, или полный драматизма рассказ о потерпевших кораблекрушение, собиравшихся с голода съесть мальчика, — чувствуются рассказчики, всюду побывавшие и много видевшие, жадно впитывавшие наиболее острые впечатления жизни.

К лучшим в художественном отношении частям «Чудес Индии» относится рассказ о молодом зинджском царе, похищенном оманскими моряками и проданном в рабство. Благородство зинджского царя противопоставляется алчности и неблагодарности оманцев. В композиционном отношении это самостоятельная, законченная новелла. Все детали рассказа выписаны реалистически, раскрытие образа центральной фигуры рассказа — зинджского царя, главных черт его характера: верности, честности, благородства, гордости — происходит не декларативно, а постепенно выявляется из его мотивированных поступков. Царь, брошенный оманцами в трюм вместе с другими рабами, ведет себя с большим достоинством, не желает смотреть на похитителей и разговаривать с ними. Бежавший и вернувшийся на родину царь сожалеет, что не может возместить своей стоимости хозяину. На пер-

вый план в рассказе выступают наивная мусульманская дидактика и рабовладельческая психология рассказчика. Как и в других частях сборника, высокие моральные качества вновь обращенных мусульман подчеркиваются и противопоставляются жестокости и корыстолюбию жителей «коренных» мусульманских областей.

Книга Бузурга ибн Шахрияра не была исключительным явлением для IX—X вв. Напротив, есть все основания предполагать, что в этот период существовали и другие сочинения такого рода. Рассказы моряков, передававшиеся из уст в уста, дополнялись новыми деталями и принимали фольклорный характер. К целому ряду рассказов, входящих в «Чудеса Индии», можно без труда найти параллели в сборниках более позднего времени.

Очень интересно сопоставление с рассказами о приключениях Синдбада-морехода, вошедшими в «Тысячу и одну ночь». Сюжетное сходство их с отдельными частями книги Бузурга несомненно. Мы находим рассказы и о потерпевшем кораблекрушение, который улетел с необитаемого острова, привязавшись к лапам огромной птицы Рух, и о долине алмазов, охраняемой змеями, и о гигантской рыбе, принятой мореплавателями за остров, и другие рассказы, повторяющие в основной сюжетной линии и в деталях соответствующие эпизоды «Чудес Индии».

Сборник «Тысяча и одна ночь» в своей окончательной редакции сложился в Египте в XIV—XVI вв. Однако сказочный свод, носивший то же название, существовал в Багдаде еще в X в. Хронологическое выявление отдельных пластов «Тысячи и одной ночи» и определение их характера на различных стадиях развития сборника до сих пор не проделаны. Исследователи выдвигали многочисленные гипотезы, но вопрос пока еще не решен. Не вполне ясен также вопрос о литературных источниках различных частей «Тысячи и одной ночи», в частности «Приключений Синдбада-морехода». Возможно, что редактор рассказов о Синдбаде использовал в качестве одного из источников «Чудеса Индии» или какой-либо аналогичный сборник X в. Возможно также, что эти рассказы первоначально не были частью «Тысячи и одной ночи», а существовали в виде самостоятельного сборника. В некоторых более древних рукописях «Тысячи и одной ночи» их нет.

Синдбад не похож на героев других сказок—слабых и изнеженных горожан, привыкших к лени и чувственным удовольствиям. Правда, Синдбад свою молодость проводит в кутежах и очень быстро растрачивает состояние, доставшееся ему в наследство от отца — богатого купца. Но вынужденный силой обстоя-

тельств пуститься в далекое путешествие, он уже больше не может усидеть на месте и через некоторое время после возвращения опять отправляется в странствования. «Захотелось душе попутешествовать и прогуляться, она стосковалась по торговле, наживе и прибыли — душа ведь приказывает злое», — говорит Синдбад.

В этом мужественном, яростно цепляющемся за жизнь, неутомимом путешественнике мы без труда узнаем моряка или купца— главного персонажа «Чудес Индии».

Но вместе с тем бросается в глаза огромное различие в характере этих двух произведений средневековой арабской литературы. В то время как книга Бузурга самым тесным образом связана с жизнью приморских городов халифата X в. и записана со слов живых людей — участников морских экспедиций, рассказы о Синдбаде-мореходе, составленные в Багдаде или Египте на основании других источников, совершенно оторвались от реальности. В то время как в «Чудесах Индии» постоянно чувствуется стремление автора сблизить детали рассказов с реальными явлениями, в «Приключениях Синдбада» эти детали приобретают уже совершенно фантастический характер.

Синдбад-мореход живет в Багдаде во времена Харуна ар-Рашида. Для Бузурга ибн Шахрияра халиф Харун ар-Рашид, не вызывавший у современников ни восторга, ни особого уважения, был ничем не примечательным правителем, имя которого он упоминает вскользь. Для автора «Приключений Синдбада» Харун ар-Рашид в полном соответствии с позднейшей легендой — личность таинственная и необыкновенная.

Остров, к которому пристает корабль, в книге Бузурга ибн Шахрияра оказался морским животным. Он «пустынен и гол», как подобает спине морской черепахи. В «Приключениях Синдбада» неправдоподобие рассказа усиливается до предела. Остров, оказавшийся рыбой, покрыт землей, порос деревьями и «подобен саду». В «Чудесах Индии» обезьяны нападают на караван путешественников. В «Синдбаде» обезьяны нападают на город и каждую ночь изгоняют его жителей. Птица переносящая путешественников с необитаемого острова на материк, в «Чудесах Индии» отличается от остальных пернатых, судя по описанию, только крупными размерами. В «Синдбаде» — это гигантская птица Рух, которая «кормит своих детей слонами» и топит корабль, сбрасывая на него каменные глыбы.

У автора «Синдбада» нет ясных географических представлений об описываемых странах. Например, он пишет о стране, насе-

ленной и индийцами, и абиссинцами. Реальные страны превращаются в таинственный «климат царей», в фантастические государства и острова.

Капитаны и моряки Бузурга ибн Шахрияра—люди с определенным чувством чести, правилами этики. В «Приключениях Синдбада» всего этого нет и в помине. Здесь рассказывается о капитане, который «распустил паруса и поехал с теми, кто поднялся на корабль, не обращая внимания на утопающих». Моряки Бузурга ибн Шахрияра так бы не поступили.

В самом образе Синдбада, несмотря на его очевидную близость к героям «Чудес Индии», мы находим ряд черт, отличающих его от моряков и купцов Бузурга ибн Шахрияра и свойственных иному времени и иной среде. Только затруднительные обстоятельства могли заставить Синдбада согласиться на путешествие по морю. Всякий раз, попадая в очередную переделку, Синдбад-мореход упрекает себя в безрассудстве, толкнувшем его на морское путешествие. Привыкшим к спокойной жизни купцам Багдада или Египта XIV—XVI вв. заморские путешествия казались делом ненужным и опасным. С нескрываемым удовлетворением говорит Синдбад о том, что он наконец «достиг счастья после сильного утомления, великих трудов и многих ужасов». «Я накупил, — говорит Синдбад, — слуг, прислужников, невольников, рабынь и рабов... домов, земель, поместий... и забыл все, что вытерпел: и усталость, и чужбину, и труды, и ужасы пути. И я развлекался наслаждениями и радостями, и прекрасной едой, и дорогими напитками и продолжал жить таким образом».

Иными глазами смотрели на морские путешествия герои Бузурга ибн Шахрияра. Профессия моряка не только не содержала для них чего-либо противоестественного или зазорного, но была благородным и почетным промыслом. Они любили море, умели чувствовать его красоту. Бесхитростность их рассказов, отсутствие какой-либо рисовки, правдивые и яркие описания морской природы выгодно отличают «Чудеса Индии» от несколько искусственного изложения «Приключений Синдбада-морехода».

* *
*

Сочинение Бузурга ибн Шахрияра «Чудеса Индии» дошло до нас в единственной рукописи, переписанной в XIII в. и хранящейся в Стамбуле. Впервые перевод ее на французский язык был

издан в 1878 г. ориенталистом Девиком *. Переводчик снабдил издание предисловием и краткими комментариями. К сожалению, в рукописи, использованной Девиком, было много ошибок и пропусков, что значительно снизило ценность перевода. Французское издание 1878 г. не содержало арабского текста.

В 1886 г. рукопись «Чудеса Индии» была издана Ван дер Литом **. Новое издание включало исправленный арабский текст, заново выполненный Девиком французский перевод и подробные научные комментарии, до настоящего времени не потерявшие своего значения.

В 1928 г. в Лондоне был издан английский перевод сочинения, сделанный с французского перевода и научного интереса не представляющий ***.

Предлагаемый читателю русский перевод выполнен под редакцией академика И. Ю. Крачковского ленинградской арабисткой Р. Л. Эрлих (ум. в 1930 г.) с арабского текста, изданного Ван дер Литом ****. Иллюстрации представляют собой репродукции миниатюр из хранящейся в Париже рукописи Харири «Макамы», переписанной в XIII в. (как и рукопись «Чудес Индии»), и воспроизводятся по изданию «Книги о чудесах Индии» Ван дер Лита. Эти миниатюры изображают некоторые сюжеты, встречающиеся также в книге Бузурга.

И. Фильштинский

* Bozorg ben Šahryār ar-Ramhormozī, *Les merveilles de l'Inde. Ouvrage arabe inedit du X-e siècle,* Paris, 1878.

** *«Livre des merveilles de l'Inde»*. Par le captaine Bozorg fils de Chahriyar de Ramhormoz. Texte arabe publié d'après le manuscrit de M. Schefer, collationné sur le manuscrit de Constantinople par P. A. Van der Lith. Traduction française par L. Marcel Devic, Leiden, 1883—1886.

*** Buzurg ibn Shahriyar, *The book of the marvels of India.* From the Arabic by L. Marcel Devic, London, 1928.

**** Перевод проверен и подготовлен к печати И. Фильштинским. Примечания к переводу были составлены Р. А. Эрлих; в настоящем издании они дополнены и исправлены И. Фильштинским *(Ред.)*.

Книга
о ЧУДЕСАХ ИНДИИ,

ее земли, моря и островов,
составленная
Бузургом ибн Шахрияром,
капитаном из Рам-Хурмуза

Во имя Аллаха милостивого, милосердного, — да будет он мне опорой!

Хвала Аллаху, всемогущему и великому, щедрому и милостивому, создавшему разнообразные народы и племена, даровавшему им в творении своем различные нравы и обличия, ведущему их властью своей от состояния к состоянию, научившему их в своей мудрости совершать удивительные дела! Он улучшает и укрепляет, он направляет и исправляет. Так сказал он, правдивейший из говорящих (читай): «Господь твой всеблагий, он научил при помощи письменной трости, научил человека тому, чего человек не знал» [1]. Различные деяния его в разных странах, изумительные дела его в пустынях и морях и все, что устроил он удивительного в странах и землях, свидетельствует, что благословен он, всевышний! — един и вечен, всемогущ и един! Пусть тот, кто проницателен, задумается! Он послал Мухаммада с руководством и истинной верой [2] ко всем созданиям. Благословение Аллаха над ним и над семьей его, пока сверкает молния и солнце восходит с востока!

Аллах — благословенно имя его и возвеличена слава! — разделил все чудеса творения на десять частей. Одну из них он уделил трем столпам земли: Западу, Югу и Северу; девять частей — столпу Востока. Восемь из них он назначил Индии и Китаю, только одну часть — остальному Востоку. Относительно Индии вот что рассказал нам в Басре [3] Абу Мухаммед аль-Хасан

ибн Амр ибн Хаммуйя ибн Харам ибн Хаммуйя ан-Наджирами [4]:

«Когда я был в Мансуре [5] в двести восемьдесят восьмом году [6], один из шейхов [7] этого города, человек, достойный доверия, сообщил мне, что царь области Ра [8], по имени Махрук ибн Раик, — а это могущественнейший из царей Индии, и страна, которой он управляет, лежит между Верхним и Нижним Кашмиром [9], будто этот царь в двести семидесятом году [10] письменно просил мансурского правителя Абдаллаха ибн Омара ибн Абд аль-Азиза истолковать ему законы ислама на индийском языке. Тогда Абдаллах призвал одного человека, жителя Мансуры, но родом из Ирака [11], человека высоких дарований, светлого ума и поэта, который вырос в Индии и знал различные языки этой страны. Когда правитель сообщил ему о просьбе царя Ра, поэт составил касыду [12], в которой изложил все необходимое, и отослал ее царю. Прослушав касыду, царь одобрил ее и в письме просил Абдаллаха прислать ему автора; правитель его отправил. Стихотворец три года оставался у царя, а потом вернулся и, по просьбе Абдаллаха, подробно рассказал ему о повелителе Ра. Когда он уезжал от царя, тот и в душе и на словах стал уже мусульманином, но не мог открыто исповедовать ислам из боязни лишиться власти и царского сана. Между прочим, поэт говорил будто он, по просьбе царя, объяснял ему коран на индийском языке. „Раз во время объяснения, — рассказывал он, — я дошел до суры „Йасин“ [13] и разъяснил слова Аллаха всемогущего и великого: „Кто оживляет кости, когда они истлели? Скажи: оживляет их тот, кто произвел впервые; он ведает все сотворенное“ [14]. Когда я толковал это место, царь сидел на золотом троне, выложенном дорогими камнями и бесценным жемчугом. „Повтори мне эти слова!“ — сказал он, и я повторил их ему. Тогда царь спустился с престола и прошелся по земле, которая была влажна от того, что ее недавно поливали; он приложил к земле щеку и расплакался, так что лицо его выпачкалось в грязи. И сказал мне царь: „Это он — господь, достойный поклонения, первый, извечный, которому нет подобного“. И построил себе царь особое помещение и делал

вид, что удаляется туда для важных занятий, а на самом деле тайно молился там, и не знал об этом никто". Царь этот дал стихотворцу в три срока шестьсот мин [15] золота».

Я слышал от того же рассказчика, что жители Верхнего Кашмира ежегодно собираются на праздник. Во время этого праздника проповедник всходит на кафедру с кувшином из необожженной глины в руках и после проповеди говорит в поучение присутствующим: «Храните и берегите себя и свое имущество!». А потом прибавляет: «Посмотрите на этот глиняный кувшин! Его берегли и хранили, и он остался цел». А говорят, этому кувшину четыре тысячи лет.

Абу Абдаллах Мухаммад ибн Бабишад ибн Харам ибн Хаммуйя ас-Сирафи [16], виднейший из капитанов, которые ездили в Страны Золота [17], именитый и честный моряк, сведущий в морском деле больше всех божьих созданий, говорил мне, что в местности Абрир у Серендибских заливов [18] расположен обширный город, имеющий тридцать рынков и даже больше того; каждый из этих рынков в полмили [19] длиной. Там изготовляются местные одежды, дорогие и красивые. Город лежит на большой реке, впадающей в заливы, в нем около шестисот больших храмов, не считая маленьких. Величиной же город приблизительно в четыреста баридов [20]. За городом находится гора, из-под которой бьет источник. На склоне горы есть большое дерево из простой и желтой меди, полное шипов, похожих на вертелы или на громадные иглы. Против дерева стоит огромный идол — статуя негра с глазами из хризолита. Около этого кумира ежегодно справляется праздник: люди приходят, взбираются на гору; а если кто из них желает приблизиться к своему господу, тот пьет, поет, несколько раз падает перед идолом ниц, а затем кидается с горы на это дерево и раздирается об него в клочья. Есть и такие, что бросаются вниз головой на большую скалу у подножья черного идола; по ней льется вода источника, бьющего из-под статуи. Они разбиваются об эту скалу и попадают в пламя Аллаха.

Тот же капитан рассказал мне, что в Индии в местности Канудж [21] есть женщины, которые кладут орех

арека [22] между больших губ и сжимают его с такой силой, что он раскалывается на части.

Тот же капитан передавал мне, что он слышал в юности об одном из капитанов Китая и Страны Золота, по имени Мардуйя ибн Забарахт. Однажды этот моряк около острова Забеджа [23] проплыл между двумя остроконечными высотами, выступавшими над морем. Сначала капитан принял их за две морские горы; но, когда корабль прошел мимо, высоты погрузились в воду, и Мардуйя решил, что это клешни рака. Тут я спросил Абу Мухаммада: «Могу ли я передать этот рассказ от твоего имени?» — «Я ведь сам слышал его, — ответил Абу Мухаммад. — Это изумительный случай! Единственное, что я могу об этом сказать, это то, что морские раки достигают огромных размеров».

Другой из выдающихся капитанов Страны Золота — Исмаил ибн Ибрахим ибн Мирдас, известный под именем Исмаилуйи, зятя Амканина, — рассказал мне следующее:

Во время одной из своих поездок в Страны Золота он приблизился к суше недалеко от Ламери [24], так как ему понадобилось остановить корабль, который получил повреждение. Когда моряки бросили большой якорь, судно по никому неизвестной причине продолжало плыть дальше. «Спустись по якорному канату и узнай в чем дело!» — приказал Исмаилуйя водолазу. Но водолаз, перед тем как нырнуть, заглянул в глубину и увидел, что якорь зажат между клешнями рака, который, играя им, тащит корабль. Матросы стали кричать и кидать в воду камни; наконец они вытянули якорь и бросили его в другом месте. А весил этот якорь целых шестьсот мин или еще больше.

Слышал я от Абу Мухаммада аль-Хасана ибн Амра, будто кто-то из капитанов рассказал ему, как однажды снарядил свой корабль в Забедж и оказался со своими спутниками около одного прибрежного селения на островах Вак-Вак [25], к которым их прибило ветром. Увидев корабль, жители поселка захватили что смогли из своего имущества и бежали в степь; моряки же, не зная страны и не понимая причин бегства, побоялись сойти на берег. Просидев два дня на корабле и не дождав-

шись никого, кто мог бы дать им какие-нибудь объяснения, они высадили на сушу одного из своих товарищей, знавшего вак-вакский язык. Человек этот отважился выйти из поселка в степь и нашел туземца, спрятавшегося на дереве. Моряк ласково заговорил с ним, дал ему отведать фиников, которых захватил с собой, и попросил объяснить ему причину бегства жителей, пообещав не причинить ему вреда и наградить, если тот скажет правду. Туземец ответил, будто жители деревни, увидев корабль, вообразили, что на них хотят напасть, и потому бежали вместе со своим царем в степи и болота. Моряк привел этого человека на судно. Потом туземца в сопровождении трех матросов отправили к царю этого народа с дружелюбным посланием, в котором и царю и его подданным обещали полную безопасность, и с дарами, состоявшими из двух платьев, фиников и разного хлама. Царь успокоился и вернулся, сопровождаемый всеми своими подданными, которые отныне стали жить рядом с моряками и покупать у них привезенные на корабле товары.

Но не прошло и двадцати дней, как на царя напали жители соседнего поселка под начальством своего царька. «Знайте, — сказал царь, — эти люди пришли воевать со мной, чтобы отнять мое имущество; они думают, что ко мне перешла большая часть товаров с вашего корабля. Помогите же мне в войне против них, защитите и меня, и себя». Наутро, когда враги оказались у ворот поселка, царь повел против них все свое племя, а также матросов и солдат с корабля и охочих до войны купцов и прочих пассажиров. Среди наших людей был один лукавый человек родом из Ирака. В самый разгар битвы он выхватил из-за пояса большой лист бумаги, на котором был записан счет, развернул его и поднял к небу, громко произнося какие-то слова. Увидев это, враги прекратили битву; некоторые из них подошли к этому человеку и сказали ему: «Мы уйдем от вас и не возьмем ничего, только не делай этого». Друг другу они говорили: «Перестанем сражаться! Враги наши обратились к помощи небесного царя и теперь победят и перебьют всех нас». И они униженно молили этого человека, пока тот не спрятал бумагу в пояс.

«Тогда враги ушли, — продолжал капитан, — смиренно простившись со мной и с моими людьми, как будто мы были хозяевами поселка и всего, что находилось в нем. Избавившись от них, мы вернулись к торговле и к обычному образу жизни. Пользуясь услугами царя, мы беспрестанно обманывали туземцев, крали у них детей или покупали их за передники, финики и всякую мелочь, пока на корабле не набралось около сотни невольников, взрослых и детей. Когда прошло четыре месяца и приблизилось время отъезда, все эти люди, которых мы накрали и накупили, сказали нам: „Не увозите нас, оставьте на родине! Вы не имеете права продавать нас в рабство и разлучать с родными!“ Но мы не обратили внимание на эти слова невольников. А держали их на корабле связанными или закованными: только дети были на свободе. На судне оставалось пять матросов, которые присматривали за кораблем и заботились о пропитании невольников; все остальные наши люди жили в поселке. Однажды ночью пленники набросились на матросов, связали их веревками, подняли якорь, распустили паруса и, похитив корабль, уехали. Не найдя наутро судна, мы оказались на берегу без вещей и без средств, если не считать той ничтожной малости, которую прежде взяли с собой в поселок. О корабле не было никаких вестей, и нам поневоле пришлось остаться в селении на целые месяцы, пока мы не построили утлой лодчонки, которая могла бы нас увезти. И уехали мы бедняками, в самом незавидном положении».

Сирафский капитан Ахмад ибн Али ибн Мунир — а он также был одним из капитанов, изъездивших моря и стяжавших себе на море имя и славу, — передавал мне следующий рассказ, слышанный им в Серендибе от одного индийского шейха.

Однажды у этого человека разбился корабль. Часть людей спаслась на лодке и причалила к какому-то острову невдалеке от Индии; там они прожили некоторое время, пока большинство из них не умерло; и осталось всего семь человек. Во время своего пребывания там эти люди заметили огромную птицу, которая прилетала на их остров пастись, а с наступлением заката

улетала неизвестно куда. Путешественников охватило отчаяние, они знали, что их ждет гибель, и потому решились улететь по очереди, уцепившись за лапы этой птицы. Теперь все их помыслы сосредоточились на птице. Если бы птица перенесла их к какому-нибудь городу, цель была бы достигнута, а если бы она их убила, так ведь все равно и на острове их ожидала гибель. И вот однажды один из них притаился между деревьями. Птица по обыкновению прилетела пастись; а когда наступило время отлета, человек этот подкрался и при помощи древесной коры привязал себя к ее лапам. Птица взлетела, а путешественник сидел, привязав свои ноги к ее лапам. Пролетели они над морем, и на закате птица опустила его на какую-то гору. Путешественник отвязал себя и тут же упал замертво, так как он изнемог от пережитого страха и устал от всего происшедшего. Он пролежал без движения, пока не взошло солнце; тогда он встал, осмотрелся и, увидев пастуха со стадом, расспросил его по-индийски о местности. Пастух указал ему одно из индийских селений и напоил его молоком; и путешественник, хотя и с трудом, добрался до поселка. А птица продолжала переносить его спутников с острова таким же образом, пока они все не собрались в поселке. Потом они перебрались в одну из индийских гаваней, где были суда, и уехали оттуда на корабле, а впоследствии рассказали о крушении своего корабля и об острове, на который они попали. А расстояние от этого острова до поселка, куда перенесла их птица, оказалось больше двухсот фарсахов [26].

Говорил мне Абу-ль-Хасан Мухаммад ибн Ахмад ибн Омар ас-Сирафи, будто в трехсотом году [27] он видел в Омане [28] рыбу, которую отлив оставил на берегу. Когда эту рыбу взяли и потащили к городу, народ сбежался смотреть на нее, а эмир Ахмад ибн Хилаль приехал верхом вместе с войском. Рыба была так велика, что всадник свободно въезжал в ее раскрытые челюсти и выезжал с другой стороны. Длиной она оказалась больше чем в двести локтей, высотой около пятидесяти; а жир, извлеченный из ее глаз, был продан, как говорят, за десять тысяч дирхемов [29] с лишком. Капитан Исмаи-

луйя рассказывал мне, что рыбы этой породы часто встречаются в море Зинджей [30] и в океане Самарканда [31]. Рыба эта называется валем [32] и может поломать судно. Когда она приближается к кораблю, моряки начинают стучать кусками дерева, кричать и бить в барабаны. Каждый раз, как валь выдыхает воду, подымается столб, вблизи похожий на маяк, а издалека — на корабельные паруса. Иногда он играет хвостом и плавниками, которые издали похожи на паруса лодок.

Житель Ирака, человек надежный, рассказывал, будто в Йемене [33] у одного из своих друзей он видел голову рыбы, на которой не было мяса, а кости при этом оставались целы. Рассказчик вошел в одно из глазных отверстий черепа и вышел с другой стороны, и при этом ему не пришлось даже нагнуть голову. В триста десятом году [34] челюсть одной такой рыбы привезли из Омана аль-Муктадиру [35]. Челюсть эту внесли через окно, так как в дверь она не проходила. Рассказчик сообщил мне, что из глаза этой рыбы, челюсть которой доставили в Багдад, вычерпали пятьсот кувшинов масла или еще того больше.

Вот что передавал мне Абу Мухаммад аль-Хасан ибн Амр со слов какого-то моряка.

Однажды рассказчик отправился на корабле из Адена [36] в Джидду [37]. Когда мореплаватели поровнялись с Зейлой [38], какая-то рыба нанесла судну ужасный удар. Никто из находившихся на судне не сомневался, что корабль пробит насквозь. Матросы спустились в трюм, но воды там оказалось не больше обыкновенного; и все удивлялись, как мог такой сильный удар пройти бесследно. Но когда моряки прибыли в Джидду, разгрузили корабль и выволокли его на сушу, они нашли в корпусе судна голову этой самой рыбы; оказалось, что рыба, пробив отверстие, застряла в нем, так что не осталось и щели. Она проломила корабль, но голову высвободить не смогла; голова отделилась от туловища и застряла в дыре. Тот же моряк рассказывал мне, что часто на его глазах вскрывали пойманных рыб, больших и малых, и в их утробах находили других рыб, а когда вскрывали и этих рыб, то и у них внутри также оказывались рыбешки. Так случается, когда одна рыба про-

глотит другую, которая до того сама съела какую-нибудь рыбу.

Мухаммад ибн Бабишад ибн Харам рассказал мне нечто удивительное:

Когда он жил в Сирафе, одно из местных судов отправилось в Басру. После его отплытия в море началась буря, которая потопила немало кораблей. Сердца всех ждали вестей с моря; суда запаздывали. А на том корабле отплыло много моряков и других людей, и груз на нем был богатый. Однажды какая-то женщина купила рыбы и принялась ее чистить. В одной из рыб она нашла перстень с печатью — и вдруг узнала кольцо своего брата, который уехал на том самом корабле. Женщина принялась кричать. Весть разнеслась по всему городу, и дома всех жителей, родственники или друзья которых были на том корабле, огласились воплями. А потом, уже много дней спустя, пришло известие, что корабль разбился и что никто из бывших на нем моряков и пассажиров не уцелел.

Один капитан рассказывал мне, будто у берегов Йемена какая-то рыба в продолжение двух ночей и одного с лишком дня неотступно сопровождала его корабль. Она не отставала и не уходила вперед и проплыла рядом с судном больше ста семидесяти фарсахов. Длиной эта рыба была равна кораблю, а судно имело в длину пятьдесят локтей по рабочей мерке, то есть считая от под мышки до конца среднего пальца.

Я спросил рассказчика, почему морские животные Аравийского берега так неотступно следуют за судами.

«Причины бывают разные,—ответил тот.—Иные животные сопровождают судно, надеясь, что с него упадет что-нибудь съестное и они это проглотят. Бывает, что рыба когда-нибудь раньше находила себе пищу на затонувшем корабле и поэтому, увидев судно, сопровождает его, надеясь, что и оно потерпит крушение, и воображая, что со всеми судами происходит одно и то же; вот и гонится за ним, как хищный зверь, в надежде на его гибель. А иная рыба, увидев корабль, дивится его виду и думает, что это зверь, находящийся частью в воде, а частью в воздухе; она радуется встрече с товарищем и из любви и симпатии к нему плывет с ним вперегонки,

пока хватит сил; но наконец ее рвение истощается, она утомляется и отстает—ведь не все животные обладают терпением осла. Другие, напротив, плывут за кораблем до изнеможения из зависти и упрямства. Отставая и видя, что корабль опережает ее, рыба опять гонится за ним и со всего размаху наносит ему удар. Если судно уцелеет—хорошо, если же нет—будем молить Аллаха о прощении! Некоторые рыбы проявляют такую ярость, смелость и ловкость, что при виде судна для них не существует препятствий. Они наносят кораблю столько ударов, что опрокидывают его, а потом по своему обычаю пожирают все, что на нем находится,—да сохранит нас Аллах! Другие животные, напротив, при виде корабля приходят в ужас и, страшась за собственную жизнь, спасаются бегством. Нравы их вообще различны в зависимости от того, живут ли они вблизи населенных земель, в морях, знакомых людям, где часто проезжают путешественники и рыбаки, около обитаемых берегов, или же вдали от суши и людей, в пустынных морях, по которым не ходят корабли. Глубины морские, в которых нет ни суши, ни островов, ни берегов,—это особый мир. Благословен Аллах, совершеннейший из творцов!»

Капитан Абу-з-Захр аль-Бархатий был одним из видных лиц в Сирафе; прежде он был огнепоклонником, последователем индийской веры. Он пользовался всеобщим доверием; люди внимали слову его и доверяли ему свое имущество и детей своих. Впоследствии он принял ислам, совершил хаджж [39] и был прекрасным мусульманином. Вот что рассказал мне этот человек со слов одной женщины, обитательницы Острова Женщин.

Какой-то судовладелец отправился в плавание на принадлежавшем ему большом корабле. С ним ехало множество купцов из самых различных стран. Путешественники проезжали по морю Малату [40] и настолько приблизились к Китаю, что уже могли различить очертания гор. Но не успели они опомниться, как с той стороны, куда они направлялись, налетел противный ветер. Пришлось поневоле повернуть обратно и плыть по ветру. Морякам не под силу было справиться с настигшей их свирепой морской стихией, и ветер гнал их все даль-

ше и дальше, в сторону Канопуса [41]. А уж кого на этом море течение заносит под самый Канопус, тот попадает в такое море, откуда нет возврата. Он попадает в бездну воды, наклонную к югу и текущую в ту сторону. По мере того как корабль подвигается вперед, морская поверхность с нашей стороны поднимается позади него, а впереди, ближе к югу, вода опускается. Возвращение оттуда немыслимо ни при сильном, ни при слабом ветре: судно ввергается в бездну морей, окружающих мир [42]. Люди увидели, что еще немного, и они войдут под Канопус. Вокруг была беспросветная, мрачная ночь; туман, поднимавшийся с моря, темнота, сырость и волны преграждали им путь к спасению. Путешественники не видели, куда плыть; волны бушующего моря то подымали их к небесам, то опускали до дна; всю ночь они плыли, окутанные туманом, по черной, как деготь, воде. А когда наступило утро, они его и не заметили из-за окружавшего их густого мрака, из-за тумана, сливавшегося с черной, как деготь, водой, из-за свирепого порывистого ветра.

В эту бесконечную ночь, находясь во власти дикого ветра и ужасных волн кипящего моря, на судне, которое взлетало на воздух, сотрясалось, стонало, трещало, ежеминутно ожидая гибели, путешественники попросили друг у друга прощения и помолились каждый тому божеству, которое чтил, так как это были люди разных вер—обитатели Индии, Китая, Персии и островов. Приготовившись к смерти, путешественники плыли еще двое суток, не отличая дня от ночи. На третьи сутки, в полночь, они увидели перед собой большое пламя, освещавшее весь небосклон. Охваченные ужасом пассажиры обратились за помощью к своему капитану. «О капитан,—сказали они,—видишь ли ты этот ужасный огонь, который заполнил небосклон? Он окружает все небо, а мы плывем как раз к нему. Лучше нам утонуть, чем сгореть. Заклинаем тебя истиной твоей веры, опрокинь корабль с нами в эту темную бездну: пусть никто из нас не видит своих товарищей и не знает, какой смертью они погибли, и не мучается их страданиями. Наша смерть простится и отпустится тебе после всего, что с нами случилось. Ведь за эти дни и ночи мы умирали

тысячью тысяч смертей, уж легче умереть один раз». Но капитан ответил им: «Знайте, что эта опасность ничтожна и незначительна по сравнению с теми, которым подвергаются путешественники и купцы. Мы же, капитаны, связаны договором и обязательством не губить судна, пока оно цело и час его не настал. Ведь мы, члены сообщества капитанов кораблей, вступив на них, связываем с ними свою судьбу и жизнь: если корабль цел—мы живы, если он погибает—умираем и мы. Потерпите и покоритесь царю ветров и морей, который направляет их по своему желанию». Когда пассажиры отчаялись убедить капитана, они громко зарыдали и завопили, и каждый оплакивал свою судьбу. Если капитан отдавал через глашатая какое-нибудь приказание, например натянуть или отпустить канат, как иной раз бывает нужно на судне, подчиненные не слышали его слов за гулом моря и грохотом волн, за ревом ветра в парусах, снастях и канатах и за криками людей. Корабль мог погибнуть от такого бездействия матросов и от недостатков в своем снаряжении, а не из-за ветра и морских волн.

«На этом судне,—продолжал рассказчик,—был один мусульманский шейх из андалусского города Кадикса [43]. Он пробрался на корабль в общей сутолоке в ночь отплытия, и капитан не заметил его. Человек этот скрывался в каком-то отдаленном углу; он сильно боялся, чтобы кто-нибудь не узнал про него и не подверг его оскорблениям и насилию. Но когда он увидел, что сталось с людьми, какая опасность грозит и им и кораблю, и как пассажиры сами приближают свою гибель, точно они хотят помочь бушующему морю против самих себя, шейх этот решил выйти к ним, чтобы с ним ни случилось.

«Что с вами?—спросил он, подойдя к своим спутникам.—Разве корабль раскололся?"—„Нет",—ответили те.—„Руль сломался?"—„Нет".—„Вас заливает волнами?"—„Нет".—„Так в чем же дело?"—„Ты говоришь,—ответили пассажиры,—как будто тебя самого нет с нами на корабле. Разве не видишь ты бурного моря и волн и этого мрака, сквозь который мы не различаем дневного света, не видим ни солнца, ни луны, ни светил, кото-

рые указали бы нам путь. Мы сейчас во власти морей и ветров и уже въехали под Канопус; а хуже всего для нас этот огонь, к которому мы приближаемся... Вот он уж заполнил небосклон! Потонуть легче, чем сгореть, и мы просили капитана, чтобы он опрокинул нас вместе с кораблем в море в этой темноте, где мы не видели бы друг друга и утонули бы, а не сгорели, чтобы никто из нас не видел своих спутников и не знал, что сделает с ними огонь..."—„Ведите меня к капитану!"—сказал андалусец. Пассажиры исполнили это. Андалусский шейх приветствовал капитана по-индусски, и тот ответил на его приветствие, хотя и удивился его появлению. „Ты, кто?—спросил он. —Из купцов или из их людей? Мы не видели тебя на корабле".—„Я не купец,—ответил андалусец,—и не принадлежу к слугам".—„Как же ты попал сюда и какой у тебя товар?"—„На корабль я пробрался в ночь отплытия сам, в толпе пассажиров, а потом притаился в одном местечке"—„Чем ты питался и что пил?"—„Один матрос каждый день ставил подле меня блюдо риса на масле для ангелов корабля, а также черпак с водой. Это и служило мне пищей. А товар мой—это мешок с финиками". Капитан удивился, а пассажиры, слушая его рассказ, отвлеклись и прекратили свои вопли. Моряки привели корабль в порядок под руководством глашатая, приладили паруса и стали управлять судном. „Капитан!—сказал тогда андалусец.—Что случилось с этими людьми? Почему они так рыдали и плакали?"—„Да разве ты не видишь, как взволнованно море, какой здесь ветер и тьма кругом? Но хуже всего, что мы несемся к этому пламени, наполняющему весь небосклон. Клянусь Аллахом, мой отец провел всю свою жизнь, плавая по этому морю, и я еще мальчиком сопровождал его. Теперь у меня за спиной восемьдесят лет жизни, но никогда я не слышал, чтобы кто-нибудь плавал по этому месту или рассказывал о нем".—„Не бойся, капитан,—ответил шейх.—Никакой беды не случилось; вы спасены могуществом Аллаха. Перед нами стоит остров, со всех сторон окруженный горами; о него разбиваются волны морей, окружающих землю. Ночью все это имеет вид ужасного пламени, которого боятся невежды; но с восходом солнца видение исчезает и

огонь снова превращается в воду. Это пламя видно из Андалусии; мне уж случалось раз проезжать мимо него и теперь я проезжаю вторично".

Люди обрадовались, и слова шейха успокоили всех; путешественники начали пить и есть, горе и страх покинули их. Скоро буря улеглась, ветер смягчился, море успокоилось; и с восходом солнца судно подошло к острову. Небо прояснилось. Путешественники приблизились к берегу и выбрали защищенную гавань; затем они толпой сошли на остров, бросились на песок и стали кататься по желанной земле. На корабле никого не осталось. Но пока они вели себя таким образом, из глубины острова вышло вдруг множество женщин—только Аллах всевышний мог бы их сосчитать. На каждого мужчину набросилось сразу около тысячи женщин или еще больше; они потащили путешественников в горы и беспрерывно принуждали их к новым наслаждениям. Более сильные женщины отнимали мужчин у своих товарок; и люди умирали от истощения один за другим. Но женщины бросались на труп каждого умершего, [не обращая внимания] [44] на зловоние. Никто не остался в живых, кроме андалусского шейха, которого увела одна из женщин. Она посещала его по ночам, а утром прятала недалеко от берега и приносила ему поесть. Так продолжалось, пока ветер не переменился и не начал дуть с этого острова в сторону Индии, откуда выехал корабль. Тогда шейх взял с корабля лодку, так называемую фелу [45], и ночью снес туда воды и провизии на дорогу. Заметив намерение шейха, женщина взяла его за руку и повела в какое-то место. Там она руками стала разрывать землю, пока не показался золотой песок. Они забрали этого золота столько, сколько поместилось в лодку; шейх взял женщину с собой, и после десятидневного плавания они очутились в том самом городе, откуда судно отплыло; и шейх рассказал там о своих приключениях. Женщина осталась при нем, научилась его языку, приняла ислам и родила ему детей. Шейх расспросил ее тогда об островитянках и о причине их удаления от мужчин. Женщина рассказала следующее:

„Мои единоплеменники живут в обширных землях и больших городах, окружающих этот остров; каждый

из наших городов отстоит от него на трое суток пути. Все жители наших стран и городов—как подданные, так и цари — поклоняются огню, который светит им с острова по ночам. Остров этот они называют Домом Солнца, потому что Солнце восходит с его восточного конца и заходит в западной его стороне; и думают они, что Солнце там живет. На заре, когда Солнце восходит с восточного конца острова, когда огонь его слабеет и умирает, а Солнце подымается, люди кричат: „Оно! Оно!" Когда светило закатывается в западной части острова, и оттуда вечером показывается огонь, они опять кричат: „Оно! Оно!"—и поклоняются этому огню, обращаясь к нему со своими молитвами и падая ниц. Волей Аллаха преславного и всевышнего женщины нашей страны в первые роды рожают мальчика, а во второй раз двух девочек, и так продолжается всю жизнь. И как малочисленны стали у нас мужчины и как многочисленны женщины! Но когда они умножились и захотели властвовать над мужьями, те посадили их тысячами в нарочно построенные суда, отвезли их на этот остров и сказали Солнцу: «Ты господин их, тебе принадлежит то, что ты создал, а мы не в силах справиться с ними». Женщины остались на этом острове и умирали одна за другой; и мы не слышали ни о ком—до вас ни один корабль не проплыл мимо, давно никто не посещал наших краев. Наша земля лежит под Канопусом на Великом море, и потому тот, кто приезжает к нам, не может вернуться обратно. И никто не осмеливается расстаться с берегом и сушей из страха, чтобы его не поглотило море. Такова воля Всезнающего, Всемогущего— благословен Аллах, совершеннейший из творцов!"»

Вот что рассказал мне капитан Абу-з-Захр аль-Бархатий со слов своего дяди Ибн Эншарту:

«Слышал я от дяди,—говорил он,—будто отец его (который приходился Абу-з-Захру дедом по матери) передавал ему следующее: „Однажды я отправился по направлению к острову Фансуру [46] на большом корабле, принадлежавшем мне. Но ветер забросил нас в какой-то залив, где мы простояли на месте тридцать три дня без движения, при полном штиле. Наши лоты не достигали дна на глубине тысячи сажен, но течение незамет-

но влекло корабль вперед и занесло в пролив между какими-то островами. Мы направили судно к одному из этих островов и увидали, что в воде, у берега, плавали и резвились женщины. Мы приветствовали их знаками, но при нашем приближении они убежали в глубь острова. Немного погодя, к нам вышли женщины и мужчины, умные и смышленые на вид. Мы не знали их языка, и стали объясняться друг с другом знаками: мы понимали их, а они нас. „Не продадите ли нам пищи?"— спросили мы знаками. „Да",—ответили туземцы и тотчас же принесли нам много риса, кур, овец, меда, масла и всяких приправ и много другой еды и плодов. В обмен мы давали им железо и медь, сурьму и стеклянные бусы, одежду и разный хлам. Потом мы спросили знаками: „Есть ли у вас товар для продажи?"—„У нас нет ничего, кроме рабов".—„Прекрасно! Давайте их сюда!"—и привели они нам невольников; мы никогда не видали людей прекраснее; все они смеялись, пели, играли, резвились, шутили. Тела у них были полные, нежные, как сливки, и такие живые и легкие, что, казалось, они вот-вот улетят. Только головы у них были маленькие, и у каждого на боках пара плавников, совсем как у морской черепахи. На наши вопросы: „Что это?"—они отвечали со смехом: „Жители этих островов все такие; что вам до этого?"—и показывали на небо: „Бог нас создал такими". Мы успокоились на этом и радовались случаю. Дело показалось нам удачным; каждый купил невольников, насколько ему позволяли средства. Освободив судно от прежних товаров, мы нагрузили его рабами и провизией. И каждый раз, как мы покупали невольника, туземцы приводили нам нового, еще красивее и лучше. Судно наполнилось рабами невиданной красоты и прелести. Если бы дело благополучно кончилось, мы могли бы обогатиться на много поколений.

Когда наступило время отъезда и с островов подул ветер по направлению к нашей стране, жители проводили нас со словами: „Если богу угодно, вы еще вернетесь к нам". Мы сами сильно желали этого, и капитан хотел бы вернуться на своем корабле без купцов. Всю ночь он простоял со своими людьми, наблюдая планеты, изучая местоположение звезд и направление стран света, чтобы

знать, по какой дороге ему вернуться назад. На заре мы отплыли, подгоняемые попутным ветром, бесконечно радуясь и ликуя. Но, когда остров скрылся из виду, некоторые из наших рабов заплакали; от их плача у нас стеснилась грудь; но потом они стали говорить друг другу: „Что толку в слезах? Лучше давайте петь и плясать",—и они все начали плясать, петь и смеяться. Это привело нас в восхищение. „Так-то лучше, чем плакать",—сказали мы, и каждый из нас занялся своим делом. Но рабы тотчас же воспользовались нашим невниманием и—клянусь Аллахом!—полетели в море, точно стая саранчи. А судно мчалось, как быстролетная молния, по огромным, как горы, волнам; и заметили мы их проделку только тогда, когда корабль уже опередил их на целый фарсах. Слышно было, как беглецы поют, смеются и бьют в ладоши; и поняли мы, что раз рабы сами бросились в воду, значит они в силах справиться с ужасами этого моря. Не имея возможности возвратиться, мы отчаялись их поймать".

На корабле осталась только одна невольница, принадлежавшая моему отцу и сидевшая в большой каюте. Когда сбежали другие рабы, отец спустился к ней в каюту; а она как раз хотела проломить борт корабля и кинуться в море. Отец схватил невольницу и связал ее.

„Приехав после этого в Индию, мы продали остатки провизии и разделили прибыль; у каждого из нас осталась только десятая часть капитала. Когда слух о нашем приключении распространился среди людей, к нам однажды явился старик, уроженец этих самых островов, похищенный оттуда в детстве и проживший в Индии до глубокой старости. „Острова, на которые вы попали,—сказал нам этот человек,—называются Островами Рыб. Это моя родина. В былое время наши мужчины соединялись с самками морских животных, а женщины отдавались морским самцам. От этих союзов родились существа, похожие на тех и на других. С давних времен существа эти соединялись с себе подобными и порождали себе подобных. Благодаря общей для нас тайне мы способны подолгу оставаться и в воде и на суше".

От невольницы, оставшейся у моего отца, родилось шестеро детей—я был шестой. Она прожила у него во-

семнадцать лет связанной, ибо старик-островитянин, который сообщил нам тайну этих островов, предупредил его: „Если ты освободишь эту женщину, она бросится в море и уплывет, и ты ее больше никогда не увидишь: ведь мы не можем обходиться без воды". И отец мой следовал совету старика; но мы по неведению порицали его за это. И когда мы выросли, а родитель наш скончался, то после его смерти мы, повинуясь сыновнему почтению, любви и жалости к нашей матери, первым делом освободили ее от пут. И вырвалась она из дому, точно лошадь на скачках; а мы бежали следом и не могли ее догнать. Кто-то из встречных сказал ей: „Как! Ты уходишь? Оставляешь сыновей и дочерей своих?"—„Эншарту!"—ответила она. Это значит: „Что мне с ними делать?"—и бросилась в море, и нырнула, как сильнейшая из рыб. Да будет слава создателю, образующему, творящему,—благословен Аллах, совершеннейший из творцов!»

Рассказал Абу Мухаммад аль-Хасан ибн Амр:

«Я видел однажды рыбье ребро, которое привез нам один судовладелец. От утолщенного конца этой кости отрезали кусок в пять локтей длиной. Мы перебросили его через канал у ворот одного нашего сада в Месопотамии, и он служил нам мостом. А от ребра остался кусок длиной приблизительно в двадцать локтей.

В море есть рыбы, одолевающие в битве всех остальных. Они имеют бивни, напоминающие собой пилы, только с зубцами по обе стороны. Удар такого бивня рассекает на части. Когда эти рыбы околевают или попадают в сети, прибрежные жители берут их пилообразные бивни и пользуются ими, когда сражаются друг против друга. Действие этого оружия сокрушительно; оно острее мечей».

Вот что рассказал мне опытный моряк со слов одного из морских капитанов:

Капитан этот отплыл однажды из Сирафа. За кораблем на буксире была лодка с человеком. Человек этот когда-то поссорился с одним из моряков, оклеветал его и вообще перешел границы дозволенного. Но оскорбленный был иностранцем, беспомощным и беззащитным, и потому воздержался от мести, а клеветника

взяли на корабль по рекомендации и сильному ходатайству. Но не прошло и трех часов после этой ссоры, как из моря выскочил канад [47], проткнул головой живот человека, сидевшего в лодке, и, пройдя сквозь его тело, упал опять в воду. Труп завернули в саван и бросили в море.

Понравилось мне то, что я слышал о черепахах, хотя рассказы эти так невероятны, что их не принимает ум. Вот что передавал мне Абу Мухаммад аль-Хасан ибн Амр со слов одного старика-корабельщика:

Однажды какой-то корабль отплыл куда-то из Индии. В пути поднялся такой сильный ветер, что капитан не мог управиться с судном; кроме того, оно было повреждено. Моряки подъехали к маленькому острову, на котором не было ни воды, ни деревьев, но поневоле там пришлось остановиться. Путешественники снесли на этот остров поклажу с корабля и пробыли на нем долгое время, пока не исправили повреждение. Затем они снова нагрузили судно и собрались в путь. Но как раз в это время наступил Науруз [48]. Мореплаватели принесли с корабля дров, листьев и тряпок и развели на острове костер. Вдруг остров под ними заколебался. Люди стояли у самой воды; они бросились в море и уцепились за лодки. Островок же нырнул под воду; от движения его по морю пошли такие волны, что путешественники чуть не утонули, и спаслись они с превеликим трудом, натерпевшись сильного страха. Остров этот оказался черепахой, всплывшей на поверхность воды. Когда огонь костра начал ее жечь, она нырнула под воду. Я спросил рассказчика о причине этого явления, и он ответил, что черепаха ежегодно проводит несколько дней на поверхности моря, чтобы отдохнуть от своего долгого пребывания в пещерах подводных гор; ведь и в море есть леса и рощи, и диковинные деревья, которые еще страшнее и огромнее, чем наши деревья на земле. Итак, черепаха всплывает на поверхность и по целым дням лежит в оцепенении, точно пьяная. Когда она приходит в себя, ей становится скучно лежать, и она снова ныряет под воду. Когда самец соединяется с самкой, то случается, что они кружат вместе на поверхности моря.

Вот что передавал мне Абу Мухаммад аль-Хасан ибн Амр со слов одного из старых моряков:

Этот моряк когда-то гостил у одного царя в Серендибских заливах. Однажды им подали есть. Среди прочих яств принесли блюдо с чем-то вареным, напоминавшим по форме головы, руки и ноги мальчиков. «При виде этого, — продолжал рассказчик, — я почувствовал отвращение и перестал есть, хотя до этого ел с удовольствием. Царь заметил это, но удержался от замечания. Когда я на следующий день явился к нему, он отдал какое-то приказание своим приближенным, и те принесли ему рыбу. Если бы я не видел, что она бьется по-рыбьему и покрыта чешуей, я не усомнился бы, что это человек. И царь сказал мне: „Вот от чего ты с отвращением отказывался вчера. Это лучшая из наших рыб, самая нежная, безвредная и легкая для желудка". После этого,—прибавил рассказчик,—я ел ее не раз».

Один путешественник, ездивший в Зейлу и в страну Хабеш [49], говорил мне, что в море Хабеша водится рыба с лицом человека, с человеческим телом, руками и ногами. Бедные охотники, живущие без жен в безлюдных местах, всю свою жизнь странствующие по отдаленным глухим берегам, по безлюдным островам, лощинам и горам, часто сходятся с этой напоминающей человека рыбой, если она им попадается. От этих союзов рождаются человекоподобные существа, живущие равно как на суше, так и в воде.

Может быть, эти рыбы, похожие на людей, произошли таким же образом: люди совокуплялись с какой-нибудь рыбьей породой, и от них в течение веков рождались такие, похожие на людей, рыбы. Так, например, когда человек сходится с диким зверем — с гиеной, или пантерой, или с другим сухопутным животным,—у них рождаются обезьяны, наснасы [50] и другие похожие на людей существа. От соединения свиньи с буйволом произошел слон, от собак и коз родились свиньи, от ослов и лошадей—мулы. Вообще, если бы мы стали перечислять все, что получается от смешения различных пород, наш перечень изумил бы читателя, но он отвлек бы нас от чудес Индии, о которых мы, собственно, хотели говорить.

Говорят, что рыба, называемая залюмом, имеет вид человека; у нее человеческие половые органы как мужские, так и женские. За этой рыбой охотятся. Ее кожа, более толстая, чем у слона, в дубленом виде идет на обувь.

Говорят, что каждой птице, живущей в воздухе над землей, в море соответствует рыба, более или менее похожая на нее. Сам я видел в заливе Айлы [51], в Сирии, маленькую рыбу, по окраске совершенно напоминавшую дятла; она вылетала из воды и ныряла обратно.

Вот одно из чудес Персидского моря [52], засвидетельствованное людьми: ночью, когда его волны взлетают и разбиваются друг о друга, они высекают из воды искры; и кажется путешественнику, будто он плывет по морю огня.

Говорят, что в море водятся огромные, страшные драконы; называются они таннинами. В разгаре зимы, когда облака проходят над самой водой, таннин вылезает из моря и заползает в тучу, ибо он не выносит жара морской воды, которая в это время года кипит, как в котле. Таннин сидит неподвижно, охваченный холодом облака; ветры, дующие над водой, подымают тучу вверх, и таннин подымается вместе с ней. Туча подымается и движется по небу из одного края в другой; но, когда вода из нее испаряется, она превращается в тонкую пыль и рассеивается под дуновением ветра, таннин теряет свою опору и падает вниз—иногда в море, иногда на сушу. Если Аллах всевышний желает зла какому-нибудь народу, он сбрасывает таннина в этой стране. Чудовище пожирает верблюдов и лошадей, поедает крупный и мелкий скот и всячески губит жителей, пока не подохнет, истребив всю пищу, или пока Аллах преславный не поразит его. Разные люди, часто плававшие по морю, купцы и капитаны, говорили мне, будто не раз они видели таннина, пролетавшего в облаке над их головами. Он лежал весь черный, вытянувшись в туче, а если облако рассеивалось, спускался на нижний слой и удерживался там. Часто кончик его хвоста свешивался наружу, но, почувствовав холод воздуха, таннин отодвигался вглубь, уносился в облаке и скрывался от взоров. Благословен Аллах, прекраснейший из творцов!

Вот что говорил мне о змеях Индии Абу-з-Захр аль-Бархатий:

«В беседе с одним индийским врачом из жителей Серендиба я узнал, что в Индии имеется три тысячи сто двадцать пород змей. Самая зловредная из этих пород живет в области Така [53]. Ветер, дующий из их страны, убивает всех животных, над которыми проносится, всех птиц, пресмыкающихся и четвероногих на расстоянии трех фарсахов кругом. Поэтому население земли Така не живет там постоянно. В известную пору года, когда ветры дуют с моря, жители остаются в этой стране. Но едва ветры начинают дуть из области этих змей, население поспешно бросается к лодкам и уезжает на морские острова. Когда ветер снова меняется, жители сзывают друг друга и возвращаются. Вернувшись, они вспахивают и засеивают землю, а также добывают руду, ибо в земле Така множество золотых и серебряных копей. Каждый год в эту страну стекают ручьи из глубины восточной пустыни и приносят жителям благовония».

[Капитан Аллама, застигнутый бурей приказал срубить мачту и выбросить груз. На судне ничего не осталось] [54], кроме людей. Ветер забросил мореплавателей в какую-то гавань страны Бахам [55]. Капитан и его спутники поднялись на берег острова и вошли в лесную чащу. Земля там была покрыта деревьями, которые когда-то упали и пролежали так, по-видимому, много веков. Аллама стал кружить в зарослях в поисках новой мачты для своего корабля. Выбор его пал на прекрасное гладкое дерево, очень толстое и совершенно прямое; на нем в беспорядке лежали другие деревья, казалось упавшие в незапамятные времена. Моряки измерили ствол. Он оказался длиннее, чем надо; принесли пилу, чтобы отпилить от него кусок в пятьдесят локтей, как было нужно. Но, когда принесли пилу и принялись пилить, дерево вдруг задвигалось и стало уползать. Это была змея! Моряки бросились в воду, доплыли до корабля и благополучно спаслись.

Мухаммад ибн Бабишад рассказывал мне со слов этого Алламы, что однажды он плыл по какому-то морю по дороге из Индии в Китай. Когда наступило время

первой молитвы [56], Аллама спустился, чтобы совершить омовения перед молитвой. Но взглянув на море, он сейчас же встал и весь охваченный страхом возвратился назад, не омывшись. «Спустите парус, злосчастные люди!»—закричал он. Подчиненные исполнили приказание. «Бросьте в море все, что находится на корабле!»—продолжал капитан; потом он спустился к воде и вернулся назад вне себя от ужаса. «О купцы!—воскликнул Аллама.—Что дороже вам: ваше добро, которое вы тысячу раз можете себе вернуть, или ваша жизнь, которую нечем заменить?»—«Но что случилось с нами?—удивились купцы.—Что заставляет тебя так говорить? Ветер спокоен, море безмятежно, мы плывем в безопасности, в мире под сенью властителя мира...» Но Аллама сказал им: «Будьте же вы свидетелями друг перед другом, и пусть моряки будут мне свидетелями против этих купцов, что я предостерег их до наступления беды, но они не вняли моему совету. Теперь оставляю вас на милость Аллаха всевышнего». С этими словами Аллама приказал подать себе лодку и спустился туда со своими подчиненными, захватив воды и провизии на дорогу. Но когда купцы увидели, что капитан действительно покидает их, они закричали: «Вернись! Мы сделаем все, что прикажешь!» — «Клянусь Аллахом! — ответил Аллама, — я возвращусь только тогда, когда вы бросите все свое имущество в море, добровольно, собственными руками». Купцы собственноручно бросили в воду все свои товары как ценные, так и дешевые; и на судне ничего не осталось, кроме людей, воды и провизии. Тогда капитан поднялся обратно. «О если бы вы знали,—сказал он,—что случится с кораблем и с вами в течение этой ночи! Очиститесь, молитесь, обратитесь к господу вашему с чистосердечным раскаянием, просите у него помилования!» Купцы так и сделали.

Когда наступила ночь, Аллах преславный растворил небесные врата и черный вихрь наполнил все пространство между небом и землей. Волны морские вздымались до неба и опускались до дна; корабли тонули повсюду—и у берегов, и в открытом море; только немногие спаслись от бури. Но этот корабль, с которого люди, по внушению Аллаха, сбросили весь груз, стал легким, поды-

мался вместе с волнами и не тонул, как ни бушевало море. Пассажиры читали Коран, молились и призывали бога, не ели и не пили три дня и три ночи. На четвертый день Аллах всемогущий и великий приказал ветрам стихнуть, а морю успокоиться; прогнал он, преславный, непогоду, по милости могущества своего, известного всем. Тогда моряки спустили с судна лодку, в ней поместились гребцы со своим начальником и поплыли впереди корабля, и тащили его за собой день и ночь. Они подъехали к острову, куда море после бури выбросило обломки судов и снастей и всевозможные товары из самых различных стран. Путешественники пристали к берегу и нашли там собственный груз, который тут же подобрали и погрузили на корабль. Затем они выбрали себе, что хотели из уцелевших товаров, похоронили утопленников и запаслись водой, Когда же подул попутный ветер и наступило время отплытия, путешественники подняли парус и пустились в обратный путь домой.

И приехали они невредимыми после благополучного плавания и благодаря приобретенным товарам получили на каждый дирхем десять против прежнего. И нажили они себе счастье и богатство — хвала Аллаху, господу миров!

Слышал я от одного из старых моряков, будто в области Сенф [57] есть большая деревня, из которой все жители принуждены были выселиться. Причиной этому была змея, жившая поблизости. Она пожирала скот и даже людей из поселка. Жители, не будучи в силах справиться с ней, переехали в другое место. С тех пор деревня опустела, и никто не возвращался в нее.

Вот что рассказал мне Абу Мухаммад аль-Хасан ибн Амр:

Один капитан во время плавания был застигнут бурей. Заметив какую-то бухту, он укрылся в ней и простоял там целые сутки. На следующее утро к ним выползла по берегу громадная змея—неизмеримой длины и устрашающего вида. Она спустилась в бухту и, проскользнув с быстротой молнии, исчезла на противоположном берегу. После заката она появилась снова и с такой же ловкостью проползла обратно. Это повторялось пять дней подряд. Каждое утро змея уползала, а

возвращалась она после заката. На шестой день капитан сказал матросам: «Сойдите на землю и проследите, куда уходит змея». Когда чудовище уползло, матросы спустились на сушу и, пройдя около мили, очутились в лесной чаще. Там они увидели стоячее болото, полное больших и малых слоновых клыков. Матросы пришли и обо всем рассказали капитану. На следующий день он пошел вместе с ними к этому болоту, рассмотрел его и вернулся обратно. С этого дня, как только змея уползала, моряки принимались переносить слоновую кость на судно и работали так до самого возвращения змеи. Они притащили на корабль огромное количество клыков, и, по мере того, как приносили их, выбрасывали из судна все, что не имеет спроса и мало ценится. Около двадцати дней мореплаватели оставались в этом заливе, а потом уехали. Очевидно, эта змея пожирала слонов и оставляла клыки.

В триста тридцать девятом году [58] я спросил об этом рассказе, который мне приходилось слышать раньше, капитана Исмаилуйю.

«И я слышал об этом,—ответил он.—Рассказ правдив. В море водятся змеи различных пород, но в воде укус их не причиняет большого вреда. Самые ядовитые змеи живут далеко от воды в сухих землях, в горах и пустынях. Те, например, что водятся в горах Омана, убивают в одно мгновение. Между Сухаром, городом Омана, и горами аль-Йахмад [59] есть места, через которые никто не может пройти. Там находится так называемая Змеиная долина. Говорят, что в ней живут змеи длиною в пядь [60] и меньше. Когда проезжает всадник, змеи эти пригибают головы к хвостам и прыгают на него; их укус мгновенно убивает, дыхание ослепляет и умерщвляет. Когда по этой дороге проходит путник, они налетают на него со всех сторон на протяжении всего пути. Теперь эта дорога заброшена—и делу конец».

Один мансурец, побывавший в Марекине [61],—город этот отстоит на несколько фарсахов от Алаусского [62] побережья, и в нем живет Лахлу, царь Индии,—рассказал мне, что в местных горах живут маленькие змеи, пятнистые и пыльно-серые. Если змея посмотрит на человека прежде, чем он увидит ее,—она околевает; если

одновременно посмотрят друг на друга,—погибают оба. Это самая зловредная из змей.

Рассказал мне Мухаммад ибн Бабишад, что в стране Вак-Вак водятся скорпионы, летающие по воздуху, точно птички. От их укуса у человека пухнет тело и слезает кожа, он заболевает и умирает.

Рассказал мне Исмаилуйя, и другие моряки тоже рассказывали, что в триста десятом году[63] он выехал на своем корабле из Омана в Канбалу[64]. По дороге ветер усилился и забросил судно в Софалу зинджей[65].

«Присмотревшись к этой местности, — говорит капитан,—я понял, что мы попали в страну зинджей-людоедов. Мы были уверены в своей гибели, и потому, остановившись здесь, мы совершили омовения, покаялись богу в своих грехах и прочитали друг другу предсмертную молитву. В это время нас окружили туземцы на своих лодках и заставили въехать в гавань. Мы бросили якорь и сошли вслед за ними на землю. Они повели нас к своему царю. Это был юноша с весьма привлекательным для зинджа лицом и прекрасно сложенный. В ответ на его расспросы мы сказали, что приехали сюда намеренно. „Лжете!—сказал царь,—вы ехали не к нам, а в Канбалу. Это ветер занес вас в нашу страну".—„Так оно и есть,—признались мы.—Мы солгали только для того, чтобы заслужить твою милость".—„Разгрузите свои товары и торгуйте,—ответил царь,—никто вам не сделает зла". Мы развязали свои тюки и стали торговать. Торговля шла прекрасно—без пошлин и без каких бы то ни было налогов. Мы только поднесли царю подарки, а он со своей стороны одарил нас еще богаче.

В этой стране мы оставались несколько месяцев. Когда наступило время отъезда, царь по нашей просьбе отпустил нас. Мы покончили со всеми делами, нагрузили корабль товарами и уведомили царя, что окончательно приготовились отправляться. Царь вместе со своими слугами и придворными проводил нас на берег; он даже спустился в лодку и в сопровождении семи прислужников приехал и поднялся на судно. Но когда они взошли на корабль, я сказал себе: „Этого царя можно продать на оманском рынке за тридцать динаров[66], слуги его стоят не меньше ста шестидесяти динаров да одежда их

стоит динаров двадцать. Таким образом, мы, не подвергаясь никакому риску, выручим за них по меньшей мере три тысячи дирхемов". Я крикнул матросам, чтобы они подняли якорь и развернули паруса. А царь в это время дружелюбно прощался с нами и упрашивал нас приехать еще раз, обещая в будущем оказать нам новые милости, если мы только вернемся в его страну. Но заметив, что паруса подняты и судно уже отчаливает, он изменился в лице и сказал: „Вы уезжаете? Так я распрощаюсь с вами,—и приготовился спуститься в лодку. Но мы перерубили канат, которым лодка была привязана, и сказали царю: „Ты останешься с нами. Мы отвезем тебя в нашу страну и там вознаградим тебя за благодеяния и отплатим за все, что ты сделал для нас".—„О люди,— ответил царь,—когда вы оказались в моей власти, подданные мои хотели вас съесть и забрать ваше имущество, как они это делали с другими. Но я облагодетельствовал вас и не взял от вас ничего; я был настолько милостив, что пришел прощаться с вами на корабль. Воздайте же мне по справедливости, возвратите меня на родину". Но мы и не задумались над его словами и не обратили на них никакого внимания.

Ветер усилился. Не прошло и часа, как страна этого царя скрылась из глаз; а с наступлением ночи мы выехали в открытое море. Утром мы поместили царя и слуг его вместе с другими рабами—их было около двухсот голов—и обращались с ними точно так же, как и со всеми остальными невольниками. Но царь воздерживался от слов, не обращался к нам больше, ни о чем нас не просил и не смотрел на нас, как будто мы были совершенно незнакомы друг с другом. Приехав в Оман, мы продали царя и его слуг вместе с другими рабами.

[Несколько лет спустя] [67] мы снова выехали из Омана в Канбалу, и ветер опять забросил нас в Софалу зинджей; и очутились мы снова в той же самой местности. Так же, как и тогда, нас окружили лодки туземцев; и все это были люди, которых мы знали с того раза. Мы были совершенно уверены в неминуемой гибели. От страха мы даже не разговаривали между собой, а только совершили омовения, прочитали предсмертную молитву и простились друг с другом. Чернокожие снова схватили нас,

погнали к царскому дворцу и ввели в него—и вдруг мы увидели, что на престоле сидит тот же самый царь, словно мы только что с ним расстались. При виде его мы пали ниц и лежали неподвижно, не имея сил встать. „Без сомнения,—воскликнул царь,—это мои старые знакомые!" Мы не могли произнести ни слова и дрожали всеми членами. „Подымите головы,—сказал царь.—Я даю вам слово пощадить вашу жизнь и имущество". Одни из нас поднялись, другие не могли поднять головы, обессилев от стыда. Царь успокаивал нас ласковыми словами, пока мы все не поднялись, все еще не смея взглянуть на него от страха, стыда и смущения. „Ах вы предатели!—воскликнул царь, когда мы, ободренные его обещанием, пришли наконец в себя.—Чего я только не делал для вас! И как вы мне отплатили!"—„Прости нас, царь! Помилуй нас!"—воскликнули мы.—„Я простил вас,—ответил он.—Торгуйте, как торговали в прошлый раз; вам не будет помехи". Мы не верили своим ушам от радости и даже подозревали, что царь хитрит, желая, чтобы мы перевезли на берег свои товары. Разгрузив судно, мы поднесли ему ценный подарок, но царь не принял его. „Я слишком презираю вас, чтобы принимать ваши дары,—сказал он нам.—Я не возьму от вас ничего, потому что не хочу осквернить свое имущество, ибо все, что принадлежит вам, нечисто". Мы остались торговать; а когда настало время отъезда, царь по нашей просьбе разрешил нам отплыть.

Окончательно собравшись в путь, я уведомил его об этом. „Идите,—ответил он,—да хранит вас Аллах всевышний!"—„О царь,—сказал я,—ты осыпал нас благодеяниями, а мы отплатили тебе изменой и насилием. Каким же образом ты спасся и как вернулся к себе на родину?"—„Когда вы продали меня в Омане,—ответил царь,—владелец мой привез меня в какой-то город, называемый Басрой,—и он описал нам этот город.—Там я научился молитве и посту и кое-чему из Корана. Потом хозяин продал меня другому. Новый владелец привез меня в город арабского царя, называемый Багдад,—и он описал нам Багдад.—Там я научился правильно говорить, изучил Коран и стал молиться с народом в мечетях. Между прочим, я видел халифа по имени

аль-Муктадир. На второй год моего пребывания в Багдаде из Хорасана [68] приехали на верблюдах какие-то люди. Я спросил их, зачем они прибыли сюда, и путешественники ответили мне, что направляются в Мекку [69]. „Что это за Мекка?"—спрашиваю я.—„Там находится священный божий дом, к которому люди совершают паломничество". И когда они рассказали мне про этот дом, я сказал себе, что непременно за ними последую. Я рассказал хозяину обо всем услышанном, но понял, что он не хочет ехать туда, да и меня не отпустит. До отъезда паломников я притворился, будто забыл про это, но, как только они вышли из города, последовал за ними. Я присоединился к кучке паломников и прислуживал им в дороге, а они кормили меня, научили обрядам, которые совершают паломники, и дали два платья для ихрама [70]. С божьей помощью я исполнил хаджж. Боясь, что, если я вернусь в Багдад, мой хозяин схватит и убьет меня, я присоединился к другому каравану и отправился в Египет. В дороге я прислуживал спутникам, а они делились со мной пищей и довезли меня до самого Египта. Там я увидел пресное море, которое они называют Нилом, и спросил, откуда оно течет. Мне ответили, что истоки его находятся в Стране Зиндж. „А в каком именно месте?"—„В египетской области Ассуан [71], на границе земли чернокожих". Я отправился вверх по течению Нила и таким образом переходил из страны в страну, питаясь подаянием людей. Так я странствовал, пока не попал к чернокожему племени, которое меня не знало. Люди эти связали меня и, возложив на меня непосильную работу, погнали вместе со слугами. Я сбежал от них и попал к другим чернокожим; те продали меня, и я опять бежал. Так продолжалось с того момента, как я покинул Египет, до тех пор, пока я не пришел в какую-то землю на границе зинджей. Тут я переоделся и начал скрываться. Несмотря на все ужасы, испытанные мной после того, как я покинул Египет, приближаясь к собственной стране, я боялся за свою жизнь, как никогда. Я говорил себе: „Верно, в мое отсутствие воцарился кто-нибудь другой. Он владеет страной, и ему повинуется войско; отнять у него власть—дело нелегкое. Если я покажусь или если кто-нибудь узнает о моем прибытии,

меня отправят к этому царю, и он прикажет меня казнить; или кто-нибудь из сторонников дерзнет и снимет с меня голову, чтобы заслужить его дружбу". Эти мысли наполняли меня невыносимым ужасом. В течение дня я скрывался, а по ночам шел по направлению к родине так быстро, как мог. Наконец я добрался до моря и переодетый сел на судно. Корабль останавливался в различных странах, и вот однажды ночью я высадился на родном берегу. Встретив какую-то старуху, я начал ее расспрашивать: „Справедлив ли царь, который управляет вами?"—„Клянусь богом, сын мой,—ответила мне старуха,—нет у нас царя, кроме бога". И она рассказала мне все, что случилось с их царем; а я изображал удивление, как будто ничего не знал обо всем этом и точно не обо мне шла речь. „Подданные,—продолжала старуха,—решили не выбирать другого царя, пока не получат верных известий о том и не отчаятся увидеть его живым. Прорицатели сообщили им, что царь жив и здоров и находится в стране арабов". На следующее утро я вошел в этот город и вступил в свой дворец. Семью свою я нашел такой же, как оставил, но все они пребывали на ковре печали, как и мои вельможи. Я рассказал им свои приключения; все они радовались и изумлялись и по моему примеру приняли ислам. И вернулся я к царской власти за месяц до вашего приезда; теперь я радуюсь и ликую, что бог облагодетельствовал меня и моих подчиненных благословенным исламом и верой, научил нас молитве, посту [72], хаджжу и тому, что дозволено и запретно. Таким образом, я достиг того, чего еще никто в Стране Зинджей не достигал. Вас же я простил потому, что вы первые были причиной моего обращения. Но кое-что осталось у меня на совести: молю бога простить мне этот грех".—„В чем дело, царь?"—спросил я его.—„Это мой багдадский владелец, от которого я сбежал в хаджж без его разрешения и согласия. Если бы мне найти верного человека, я послал бы хозяину выкуп за себя и таким образом освободился бы. Если бы вы были порядочными и надежными людьми, я переслал бы эту сумму через вас; я дал бы хозяину в десять раз больше, чем он заплатил за меня, чтобы вознаградить его за напрасное ожидание. Но вы—коварные измен-

ники...". С этими словами царь простился с нами. „Идите,—сказал он.—Если вы когда-нибудь вернетесь сюда, я буду обращаться с вами точно так же и даже лучше прежнего. Скажите мусульманам, чтобы они приходили к нам как братья, теперь мы сами стали мусульманами. А провожать вас на корабль я больше не стану". Мы простились и ушли».

Говорят, что в странах зинджей прорицатели и гадальщики очень искусны и умны. Вот что мне рассказал об этом Исмаилуйя со слов одного капитана:

«В триста тридцать втором году[73],—говорил этот капитан,—я приехал к зинджам. Там какой-то прорицатель спросил, сколько у нас кораблей; я ответил, что всего шестнадцать. И сказал гадатель: „Пятнадцать из них благополучно прибудут в Оман. Один корабль разобьется; три человека с него спасутся. Они испытают много бедствий, прежде чем вернутся на родину". Настал день,—продолжал рассказчик,—и мы все вместе отправились обратно. Мой корабль отчалил последним, и я прибавлял ходу, чтобы нагнать суда, отплывшие первыми. На третий день я увидел вдали что-то черное, похожее на остров. Стараясь ускорить ход, я не убавил паруса, огибая это препятствие. А течение в этом море очень быстрое; и вот я не успел опомниться, как судно ударилось об этот предмет. Это было какое-то морское животное. Едва корабль коснулся чудовища, оно раздробило его одним ударом хвоста. Спаслись в лодке только я, мой сын, да корабельный писец. Мы выбрались на один из островов Дибаджата[74] и провели там шесть месяцев, не имея возможности уехать. И много случилось с нами несчастий, прежде чем мы добрались до Омана. А все остальные пятнадцать судов волей Аллаха всевышнего прибыли благополучно».

Аль-Хасан ибн Амр и другие лица со слов индийских шейхов сообщили мне разные сведения о птицах Забеджа, Кхмера[75], Сенфа и других индийских стран. Самый большой кусок пера, который я когда-либо видел, это нижняя часть ствола пера, показанная мне Абу-ль-Аббасом ас-Сирафи. Этот кусок был длиною около двух локтей; казалось, он мог вместить целый мех воды.

А капитан Исмаилуйя рассказывал мне, что где-то

в Индии, в доме одного крупного купца, он видел ствол пера, в который наливали воду, точно в большой кувшин. «Не удивляйся!—продолжал Исмаилуйя, видя мое изумление.—Один из капитанов Зинджа рассказывал мне, будто у сирского царя [76] он видел ствол пера, который вмещал двадцать пять мехов воды».

Абу-ль-Хасан Али ибн Шадан ас-Сирафи рассказал мне со слов какого-то ширазца, будто целое село в окрестностях Шираза [77] было опустошено одной птицей. «Как же она опустошила его?» — спросил я рассказчика.

«Говорят, — ответил он, — что однажды птица эта упала на крышу одного дома в поселке, продавила ее и провалилась внутрь. Люди, находившиеся в доме, с криком выбежали вон. Поселяне собрались, вошли в дом и нашли там птицу, заполнившую все помещение своим телом. Птица была тяжела и не могла подняться, а взять ее оттуда было невозможно. Поэтому жители поселка сначала избили ее, а затем зарезали и тут же в доме рассекли на части. Мясо они поделили между собой, и каждому досталось около семидесяти ратлей [78], да около ста ратлей отложили для сельского старосты, который жил в доме, куда попала птица; за день до этого он уехал с тремя односельчанами по какому-то делу хозяина деревни. Всю остальную часть дня жители варили это мясо и ели его всеми семьями; на следующее утро они все заболели. Когда староста вернулся и узнал о случившемся, он и его спутники отказались от этого кушанья. Через четыре или пять дней все поселяне умерли; никто из попробовавших мясо этой птицы не остался в живых. Поселок опустел, староста уехал оттуда, и никто больше не возвращался в заброшенную деревню. Мы предположили, что эта птица индийской породы. Она, должно быть, съела какое-нибудь ядовитое животное, а когда яд начал жечь ее тело, она стала носиться по воздуху. Пролетая ночью над этим поселком, птица отяжелела, не могла больше подниматься и держаться в воздухе и упала на землю».

Многие капитаны рассказывали мне, что в Софале зинджей есть птицы, которые хватают зверей клювом или когтями и подымают их в воздух. После этого пти-

ца кидает зверя на землю, а когда он разобьется насмерть, опускается вниз и пожирает его. Я слышал также, в Стране Зинджей птицы бросаются на больших черепах, хватают их и подымают в воздух, а потом бросают вниз, на скалу или на гору, так что они разбиваются; затем птицы кидаются на черепаху и пожирают ее. Каждая такая птица может съесть за один день, если ей попадется, пять или шесть черепах, но при виде человека она обращается в бегство: так безобразны жители этой страны.

Капитан Исмаилуйя рассказывал мне, будто в высотах Зинджа есть золотые копи; земля там песчаная — ведь большинство рудников имеют песчаную почву. Роясь там в поисках золота, люди часто натыкаются на подземный слой, пронизанный ходами вроде муравьиных. Из ходов выползает множество муравьев, каждый величиной с кошку; их разрубают на части и едят. В триста шестом году[79] эмир Омана Ахмад ибн Хилаль среди прочих подарков привез аль-Муктадиру черного муравья с кошку величиной, сидевшего в железной клетке на цепи. Муравей этот околел по дороге, около Зу-Джабала[80]. Его положили в алое и доставили целым в Город Мира; и видел его аль-Муктадир и все жители Багдада. Говорят, этого муравья кормили каждый день, утром и вечером, двумя минами рубленого мяса.

Мухаммад ибн Бабишад рассказывал мне со слов людей, посещавших землю Вак-Вак, будто в этой стране растет большое дерево, листья которого круглы, а иногда продолговаты. Плод этого дерева напоминает тыкву, но размером он больше и имеет вид человеческого лица. Качаясь от дуновения ветра, эти плоды издают звук; внутри они наполнены воздухом, точно плоды ошара[81]; если срезать их с дерева, воздух тотчас же выходит, и остается одна кожура. Иногда приезжий матрос соблазнится видом такого плода и срежет его с ветки, чтобы увезти с собой. Но воздух тотчас же выходит оттуда, и остается одна оболочка, черная, как дохлый ворон.

С Мухаммадом ибн Бабишадом я говорил об обезьянах и о том, что про них рассказывают. Он сообщил

мне много интересного из этих рассказов и, между прочим, передал следующее:

В области Сенфина [82], в долине Ламери и долине Какола [83] водятся обезьяны необыкновенной величины. Каждый отряд этих животных имеет начальника, который превосходит всех остальных крепостью телосложения. Обезьяны часто выходят из своих лесных чащ на проезжие дороги; они бьют путешественников и не дают им проходу, пока не получат какое-либо домашнее животное — овцу или корову — или еще какую-нибудь пищу.

Мухаммад ибн Бабишад сказал мне, будто путешественники, проезжавшие в этих местах с караванами, рассказывали ему о своих встречах с отрядами обезьян. Звери эти мешали им продвигаться, нападали на них со всех сторон, дрались, разрывали на них платья и раздирали меха. Все это происходило в безводных пустынях. Когда люди наконец давали что-нибудь обезьянам, те оставляли их в покое, но не пропускали к воде. Большинство путешественников умирало от жажды, и только немногим удавалось добраться до другого источника.

Мухаммад передал мне следующий рассказ со слов одного из своих матросов.

В триста девятом году [84] этот матрос поступил на корабль какого-то капитана и отплыл в Каколу. Благополучно прибыв туда, моряки выгрузили товары на сушу и часть из них понесли в город, отстоявший от моря приблизительно в семи днях пути. Перед своим уходом они вытащили корабль на берег маленькой бухты, в трех-четырех фарсахах от Каколы, устроили перед ним плотину для защиты от моря, накрыли его кусками дерева и подперли со всех сторон.

«Меня, — продолжал рассказчик, — снабдили достаточным количеством провизии и оставили на судне, а сами все ушли в город и остались там торговать. После их ухода на берегу появилась толпа обезьян. Обезьяны бродили вокруг судна и пытались проникнуть на него, а я отгонял их камнями. Но одна крупная обезьяна все-таки взобралась на корабль; я прогнал ее, но она не отстала от меня, а притаилась где-то побли-

зости от судна. Немного погодя, она снова влезла ко мне. В это время я как раз ел. Я бросил обезьяне кусок хлеба; она сожрала его и пробыла со мной около часа, а потом спустилась на землю, скрылась и не показывалась до самого вечера. Вечером она снова явилась, неся в зубах небольшую ветку, на которой было штук двадцать бананов. Обезьяна крикнула, я выглянул на ее крик, и она, вскарабкавшись на судно, положила бананы к моим ногам; я принялся их есть. После этого обезьяна поселилась у меня; только иногда она уходила, чтобы принести бананов и других плодов, произраставших в этой долине. Она спала со мной по ночам, и, почувствовав к ней влечение, я сошелся с ней. Но не прошло и трех месяцев, как обезьяна забеременела. Она с трудом двигалась и все показывала на свой живот, давая понять, что понесла от меня. Это подействовало на меня удручающе; я боялся позора, когда товарищи вернутся и увидят, что я наделал. Мучимый стыдом, я взял лодку, поставил мачту с парусом и привязал якорь; я снес туда также запас провизии и мех воды, одежду и все свое имущество. Затем я выждал время, когда обезьяны не было, спустился в лодку и с большой опасностью для жизни выехал в открытое море, оставив корабль без людей. Проехав двадцать с лишком замов [85] и чуть не погибнув в пути от всяких тягостей, я пристал к одному из островов Арманана [86], где и прожил несколько дней. Здесь я запасся плодами и бананами, наполнил свой мех пресной водой, отдохнул и несколько оправился. Но на этом острове я совсем не видел людей, кроме рыбаков, спускавшихся по реке между деревьями на своих челноках. Потом я опять отправился в море и, проплыв наугад около семидесяти замов, оказался у острова, называющегося Бедфаркала [87]. Немного побыв там, я перебрался в Калу [88], а оттуда вернулся на родину. Некоторое время спустя я встретил своего судовладельца и людей, плававших со мной на его корабле. В ответ на мои расспросы они рассказали, что нашли на судне обезьяну, родившую не то одного, не то двух детенышей. Лица у них были совсем человеческие, грудь без волос и хвосты короче, чем у обыкновенных обезьян. По этому поводу делались разные предположения.

Одни, заметив, что с корабля ничего не пропало, кроме лодки и ее снаряжения, догадывались, что обезьяна забеременела от оставшегося на судне матроса и что он потом уехал в лодке; другие думали, что обезьяна убила матроса, а лодку украл прохожий или какой-нибудь рыбак. А обезьяну и ее детенышей моряки выкинули».

«Матрос, рассказывавший мне это, — прибавил Мухаммад,—имел очень слабое зрение. Когда я спросил его о причине недуга, он ответил мне: „Глаза мои начали портиться, когда я жил с обезьяной; долгое морское плаванье испортило их еще больше"».

Один моряк рассказывал мне, будто какой-то корабль, который шел из Омана в Сенф, потерпел крушение. Около десяти человек спаслось на лодке, и ветер забросил их на какой-то остров, совершенно им незнакомый. Путешественники бросились на землю и весь остаток дня пролежали без движения: так измучили их все ужасы и бедствия, испытанные на море. Потом они встали, притянули лодку к берегу и провели в ней ночь. Наутро мореплаватели отправились в глубь острова. Они нашли там много пресной воды, богатую растительность и деревья с густой листвой, а также различные плоды, много бананов и сахарного тростника, но людей не видели. Путешественники напились воды, вдоволь наелись плодов, а затем вернулись к лодке, вытащили ее на сушу и подперли кусками дерева. Из листьев банана и других деревьев они соорудили над лодкой прочный навес и тут же устроили убежище для себя. Через пять или шесть дней приближается к ним вдруг толпа обезьян во главе с большой и толстой обезьяной. Стадо остановилось у самой лодки, куда люди со страху попрятались; но животные продолжали стоять, не причиняя им никакого вреда. Сперва главная обезьяна разослала остальных направо и налево, точно начальник своих подчиненных, затем они снова вернулись и стали делать друг другу знаки, словно о чем-то беседуя. С наступлением вечера обезьяны ушли, а путешественники очень боялись, что обезьяны их убьют. Сначала они подумали удрать ночью, но положение их было самое отчаянное: провизии они не имели, дороги не знали, словом, положение было безвыходное. На сле-

дующее утро к ним опять подошла обезьяна и стала кружить около лодки. Потом она ушла и вернулась с другой обезьяной, которая показывала ей что-то знаками. Вот что один из мореплавателей рассказал впоследствии моему собеседнику:

«Я последовал за обезьянами до леса. Дальше я идти побоялся и вернулся назад, когда уже прошла часть дня; спутники расспрашивали меня о том, что я видел, и я им все рассказал. На следующий день обезьяны пришли опять точно так же, как и в первый раз. Начальник их по обыкновению сидел около лодки и рассылал подчиненных по своим надобностям. Через час появились две обезьяны. Каждая из них несла по куску самого лучшего золота, которое они бросили на землю перед своим начальником. Потом вернулись другие обезьяны, побеседовали знаками и ушли восвояси. Мы опустились на землю и подобрали золото; оно оказалось превосходного качества, а видом напоминало толстые корни. Мы так обрадовались этой находке, что наполовину забыли о своем несчастье. Наутро снова пришла обезьяна, покрутилась около нас и ушла. Я последовал за ней; пробился сквозь чащу и вышел на равнину, покрытую черным песком. Обезьяна стала разрывать передо мной землю и вдруг остановилась; я присел и, порывшись в песке, нашел спутанные золотые корни. Я выворачивал их без устали, пока все мои пальцы не покрылись кровью; затем я собрал все, что вырыл, и унес с собой. Деревья в лесной чаще росли так густо, что, возвращаясь, я заблудился. Я влез на дерево и провел там ночь. Наутро явились обезьяны; они по обыкновению шли на берег. Я издали последовал за ними и шел все дальше и дальше, пока не увидел море. Тогда я взобрался на дерево и просидел на нем до самой ночи, а после ухода обезьян вернулся к товарищам. Те встретили меня со слезами: „Мы не сомневались, что ты погиб", — говорили они. Я рассказал им обо всем случившемся и бросил золото на землю перед ними; но это только усилило нашу печаль и заботу: теперь мы разбогатели, но у нас не было никакой возможности увезти это богатство, потому что не на чем было его везти. Лодка была слишком мала и могла за-

тонуть, если бы мы ее нагрузили, да и пути мы не знали. Мы все решили пойти на эту равнину, нарыть золота и снести его к лодке, а в остальном положиться на Аллаха всемогущего и великого. По утрам, если обезьяны не приходили, мы откапывали золото, тащили его к берегу и прятали в яме, которую вырыли около лодки. Так мы откапывали и носили золото целый год; и набралось у нас громадное количество золота неизмеримой ценности. Обезьяны между тем приходили через день; а мы жили, питаясь водой и плодами этого острова.

Вот какова была наша жизнь, когда вдруг приплыл к нам какой-то корабль. Он плыл в Оман или в Сираф, но по дороге его застиг сильный ветер и залило волнами. Путешественники бросили в воду все, что имели с собой, и большинство из них потонуло или задохлось в свирепых волнах, заливавших судно. Увидев остров, они захотели к нему пристать, но, не имея сил двинуться с места, остались в отдалении. Всмотревшись внимательнее, они заметили на берегу нас и нашу лодку. Двое из них обвязали себя канатом и всеми силами старались доплыть до нас. Увидев это, мы взяли веревки, бросились к ним вплавь, встретились с ними и, связав их веревки с нашими, укрепили их на суше. А потом двое из моих товарищей отправились на судно. Там они нашли капитана с матросами и несколько купцов; несчастные были едва живы от пережитого страха и совершенно обессилели — так долго им приходилось черпать воду во время плавания в открытом море. „Притяните корабль на сушу, — взмолились они, — и возьмите все товары, все имущество, которое осталось у нас!“ — „Братья, — говорил капитан, — притяните нас к берегу и возьмите себе корабль в полную собственность!“ Но товарищи мои ответили: „Мы ни за что не сделаем этого, но, когда мы притянем вас к берегу, вы предоставите нам половину судна в собственность“. „С великою радостью“, — ответили потерпевшие. На этом обе стороны заключили договор и засвидетельствовали его друг перед другом. „Еще одно условие!“ — сказали наши. — „В чем оно?“ — „Половину судна мы нагрузим своим имуществом; никто не будет нашим совладельцем, и никто не должен препятствовать нам“. — „Со-

гласны". — „Само собой, — продолжали мои спутники, — что мы нагрузим его обычным грузом, который не испортит судна и не потопит его". — „Ничто не сравнится с тем, что мы уже испытали, — ответили новоприбывшие, — мы до сих пор не можем оправиться; но, умоляем вас, ради Аллаха, не дайте нам погибнуть окончательно в этом ужасе". Товарищи наши вернулись вплавь, а тут как раз подошли обезьяны. Видя, что мы тянем канат от корабля, они стали тянуть его вместе с нами, и судно в одно мгновение очутилось у берега.

Приехавшие бросились на сушу, точно влюбившись в нее после всего испытанного. Утром мы показали им то место, где росли плоды; они наелись, напились и наконец пришли в себя. На следующий день обезьяны по обыкновению принесли золото, и мы предпочли отдать его приехавшим, так как сами набрали достаточно. Затем мы нагрузили своим золотом половину судна, а капитан нагрузил золотом другую половину для себя и для своих купцов. Мы запаслись плодами этого острова и, выехав с попутным ветром, прибыли в Индию. Здесь каждый из нас снес свою долю в определенное место, и на каждого человека пришлось по миллиону сто сорок четыре тысячи мискалей [89]. С тех пор мы перестали плавать по морям». Это один из самых удивительных рассказов, которые я слышал про обезьян.

Некто рассказывал мне, будто в доме одного купца в каком-то поселке... [90] он видел обезьяну, исполнявшую обязанности слуги. Она подметала в доме полы, открывала посетителям дверь и закрывала ее за ними, зажигала и раздувала огонь под котлом, подкладывала в него дрова, отгоняла мух от стола и обмахивала хозяина опахалом.

Говорили мне, будто в йеменском городе Зафаре жил один кузнец; и была у него обезьяна, которая весь день раздувала мехи. Так она прожила целых пять лет; я несколько раз заезжал в этот город и видел ее там.

Рассказывали мне также про другую обезьяну (она принадлежала жителю какого-то йеменского города). Однажды ее хозяин достал кусок мяса, принес его домой и знаком приказал обезьяне стеречь говядину. Но вдруг налетел коршун и унес этот кусок, оставив обезь-

яну в полной растерянности. На дворе этого дома росло дерево. Обезьяна влезла на его вершину, голову опустила вниз, а зад подняла к небу и приставила к нему обе лапы. Коршун принял зад обезьяны за остаток мяса, которое он похитил, налетел на нее и клюнул. Но обезьяна вцепилась в птицу обеими лапами, схватила ее и отнесла в дом; там она положила коршуна под миску и накрыла сверху чем-то тяжелым. Вернулся хозяин и, не найдя мяса, уже собрался было побить обезьяну, но та сейчас же бросилась к миске и вынула оттуда коршуна. Увидев коршуна, хозяин догадался обо всем, что случилось. Он выщипал коршуну перья и пригвоздил его к дереву.

Про обезьян рассказывают остроумные вещи; между прочим, передают следующее. Какой-то исфаханский [91] шейх, много путешествовавший на своем веку, отправился однажды в Багдад. Он ехал туда с большим караваном, в котором среди других был один юноша, пылкий и сильный, точно мул. Исфаханский шейх по ночам сторожил свои вещи и спал только днем, когда ехал верхом на своем верблюде. И вот однажды ночью, бодрствуя по обыкновению, он увидел, что юноша подошел к одному из погонщиков и уселся сзади него, чтобы соединиться с ним. Погонщик проснулся, набросился на него и намял ему бока, как кожевник мнет кожу. Юноша вернулся, шатаясь, как пьяный, от тумаков и пощечин погонщика; но, едва он пришел в себя, как пошел к нему опять. Задремавший погонщик яростно вскочил и избил его пуще прежнего. Вернувшись на место, молодой человек не мог пошевелиться, но потом он снова собрался с силами и подошел к погонщику в третий раз. Погонщик снова, уже в третий раз, поколотил юношу. Тот ушел от него ползком, мотаясь по земле направо и налево, а погонщик кричал ему вслед: «Если ты сунешься в четвертый раз, я, ей-богу, проткну тебе брюхо!»

«Я наблюдал за этими неоднократными покушениями и слышал слова погонщика. В душе я оправдывал этого человека, однако мне было бы жаль, если бы убили такого юношу. Когда молодой человек очнулся от побоев, я подозвал его и сказал: „Дитя мое, что побу-

дило тебя вести себя так сегодня ночью? Сегодня ты ушел целым из рук этого погонщика, но берегись, как бы он в другой раз не убил тебя и лучше потерпи".— „Клянусь тебе, дядя!—воскликнул юноша.—У меня теперь бывают ночи, когда огонь похоти не дает мне сомкнуть глаз. Когда я испытываю это волнение, все остальное, чему бы я ни подвергался, ничего для меня не значит".—„Дитя мое,—ответил я,—между нами и Городом Мира осталось всего дна дня езды; в Багдаде мы найдем, чем успокоить твою страсть". И всю остальную дорогу я из жалости не переставал уговаривать его. Но, когда мы подъехали к Багдаду, меня охватил сильный страх. Я говорил себе: „Это чужестранец, молодой, никогда до сих пор не бывавший в Багдаде. Быть может, он увидит кого-нибудь из свиты халифа или везиров, набросится на него, как набросился на погонщика, и наверняка погибнет". Поэтому я не оставил своего молодого спутника, а увел его в помещение, где остановился сам.

Спрятав наши вещи, я первым делом отправился с ним к сводница, чтобы приискать женщину, которая бы помогла его горю. Но, когда мы проходили по какой-то улице, приятель мой остановился и сказал: „Дядя! Я только что видел в этом окне женщину с лицом, подобным солнцу. Я хочу ее во что бы то ни стало". Я начал его отговаривать, но юноша сел на землю и объявил, что тут же умрет. Тогда я сказал себе: „В пустыне я сберег этого молодца. Неужели я брошу его здесь, в Багдаде, в этом городе искушений?" Ничего от него не добившись, я стал оглядывать улицу и заметил лачугу, которая видом своим ясно показывала, что владельцы ее — нищие. Когда я постучался в дверь, оттуда вышла старуха; и я расспросил ее про дом, в окне которого мой спутник видел женщину. „Это дом везира такого-то, — ответила старуха. — Женщина, которую юноша видел, — супруга везира". — „Сын мой, — обратился я тогда к молодому человеку, — откажись от этой мысли. Пойдем со мной, я покажу тебе обитательниц Багдада. Ты, наверное, найдешь среди них женщину прекраснее этой". — „Клянусь Аллахом, — ответил мой друг,—я не сойду с места, пока не добьюсь ее или

сам не погибну".—„А если я соединю тебя с ней.— вмешалась старуха, — что ты дашь мне за это, юноша?“ Мой молодой приятель поспешно развязал кошель, висевший у него на поясе, и отсчитал старухе десять динаров. Обрадовалась сводница, быстро оделась и пошла стучаться к везиру. Евнух впустил ее в дом; она вошла и, возвратившись оттуда, сказала юноше: „Твое желание будет исполнено, но с условием“ — „С каким?"—спросил тот.—„Ты уплатишь пятьдесят мискалей ей самой, пять мискалей за угощение и пять мискалей евнуху“. Получив шестьдесят мискалей, старуха снова вошла в дом, потом вернулась и сказала: „Пойди в баню и перемени платье, а между молитвой заката и вечерней молитвой стой наготове у моей двери и жди, пока тебя не позовут“».

Молодой человек так и сделал, сходил в баню, привел себя в порядок и в назначенное время стал у дверей старой сводницы. Явился евнух, подал знак и провел его в приемную, обставленную подобающим образом. Подали прекрасное кушанье, потом вино; юноша ел и пил. Покончив с питьем, он вместе с женщиной направился к постели. Но едва они сняли с себя одежду, как из-под занавеса вышла обезьяна, исцарапала гостя когтями и изранила ему в кровь ляжки и половые части. Молодой человек оделся, но, отяжелев от вина, тут же заснул. На рассвете евнух разбудил его со словами: „Встань, уйди, пока еще нельзя различать лиц“. И юноша ушел, полный печали.

Когда наступило утро, старый исфаханец сказал себе: „Пойду к тому молодцу, узнаю, как обстоит его дело: достиг ли он, чего желал, хорошо ли кончилось его предприятие". Но шейх нашел своего друга у дверей старой сводницы; он сидел неподвижно, опустив голову на ворот платья. Расспросив его о случившемся, шейх позвал старуху и обо всем ей рассказал. Та поспешила к женщине, справилась о причине и вернулась с ответом: „Знай, что мы забыли про подарок хозяйской обезьяне: ей полагается сверток сладостей весом в ратль. Но, если юноша пожелает вернуться, мы возьмем с него за эту ночь вдвое меньше, чем за прошлую“. Молодой человек тут же уплатил тридцать динаров, и

старуха сказала ему: „Когда ты придешь сегодня ночью, в известное тебе время, принеси в бумаге ратль сладостей для хозяйской обезьяны“.

Юноша приготовил несколько свертков, и его впустили в дом везира; он ел и пил там то, что ему подали, Едва он обратился к женщине, как к нему подскочила обезьяна, но, получив сверток сладостей, она возвратилась на свое место. Удовлетворив свою нужду, юноша думал начать сызнова; как только явилась обезьяна, он швырнул ей новый сверток. Так он отгонял ее несколько раз; но когда он утомился и отяжелел от питья, обезьяна разбудила его и стала тащить к женщине, засовывая палец одной своей руки в другую, сомкнутую руку.

Смысл рассказа тот, что, подладившись к слугам, можно достигнуть цели вопреки желанию господ. Обезьяна этим знаком приглашала юношу действовать дальше. До утра она возбуждала его и не давала ему уснуть; а утром он вышел из этого дома и отправился своей дорогой.

Среди других рассказов о моряках и капитанах, вот что передают о капитане Абхаре. Родом он был из Кермана [92] и сначала пас там овец на полях. Потом он сделался рыбаком, потом поступил матросом на корабль, совершавший плавания в Индию; затем перешел на китайский корабль и наконец стал капитаном. Он изъездил моря вдоль и поперек и совершил семь плаваний в Китай. Люди отправлялись туда и до него, но только те, что готовы были рисковать жизнью. Неслыханно было, чтобы кто-нибудь благополучно добрался туда и вернулся оттуда. Если удавалось туда доплыть, это считалось чудом; но на обратном пути никто не оставался живым; и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь, кроме Абхары, благополучно прибыл туда и вернулся обратно.

Однажды он сел в лодку, взял с собой мех воды и пробыл на море несколько дней. Вот что рассказывает об этом капитан Шахрияри, один из мореходов Китая.

«Однажды, по дороге из Сирафа в Китай, я проходил между Китаем и Сенфом, мимо Сендал-Фулата [93] у входа в Санджийское море, называемое также Китайским [94]. Ветер внезапно спал, и наступило полное за-

тишье; море успокоилось. Мы бросили якорь и в течение двух дней не трогались с места. На третий день мы издали заметили в море какой-то предмет. Я велел спустить лодку и сказал четырем матросам: „Поезжайте и посмотрите, что там такое чернеется". Вернувшись, матросы на наш вопрос: „Что это такое?"—ответили: „Это капитан Абхара сидит в лодке с мехом воды". — „Так почему же вы не привезли его?" — воскликнул я. — „Мы старались его уговорить, — ответили посланные, — но он говорит: „Я перейду к вам только с тем условием, чтобы стать на место капитана и управлять судном, и за это я возьму плату в тысячу динаров товарами по сирафскому курсу; а иначе ни за что не пойду". Эти слова задели нас. Я спустился и подъехал к Абхаре с частью моих людей. Он преспокойно сидел в лодке, подымаясь и опускаясь вместе с волнами. Мы приветствовали его и умоляли перебраться к нам, но Абхара ответил: „Ваше положение хуже моего; я скорее, чем вы, могу рассчитывать на спасение. Однако если вы дадите мне тысячу динаров товарами по сирафскому курсу и предоставите мне управлять судном,—я к вам поднимусь". И мы сказали себе: „На этом корабле много товаров и всяких богатств и множество людей. Нам не мешает воспользоваться советами Абхары, даже ценою тысячи динаров".

Итак, Абхара, захватив свою лодку и мех, поднялся к нам на судно. Едва он очутился на борту, как сказал: „Дайте мне товаров на тысячу динаров". Мы вручили ему их». Спрятав свое имущество, он обратился к капитану: „Сядь в сторонку!" — и тот покорно удалился со своего места. «„Нужно приниматься за дело, пока есть у вас время!"—сказал тогда Абхара.—„Что же нам делать?" — спросили мы. — „Бросьте в море все тяжелое!" Мы послушно кинули в воду около половины нашего груза или еще больше. „Теперь срубите главную мачту". Мачту срубили и сбросили с судна. Наутро Абхара приказал: „Поднимите якорь и оставьте корабль плыть по течению". Мы и это исполнили. „Перерубите канат главного якоря!"—приказал Абхара. Мы перерубили его, и якорь упал в море. „Теперь сбросьте такой-то якорь", — и он продолжал так распоряжаться, пока

мы не выбросили в море шесть якорей. На третий день поднялась туча, подобная маяку. Скоро она рассеялась в море, и началась такая ужасная буря, что, если бы мы не выкинули груза и не срубили мачты, судно утонуло бы с первой волной. Непогода продолжалась трое суток; корабль взлетал и нырял без якоря и без паруса, и мы не знали, куда нас несет. На четвертый день ветер стал слабеть, а к концу дня совсем стих, и море окончательно успокоилось. На пятое утро повеял ветер, и море благоприятствовало плаванию. Мы смастерили мачту, подняли парус и с божьей помощью благополучно прибыли в Китай, где на время остались торговать. Затем мы исправили судно, приладили новую мачту вместо той, которую бросили в море, и выехали обратно из Китая в Сираф.

Приблизившись к тому месту, где впервые увидели Абхару, мы обнаружили остров с горами. По приказанию Абхары мы бросили здесь якорь, и пятнадцать человек спустились в лодку. А Абхара указал нам на одну из этих гор и сказал: „Плывите туда и возьмите такой-то якорь". Мы удивились этому, но не стали противоречить; люди отправились и, действительно, возвратились с якорем. Тогда Абхара указал нам на другую гору, и матросы опять привезли оттуда якорь. Затем он велел поднять паруса, и мы поплыли дальше. „Как же ты узнал про эти якоря?"—спросили мы нашего гостя. Абхара ответил: „Ведь я встретил вас здесь в первый день лунного месяца. В это время вода прибывает, а теперь она уже успела порядочно убыть. Вы находились между островом и подводными горами. Когда вы по моему приказанию сбросили тяжелые товары, мне пришло в голову, что в Китае мы можем обойтись и без якоря; между тем остальные товары весили не больше якорей, а ценность имели вдвое бо́льшую. Было необходимо облегчить судно, поэтому я приказал сбросить якоря. Три якоря очутились на горе, когда остров показался из воды, а три остальных попали под воду— „Но как ты узнал про бурю и про убыль воды?"— „Ведь это море, — ответил Абхара, — было исследовано еще до меня, да и я сам испытал его. В начале каждых тридцати дней вода так сильно убывает, что

открываются эти горы. Во время этого отлива с морского дна подымается сильная буря. Корабль, на котором я плыл, разбился о вершину одной из этих скал, а так как была ночь, отлив застиг меня врасплох. Я спасся на своей лодке, но ваше судно находилось как раз над этим островом; и если бы вы еще хоть час оставались на этом месте, оно непременно разбилось бы о скалу“».

Этот Абхара изъездил моря, про его морские приключения ходит много рассказов, а этот—один из самых удивительных.

Мухаммад ибн Бабишад рассказывал мне, будто однажды он ехал на своем корабле из Фансура в Оман. Пройдя море Херкенда [95], он вошел в Индийский океан и направился к странам Запада. «К которой именно из западных гаваней ты думаешь пристать?»—спросил его капитан судна. — «Я пристану к Рейсуту [96], — ответил Мухаммад,—быть может, фарсахом ниже или выше». А капитан сказал: «Мы пристанем к такой-то гавани на пятьдесят фарсахов ниже Рейсута». И они побились об заклад, что проигравший раздаст двадцать динаров в виде милостыни бедным. А между Рейсутом и местом, где они тогда находились, было по меньшей мере четыреста фарсахов. После пятнадцати дней пути они подумали, что уже приблизились к западным горам, и проговорили до ночи о своем споре. На утро следующего дня вахтенному приказали подняться на мачту; но он ничего не увидел, и ему разрешили слезть. После вечерней молитвы Мухаммад ибн Бабишад вдруг заявил: «Вот показались очертания гор!» — «Мы ничего не видим», — сказали остальные. Капитан приказал вахтенному подняться на мачту. И едва матрос взобрался на верхушку мачты, как тотчас же крикнул: «Пусть помилует бог того, кто возгласит: Аллах велик!» И все закричали: «Аллах велик!» — и ликовали и плакали от радости и великого счастья. Так они шли всю ночь до приближения зари, а перед рассветом Мухаммад ибн Бабишад приказал бросить якорь. Когда якорь был брошен и парус спущен, он обратился к капитану: «Где мы теперь находимся?» Капитан ответил: «В таком-то месте», — и назвал гавань, отстоявшую от Рейсута на сорок фарсахов. — «Мы у самого Рейсута, —

сказал Мухаммад ибн Бабишад,—или против него, или выше его на выстрел из лука». Наутро судно оказалось у самого Рейсута, и Мухаммад ибн Бабишад сказал: «Если ты, будучи в море, пожелаешь узнать, нет ли вблизи земли, посмотри во время заката в сторону заходящего солнца: если там гора или остров, ты увидишь их совершенно ясно».

Один моряк рассказывал мне, будто между Ханфу [97], столицей Малого Китая, и Хумданом [98], столицей Большого Китая [99] (это из обоих Китаев более могущественный, и там живет великий багбур [100]), будто в этих местах протекает река с пресной водой и стремительным течением. Она шире, чем Тигр около Басры; на берегах ее попадаются магнитные горы. По этой реке невозможно проплыть, если на кораблях есть железо, потому что эти горы обладают такой силой, что притянут такое судно к себе [101]. Всадники проезжают по этим горам на неподкованных лошадях и берут седла, в которых нет железных частей, деревянные стремена и удила.

Один из капитанов, по имени Имран Хромой, рассказал мне, что в триста двадцать пятом году [102] он с несколькими кораблями отправился из Омана в Джидду.

«Дорогой налетел сильный ветер, так что часть груза пришлось выкинуть; одни из судов отстали, другие тут же погибли. Мы поплыли дальше. Между Камраном [103] и... [104] нас застигла сильная буря с ужасным переменчивым ветром. Якоря оборвались; корабли не могли удержаться на месте и стали носиться по воле ветра. С нами было несколько судов из Адена, Галафики и Асра [105], между прочим, и одна галафикская барка, новая и красивая. Смотрю, а волны и ветер уже бросили ее на подводную скалу; волны перекатились через нее, и барка опрокинулась. Я и теперь помню, как люди и вещи падали в море друг за другом с вершины этой скалы. Все потонули, и никто из них не спасся».

Всюду известен тот удивительный рассказ, который я слышал от Исмаилуйи про капитана Мерденшаха. Этот Мерденшах ездил в Страны Перца [106] и в другие земли. До семидесяти лет он был бездетен; наконец у

него родился сын, которого он назвал Мерзебаном. Мерденшах сильно привязался к мальчику и не мог на него нарадоваться; он всюду возил его вместе с матерью на своем корабле. Однажды Мерденшах плыл в Кулам [107] через Барнанское море [108]. В дороге он попросил передать ему Мерзебана. Мать, сидевшая в каюте, передала ребенка отцу, и Мерденшах до самого заката целовал своего сына и подбрасывал его на руках. К вечеру подул сильный ветер, так что на судне раскололась мачта. Перепуганный капитан хотел передать ребенка матери и не заметил, как тот упал из его рук в море. А ветер все крепчал; и Мерденшах до самой утренней молитвы был занят судном. На рассвете море успокоилось, и на судне водворился порядок. Тогда капитан присел и сказал жене: «Подай-ка мне Мерзебана!» — «Он у тебя с самого начала ночи»,—ответила мать. Мерденшах при этих словах начал рвать на себе бороду и биться головой о доски: весь корабль пришел в смятение. «Послушай, — сказал рулевой, — с самого начала ночи руль отяжелел под моей рукой; пусть его осмотрят». Моряки посмотрели и увидели какой-то неподвижный, точно пригвожденный к концу руля предмет. Один из них спустился туда и поднял Мерзебана наверх целым и невредимым. Ребенка передали матери, и она принялась кормить его молоком. Мальчику было в это время всего пятнадцать месяцев от роду. «Я видел этого Мерзебана,—прибавил Исмаилуйя,—когда ему было больше семидесяти лет. В течение одного дня он тринадцать раз являлся к оманскому кади [109], чтобы приносить людям присягу по денежным делам, и все эти клятвы оказались ложными. Многие говорили мне, что не было среди морских капитанов более бесчестного человека, чем Мерзебан; с купцами на своем корабле он поступал как настоящий стряпчий».

Матросы рассказывали мне о Бедном Саиде из Адена и о том, как разбогатели его дети. Все они единогласно подтверждают то, что я сейчас расскажу. Говорят, что Бедный Саид был одним из благочестивых жителей Адена. Он плел корзины и различные другие изделия из пальмовых листьев, усердно посещал мечеть, где читал все молитвы; и было у него три сына,

которые вели почти такой же образ жизни. Какой-то моряк, приятель Саида, снарядил как-то корабль, чтобы отправиться в Калу. Перед отъездом он просил своего друга дать ему какое-нибудь поручение. Саид купил на даник [110] крупной соли, всыпал ее в зеленый кувшин, который приобрел за полдирхема, затем заткнул отверстие кувшина, передал его приятелю и сказал: «Вот это мой товар!» — «Но что мне купить тебе?» — спросил тот. «Купи мне благословение [111], как говорят люди». Корабль отчалил и своевременно прибыл в Калу; там его разгрузили и продали все товары, но хозяин судна совершенно забыл про кувшин. Однажды, когда день отъезда был уже близок и корабль нагружен, он проходил по рынку Калы и вдруг увидел человека, который тащил на веревке рыбу и выкрикивал: «Кто купит бараку?» При этих словах судовладелец вспомнил о кувшине Бедного Саида. Он подозвал продавца и спросил его, что это за рыба. Тот ответил, что это особая порода, которую рыбаки называют «благословением». «Быть может, Саид имел в виду как раз эту рыбу», — подумал моряк, и он купил ее за две оккийя [112] соли. Пригласив торговца присесть, он послал на судно одного из своих людей, и тот принес кувшин совершенно нетронутым. Судовладелец дал продавцу соли согласно уговору и приказал отнести покупку в жилище, где он остановился. Когда рыбу начали чистить, чтобы засолить ее оставшейся после продажи солью, и извлекли из нее потроха, в них нашли несколько раковин; их раскололи и в одной нашли жемчужину. «Это дар, который бог посылает Саиду»,—сказал владелец судна. Затем он засолил рыбу и спрятал жемчужину. Благополучно возвратившись из Калы в Аден, он преподнес жемчужину Саиду. Вскоре после этого Саид скончался. Младший из его сыновей взял жемчужину и отправился в Сурра Ман Раа [113] к халифу, а халифом был тогда аль-Мутамид [114]. Он купил жемчужину за сто тысяч дирхемов; на самом деле она стоила вдвое дороже.

Говорят, что один из индийских царей велел написать изображение Мухаммада ибн Бабишада, так как это великий капитан, чье имя облетело моря. У них в обычае заказывать портреты всех людей, пользующихся

почетом и славой, к какому бы сословию эти люди ни принадлежали.

... [115] Один сирафец, плававший на многих кораблях, рассказал ему, как он однажды плыл из Сирафа в Калу. В океане корабль потерпел крушение, но наш путешественник спасся на куске дерева. Больше двадцати дней его носило по морю и наконец прибило к острову, на котором было много банановых деревьев и плодов. Сирафец выбрался на берег и некоторое время прожил на острове, питаясь плодами и пресной водой. Потом он почувствовал стеснение в груди и пошел куда глаза глядят. Через несколько дней он увидел поле, засеянное рисом, дуррой и другими злаками. Заметив хижину, путешественник вошел в нее и прилег отдохнуть возле пустого сосуда. Проснувшись, он увидел погонщика с двумя быками, нагруженными двенадцатью мехами воды. Погонщик наполнил сосуд водой и сам присел отдохнуть возле него, а сирафец подошел напиться и при этом осмотрел сосуд. Он увидел гладкую, прекрасно отполированную поверхность, не похожую ни на горшечную глину, ни на стекло. На его расспросы туземец ответил, что это ствол птичьего пера. Сначала сирафец не поверил, но когда он протер сосуд снаружи и изнутри, на прозрачных стенках показались следы бородок пера. Погонщик рассказал ему, что бывают птичьи перья еще большей величины.

Все до единого моряки во всех подробностях подтверждают то, что я сейчас расскажу. Один корабль, плывший в Китай, погиб в открытом море. Спаслось только шесть-семь человек на рее. Несколько дней они провели в море; потом наконец попали на остров, где и прожили несколько месяцев, чуть не умерев там от тоски. Однажды люди эти беседовали, сидя на берегу, и вдруг видят, что к ним спускается птица величиной с быка или около того. «Жизнь опротивела нам, — сказали путешественники,—нападем сообща на эту птицу, опрокинем ее, зарежем, изжарим и съедим. Либо она убьет нас своим клювом и когтями, либо мы одолеем ее и наедимся мяса». Они вскочили: одни уцепились за лапы птицы, другие за ее шею, третьи били ее палками по голеням; в конце концов общими усилиями ее уда-

лось опрокинуть. Тогда путешественники взяли несколько камней, обломали их один о другой и сделали себе ножи. Птицу зарезали, ощипали и бросили в большой костер, который тут же развели; там ее переворачивали с боку на бок, пока она не поджарилась, а потом эти люди сели, наелись досыта да еще и на ужин оставили. На утро третьего дня путешественники вышли к морю, чтобы совершить омовения. Но стоило им прикоснуться к какой-нибудь части своего тела, как там выпадали волосы. Скоро у них на всем теле не осталось ни одного волоса, и оказались они безбородыми и лишенными всякой растительности. Среди них были три старика, которых это обстоятельство очень беспокоило. «Мясо было отравлено,—решили они.—Вот у нас уже выпали волосы, сегодня же мы все погибнем и наконец найдем покой». Но проходят сутки, а они по-прежнему живы и здоровы. По прошествии пяти дней у них начал пробиваться пух, а через месяц отросли черные блестящие волосы, которые с тех пор так и не поседели. Прошло еще около месяца, и у острова появился корабль. Путешественники подозвали его сигналами; корабль подошел к острову и забрал их. Они благополучно вернулись каждый в свою страну; там они рассказали о своем приключении. Одного из них, старика, люди отказывались признать, пока он не доказал свою личность особыми приметами. А волосы их так на всю жизнь и остались черными.

Один капитан рассказывал мне, будто в великом Самаркандском море — это море примыкает к Херкенду, говорят, оно потому называется Самаркандским, что в него впадает река Самарканд, — будто в этом море он видел много фалей [116]. Это самая крупная из морских рыб. Однажды мой собеседник видел такого фаля, который, казалось, имел двести локтей в длину и сто локтей в толщину. Пока моряки не поровнялись с этой рыбой, они принимали ее поднятые плавники за корабельные паруса. На спине животного в течение многих лет накопилась земля и мусор; и все это окаменело, как мельничный жернов; и кору эту невозможно было пробить ни железом, ни чем-либо другим. А вокруг фаля на целые фарсахи, справа и слева, сзади и спереди, пла-

вали, не отставая, другие рыбы. Говорят, что у этих фалей самец и самка несут яйца, которые растут у них в брюхе, только из яиц самца ничего не выходит, а из яиц самки вылупливаются детеныши.

Из других морских чудес я расскажу про птицу, живущую в стране Маит [117] — это остров в море около Сенфа и Сериры [118]. Говорят, что эта птица вьет гнездо на поверхности воды в одной из бухт этого острова. Там она несется, а потом сорок дней высиживает яйца. По истечении этого срока птица бросает яйца на воду и двадцать дней сидит неотлучно на противоположном берегу, питаясь одной рыбой. На двадцать первый день птенцы выходят из яиц и присоединяются к родителям, которые кормят их и прикрывают своими перьями. А когда птенцы оперяются и начинают двигаться и есть самостоятельно, родители бросают их. У этой птицы никогда не бывает больше трех птенцов. Жители Маита... этот остров, как было упомянуто... [119]. Корабли никогда не прибывают туда целыми; они приходят к острову в определенное время года, которое совпадает с периодом сильных бурь. Увидев берег, путешественники бросаются в море, держась за куски дерева и другие плавучие предметы; волны швыряют их из стороны в сторону и наконец выбрасывают на берег. Что до корабля, то имей он хоть сто якорей, буря все равно сорвет его с места и выкинет на сушу; судно при этом разбивается, и товары рассыпаются по берегу. Тогда путешественники берут свое имущество, а для возвращения строят новый корабль. Все, что привозится в эту страну, обертывается в кожи и крепко зашивается, чтобы товары не попортились от воды, когда судно разобьется. На этом острове имеется золото, хлопок и мед.

Аль-Хасан ибн Амр рассказывал мне, будто он видел в Мансуре жителей Нижнего Кашмира. Между Мансурой и их страной семьдесят дней караванного пути, но во время половодья они спускаются из Кашмира по Михрану [120] — эта река течет по тому же направлению, как Тигр и Евфрат—на тюках, набитых костом [121]. Мне говорили, что каждый такой тюк весит семьсот-восемьсот мин; его заворачивают в промасленные кожи,

так что ни вода, ни что-либо другое не может проникнуть внутрь. Потом тюки разминают и связывают между собой; кашмирцы садятся на них, спускаются по Михрану и в сорок дней доплывают до мансурской гавани, и при этом вода нисколько не смачивает коста.

Один человек, побывавший в Индии, рассказывал мне об индусских волшебниках.

Выходит такой волшебник в поле и видит, что по воздуху носятся птицы. Если он очертит на земле круг, птицы принимаются кружить над чертой, наконец опускаются в круг и больше уже не могут из него выйти. Тогда волшебник входит за черту, берет себе птиц, сколько ему вздумается, а остальных отпускает на волю. Если же они пасутся на поле, волшебник обводит их чертой, которую птицы не могут переступить; тогда он подходит к ним и берет их себе столько, сколько понадобится.

Некий путешественник рассказывал мне про одного такого волшебника, которого он видел в Синдабуре [122]. Человек этот притащил к берегу бухты кусок дерева, пошептал над ним и бросил в воду. Бревно сначала поплыло, а потом остановилось. Тогда он сел в лодку, подъехал к бревну, извлек из воды крокодила и тут же его убил.

Вообще в синдабурской бухте огромное число крокодилов. Говорят, они ни на кого не нападают на улицах, но если человек, выйдя из дому, подойдет к воде и сунет в воду хотя бы один палец — его немедленно хватают крокодилы. Жители Серира утверждают, что у них есть талисман против этих чудовищ.

Я знаю со слов очевидца, что в Индии множество людей занимается предсказаниями. Вот что сообщил моему собеседнику один сирафский купец.

Однажды, собираясь пройти сушей из Сеймура в Субару [123], он попросил сеймурского правителя дать ему провожатого, который охранял бы его в пути; правитель отрядил одного из своих батраков, или пехотинцев.

«Мы вышли из Сеймура, — говорил купец, — и присели отдохнуть возле таладжа и джерама (это значит по-индийски пруд и сад). Между прочим, мы ели рис. Вдруг поблизости каркнул ворон. „Знаешь ли

ты,—спросил индус у меня,—что сказал этот ворон?"—„Нет",—ответил я.—„Он сказал: непременно буду есть тот же рис, который вы сейчас ели". Эти слова удивили меня, — продолжал купец, — потому что весь рис был съеден нами без остатка. Закусив, мы отправились дальше своей дорогой. Не успели мы пройти и двух фарсахов, как встретили небольшой отряд из пяти-шести индусов. При виде их мой спутник весь затрясся от волнения и воскликнул: „Я непременно буду драться с этими людьми!"—„Зачем?"—спрашиваю я.— „Между нами старая вражда". Но, пока мой товарищ говорил мне о своих намерениях, встречные индусы выхватили свои кинжалы, бросились на него все сразу и распороли ему живот, так что все внутренности вывалились наружу. При виде этого я так испугался, что не мог идти дальше и упал на землю, почти лишившись сознания. „Не бойся,—сказали мне убийцы,—с этим человеком у нас была вражда, но тебе мы ничего дурного не сделаем". Затем индусы ушли своей дорогой; и не успели они удалиться, как на убитого опустился ворон — я не сомневаюсь, что это был тот самый, — и начал клевать рис, который выпал из его внутренностей».

В числе удивительных рассказов о купцах-мореходах и о людях, обогатившихся на море, вот что передают об Исхаке ибн аль-Яхуди [124].

Сначала этот человек вел дела с оманскими маклерами, но, поссорившись с каким-то евреем, бежал из Омана в Индию, не имея с собой ничего, кроме каких-нибудь двухсот динаров. Около тридцати лет на родине не было о нем никаких известий, но в трехсотом году [125] он снова вернулся в Оман. Многие братья наши, моряки, рассказывали мне, будто приехал он туда из Китая на собственном корабле и владел всем, что было на этом судне. Чтобы избежать проверки и не платить десятинной пошлины, он дал оманскому правителю Ахмаду ибн Хилалю больше миллиона дирхемов. Ахмаду ибн Мервану он продал за один раз на сто тысяч динаров великолепного мускуса, и ибн Мерван вообразил, что купил у него весь этот товар. В другой раз Исхак продал ему на сорок тысяч динаров тканей, а другому покупателю

продал товаров на двадцать тысяч динаров. По просьбе Ахмада ибн Мервана, он уступил ему дирхем на каждый мискаль, и эта ничтожная уступка составила сто тысяч дирхемов. У него были самые редкостные вещи, какие только попадаются у купцов.

Имя Исхака облетело весь город, и многие ему завидовали. Один дурной человек, которому он отказал в какой-то просьбе, пошел в Багдад и попытался опорочить еврея перед везиром Абу-ль-Хасан Али ибн Мухаммад ибн аль-Фуратом [126]. Но везир не обратил внимания на его слова. Тогда доносчик втерся в доверие к одному бесчестному вельможе из приближенных аль-Муктадира-биллаха и, выдавая себя за друга еврея, рассказал ему, что один человек уехал из Омана ни с чем, а вернулся на судне, на котором одного мускуса было на сто тысяч динаров да на столько же динаров шелковых одежд и фарфора, да еще на столько же драгоценностей и дорогих камней, а всяким изумительным китайским диковинкам у него и счету нет. Доносчик прибавил, что еврей — бездетный старик и что Ахмад ибн Хилаль взял у него товаров на пятьсот тысяч динаров. Об этом рассказе сообщили аль-Муктадиру. Пораженный халиф тотчас же послал в Оман одного из своих слуг, чернокожего по имени аль-Фульфуль, с тридцатью помощниками. При этом он написал Ахмаду ибн Хилалю письмо, в котором приказывал ему передать еврея аль-Фульфулю и со своей стороны отправить посланца в Багдад.

Когда гонец прибыл в Оман, Ахмад ибн Хилаль прочитал это письмо и велел взять еврея под стражу, а сам за большие деньги пообещал ему все уладить. Затем он тайно предостерег купцов, сказав, что арест еврея приведет к дурным последствиям для всех торговых людей—и чужестранцев и местных жителей без различия; он говорил о беззастенчивом вмешательстве властей, о жадности бедняков и злонамеренных лиц. Рынки закрылись; иноземные и оманские купцы написали особые заявления, в которых утверждали, что, как только еврея увезут, торговые корабли перестанут заходить в Оман, купцы разбегутся из города, мало того, люди станут предупреждать друг друга, что опас-

но причаливать к берегам Ирака[127], потому что там никто не может быть спокоен за свое имущество. А ведь Оман — город торговый, в нем много именитых и богатых купцов из самых различных стран. Избрали они себе это местожительство из-за справедливости повелителя верующих[128] и его наместника, которые оказывают купцам покровительство и защиту против всяческих завистников и притеснителей. Купцы так яростно спорили и кричали против Ахмада ибн Хилаля, что аль-Фульфуль и его приспешники решили покинуть Оман, думая о своем собственном спасении. А наместник в подробном послании описал халифу все случившееся: как восстали купцы, как чужестранцы подвели к берегу свои суда, а теперь их нагружают снова, чтоб увезти свои товары обратно, и как местные купцы, негодуя, говорят: «Если мы останемся здесь, то окажемся без всяких средств к существованию, потому что корабли перестанут заходить в нашу гавань, а ведь все население этого города живет исключительно морем. Если так обращаются с незначительными купцами, значит крупных ожидают еще худшие притеснения. Правители — словно огонь: в какую сторону ни кинутся — все пожирают. Мы бессильны против этого произвола, а потому нам лучше всего уйти отсюда».

Итак, слуги халифа уехали, взяв предварительно у Исхака около двух тысяч динаров; рассерженный еврей начал усиленно закупать товары, собрал свое имущество, построил корабль и выехал в Китай, не оставив в Омане ни одного дирхема. Когда он прибыл в Сериру, местный правитель потребовал от него взятку в двадцать тысяч динаров, иначе он грозил задержать еврея и не пропустить его в Китай. Купец отказался. Тогда правитель ночью подослал к нему тайного убийцу, а корабль и все его имущество забрал себе.

Этот Исхак три года прожил в Омане. Я слышал от очевидца, что однажды, в день Махраджана[129], он подарил Ахмаду ибн Хилалю сосуд из черного фарфора с крышкой из блестящего золота. «Что в этом сосуде?» — спросил правитель. — «Там секбадж[130], который я приготовил для тебя в Китае».—«Секбадж, сваренный в Китае!—воскликнул эмир с изумлением.—Да

еще два года тому назад! Как же он сохранился?» С этими словами Ахмад открыл сосуд и увидел там рыбу из золота с яхонтовыми глазами; она была обложена превосходным мускусом. Содержимое этого сосуда стоило не меньше пятидесяти тысяч динаров.

Вот один из рассказов этого еврея:

«Я прибыл в китайскую страну, называемую Лубином [131]. Дорога туда лежит меж высоких гор, и товары перевозят на козах, ибо никто, кроме коз, не может пробраться по этим высотам, уступчатым, как лестница. В этом городе я видел великого царя, высокого саном, могущественного и славного. Меня ввели к нему, когда он сидел на золотом престоле с яхонтовыми инкрустациями, покрытый украшениями, точно женщина, а супруга его, сидевшая тут же, была убрана еще богаче. На шее у царя висели неоценимые ожерелья из золота и хризолита—ни у кого из владык Востока и Запада не найти подобных. А вокруг царя стояло пятьсот невольниц разного цвета кожи, одетых в дорогие уборы и всевозможные шелка. „О араб! — сказал царь, выслушав мое приветствие. — Видал ли ты что-нибудь прекраснее этого?“ И он указал на одно из своих ожерелий, украшенное инкрустациями. „Да, видал“, — ответил я. — „Что же это?“ — спросил царь. — „Я привез с собой единственную в мире жемчужину, которую приобрел за большие деньги специально для тебя“. И царица сказала своему супругу: „Ты остался мне коечто должен, а вот теперь ты получил эту единственную в мире жемчужину. Отдай ее мне!“ — „Поспеши и принеси нам эту жемчужину сейчас же“, — приказали они. — „Принесу ее сегодня же ночью, — ответил я,— ведь ради этого я и пришел“. — „Нет! — воскликнул царь. — Непременно сейчас же, в сей же миг“. И радовался он чрезвычайно. У меня же было десять жемчужин. Я поспешил в дом, где остановился, взял камень, растер девять жемчужин в порошок и закопал его в землю. А „единственную в мире“ я дважды обернул в платок, положил в шкатулку, старательно запер ее и отнес царю. Я долго открывал шкатулку и разворачивал жемчужину; царь подошел ко мне, и супруга его стояла рядом, торопя меня. Наконец я вынул свое со-

кровище; царь тотчас же поклонился жемчужине до земли, царица также пала ниц, и они мне дали в уплату за жемчужину большие деньги».

Все моряки говорят, что Берберское море [132] — оно тянется на семьсот фарсахов и лежит на пути в Страну Зиндж — одно из самых опасных морей; зинджам принадлежат большие острова у одного из берегов этого моря; корабли проезжают его в шесть или семь дней, ибо течение там, как говорят, очень быстрое. Когда в Берберу [133] попадает какое-нибудь судно, туземцы захватывают путешественников и оскопляют их. Купцы, отправляясь в Берберу, берут с собой охрану, каждый соответственно своему богатству и положению, чтобы их не схватили и не оскопили. Туземцы собирают яйца людей, которых они оскопили, и показывают их, чтобы возбуждать зависть, когда хвалятся своими подвигами, ибо оскопление иностранца считается у них признаком храбрости.

Море Серендибских заливов [134] — это одно из самых коварных, недоступных и бурных морей — одно из тех морей, в котором редко кому удается спастись. Оно простирается на триста фарсахов. В этом море множество крокодилов, а по берегам его живут тигры. По этому морю плавают морские разбойники, которые, овладев судном, пожирают находящихся на нем. Это злейшие из людей, и нигде на свете нет пиратов, подобных им. Путешественники, проплывая по этому морю, подвергаются тройной опасности: их съедят, если судно попадет к пиратам; если корабль потонет, не пройдет и часа, как их пожрут крокодилы; а если судно разобьется около берега и людям удастся выбраться на сушу, — все равно их в одно мгновение разорвут тигры.

Аль-Хасан ибн Амр со слов одного сведущего в индийских делах шейха привел мне следующий пример диковинных обычаев Индии.

«Какой-то великий индусский царь сидел однажды за столом; против него в клетке висел попугай. „Иди поешь со мной“, — сказал царь. „Я боюсь кошки“, — ответила птица. Тогда царь сказал: „Я буду твоим балауджером“. Слово «балауджер» по-индусски значит:

„добровольно подвергнусь всему, что бы с тобой ни случилось".

Я сейчас объясню смысл этого выражения. К каждому индийскому царю, сообразно с его могуществом и положением, является известное число людей, которые говорят ему: „Мы твои балауджеры". Царь собственноручно кормит их рисом и своей рукой дает им бетель [135], а каждый из этих людей отрезает себе мизинец и кладет его перед царем. После этого обряда балауджеры сопровождают царя в путешествиях, едят и пьют то же, что и он, наблюдают за приготовлением пищи и заботятся обо всем, что его касается. К царю не может попасть ни наложница, ни рабыня, ни слуга без того, чтобы эти приближенные не осмотрели их. Стелится царю постель — они ее также осматривают; подается ему пища или питье — они говорят принесшему: „Сначала отведай сам!" И так при всех обстоятельствах, представляющих для царя какую-нибудь опасность. Если он умирает, — они убивают себя; если сжигает себя, — они делают то же; если заболевает, — подвергают себя истязаниям. На войне — нападает ли царь, защищается ли — эти балауджеры всюду с ним. Эту должность занимают исключительно люди из высшей местной знати, смелые и отважные, видные и красивые. Вот что значит „быть балауджером".

Сказав попугаю: „Я твой балауджер", — царь съел у него немного рису. Птица при виде этого вылетела из клетки и села на стол есть; но тут появилась кошка и откусила ей голову. Царь положил тело попугая в фарфоровый сосуд, накрыл его камфарой, обложил кардамоном, бетелем, смолой и ареком. Потом он приказал бить в барабан и с сосудом в руках стал объезжать страну и ряды своего войска. Так он делал каждый день в течение двух лет. Но когда дело затянулось, к царю собрались балауджеры и другие знатные люди царства и сказали ему: „То, что ты делаешь, гадко и продолжается слишком долго. До каких пор ты будешь еще откладывать? Нужно исполнить свой долг во что бы то ни стало, а не хочешь, так скажи; мы тогда сместим тебя и изберем другого". Ибо кто назвал себя балауджером, а потом уклоняется от своих обяза-

тельств или затягивает их исполнение, тот по законам Индии становится бахиндом. А бахиндом называется у них человек настолько ничтожный, презренный и низкий, что на него и закон не распространяется: это, например, певцы и флейтисты и всякие подобные им люди. И цари и их приближенные оказываются в одинаковом положении, если только они не исполняют своих обязательств.

Тогда царь приказал вырыть яму, наполнил ее сандаловым деревом, маслом и алоэ, поджег все это, бросился в яму и тут же сгорел; так же сожгли себя его балауджеры и балауджеры балауджеров, т. е. свита его свиты. В этот день сгорело с ним около двух тысяч душ, и причиной этого были слова царя попугаю: „Я буду твоим балауджером“».

Говорят, что цари Серендиба и люди, подражающие им, передвигаются в хундулах (род паланкина), которые их слуги несут на плечах. Служитель несет золотое блюдо с листьями бетеля и разными необходимыми вещами; царя сопровождают прислужники и свита. Так он ездит по городу или отправляется по своим делам, жуя бетель и сплевывая в плевательницу. Если ему по дороге придет охота помочиться, он слезает с паланкина и мочится где случится: на дороге, на площади; и делает это не останавливаясь, на ходу. Кончив, он вкладывает все обратно и даже не утирается.

Рассказчик сообщил мне также следующий случай, свидетелем которого он был в Сендане [136]:

Один индус проходил мимо какого-то дома; вдруг оттуда вылили на него мочу, обдав все его платье. Индус остановился и крикнул: «Что, этой жидкостью мыли руки или полоскали рот?» (Такая вода у них считается самым грязным, что только может быть.) Ему ответили: «Это моча ребенка, который только что помочился».— «Канна»,—ответил индус (это значит: прекрасно!) и пошел дальше. Моча у них считается чище воды, которой мыли руки или полоскали рот.

Когда индус кончает испражняться, он погружается в таладж — это пруд, наполненный водой, которая в пору дождей и потоков стекает с равнин и гор. Умывшись и очистившись, он полощет рот этой водой, а вый-

дя из таладжа, выплевывает ее на землю. Согласно его понятиям выплюнуть воду в водоем значило бы загрязнить его.

Аль-Хасан рассказывал также со слов путешественника, побывавшего в Серендибе и встречавшегося с местными жителями, что на берегу этого острова находится дозорный пункт, где налагают пошлины на товары. Это один из торговых обычаев серендибского властителя.

Один моряк рассказывал мне поразительные вещи о змеях в Кулам-Мели. Между прочим, он упомянул о змее под названием«нагеран». Это пятнистая змея; на голове у нее знак вроде зеленого креста. Она поднимается от земли на высоту одного-двух локтей, смотря по своему росту. При этом у нее распухают виски и голова так раздувается, что делается похожей на голову собаки. Когда нагеран спешит, его невозможно догнать, но сам он всегда настигает свою жертву. Укус его смертелен.

В Кулам-Мели живет один мусульманин, которого индусы называют «бенджи»[137], что значит «начальник молитвы». Он заговаривает укус нагерана. Впрочем, если яд от укуса успел распространиться по всему телу, искусство мусульманина бессильно; но в большинстве случаев он спасает жизнь людей, которых укусил нагеран или какая-нибудь другая змея. В этой стране многие индусы занимаются ворожбой, но заговоры мусульманина почти всегда удаются.

«Однажды, — говорил рассказчик, — я был у этого бенджи и видел, как к нему привели человека, которого укусил нагеран. Тут же присутствовал один индус, известный своим искусством в заклинаниях; он стал ворожить, пытаясь вылечить больного. А мусульманин стал колдовать, чтобы укушенный умер; так оно и случилось». Рассказчик видел не раз, как этот бенджи своими заклинаниями спасал людей, укушенных нагераном и другими змеями, и те оставались невредимыми. Есть особая порода змей, встречающаяся исключительно в Кулам-Мели; это небольшая змейка с двумя головами, причем одна из этих голов значительно меньше другой. Называется такая змея батаром. Когда она открывает свою меньшую пасть, кажется, будто видишь

клюв маленькой птички. Укус любого из ее жал убивает мгновенно.

Абу-ль-Хасан передал мне следующий рассказ Мухаммада ибн Бабишада:

«В Серендибских заливах я видел много забавного и удивительного по части змей и их заклинателей. Вот что мне случилось наблюдать в одной местности недалеко от...[138]. Если кого-нибудь укусит змея или ехидна, заклинатели лечат его ворожбой. Если это средство помогает, больной выздоравливает, если же нет, его кладут на деревянную постель, которую опускают в реку во время отлива. Река эта впадает в море, а дома у большинства жителей расположены вдоль этой реки. Люди знают, что на такую постель кладут только укушенных змеей, поэтому кто из них искусен в ворожбе, тот берет пострадавшего и творит над ним свои заклинания. Помогает заговор — больной встает и возвращается к себе в дом пешком, а нет — его снова отпускают в реку. Так он проплывает через весь город; люди, искусные в заклинаниях, один за другим берут его и лечат своим колдовством. Если помогает заклинание, ужаленный встает, если нет, его пускают дальше. Так больной спускается вниз по течению до самой окраины города. Если заговоры не помогают, его уносит все дальше по волнам и наконец выбрасывает в море, где он тонет, если еще до того не погиб от яда; по их обычаям укушенного на суше не оставляют и родственники не берут его к себе в надежде вылечить. Если он выздоравливает, то возвращается сам, если же заклинания не помогают, он уходит навсегда».

Мухаммад ибн Бабишад говорил мне еще:

«В Серендибских заливах я видел одну реку, впадающую в море; и прилив и отлив оказывают большое влияние на ее течение. Однажды я проходил вдоль этой реки, когда уровень ее значительно спал и берега были обнажены. Смотрю, а у самой воды, на песке, сидит, скрестив ноги, старуха. „Что ты здесь сидишь?“ — спросил я ее. Она же ответила: „Я дряхлая старуха, прожила уже долгий срок и съела свою долю в этом мире. Чтобы спастись, мне нужно теперь приблизиться к моему создателю“. — „Но почему же ты здесь сидишь?“ —

допытывался я.—„Я жду,—ответила старуха, — чтобы меня унесла вода“ И старуха не сдвинулась с места, пока ее не смыл прилив».

В этом сборнике я не раз приводил рассказы о том, как индусы лишают себя жизни различным образом, и говорил я об этом достаточно.

Я слышал от очевидца, побывавшего в Индии, будто жители Канбаята [139] приходят один за другим топиться в бухте. Людей, которые топят их, они нанимают за плату, боясь раздумать в последний момент от страха или от волнения. Тот, кто получает плату, кладет свою руку на затылок самоубийцы и держит его под водой, пока он не умрет. Как бы самоубийца ни кричал и ни молил о пощаде, как бы ни просил его отпустить, наемник не слушает его.

Рассказал мне путешественник, побывавший в Сахале [140], будто видел он на острове Бакар [141] — этот Бакар лежит между Серендибом и Мандурином [142] и принадлежит к островам, окружающим Сехилан [143], — будто видел он там огромного индусского кумира. Индусы говорят, что этот идол сначала находился на острове Сехилане, а потом через море перешел в Бакар; говорят, будто он на каждом острове остается тысячу лет, а потом переходит на другой.

Рассказал мне Мухаммад ибн Бабишад:

«У одной серирской жительницы я видел человекоподобного зверя, только лицо у него было черное, как у зинджа, да и руки и ноги длиннее человеческих; кроме того, у него был длинный хвост и шерсть, как у обезьяны. Животное прижималось к женщине, сидя у нее на коленях. „Что это такое?“ — спросил я ее. А она в ответ: „Житель рощ и лесов!“ Зверек по временам испускал слабый крик на непонятном языке. Он был вроде обезьяны с человеческим лицом, и тело его было похоже на человеческое».

Мухаммад говорил еще, будто на побережье Ламери живут зарафы [144] неописуемой величины. Путешественники, которые, потерпев крушение на море, принуждены были идти сушей из Фансура в Ламери, говорят, что по ночам они не могли продолжать путь из страха перед зарафами; днем же эти чудовища не показываются. С

наступлением ночи путешественники со страха влезали на большое дерево: всю ночь они слышали, как зарафы бродят вокруг, а утром видели их следы на песке. Кроме того, на этом острове тьма муравьев, особенно на побережье Ламери; и муравьи там огромные.

Мухаммад рассказал мне также со слов какого-то моряка, будто в Лулу-Биленке[145] — это морской залив — живут хвостатые людоеды. Живут они в области, которая находится между Ламери и Фансуром.

Кончена первая часть книги; во второй последует рассказ об острове ан-Нeяне[146], если угодно Аллаху всевышнему.

* *
*

Рассказал мне Мухаммад ибн Бабишад, будто на острове ан-Нeяне — этот остров лежит в Наружном море[147] на сто фарсахов от Фансура, — будто на ан-Нeяне также живут людоеды. Они собирают человеческие черепа, и каждый гордится, если у него много таких черепов. Неянцы покупают за большие деньги слитки желтой меди и сберегают этот металл вместо золота. Желтая медь на ан-Нeяне так же долговечна, как золото у нас, а золото у них совсем не имеет цены, как у нас желтая медь. Благословен Аллах, прекраснейший из творцов!

За ан-Нeяном находятся три острова, называемые Барава[148]. Их жители тоже пожирают людей, собирают черепа, торгуют ими и берегут их.

Мне говорили, что жители Фансура, Ламери, Калы, Каколы, Сенфина и окружающих стран занимаются людоедством, но едят они исключительно своих врагов из неприязни к ним, а не по причине голода. Человеческое мясо они нарезают ломтями, приготовляют его всевозможными способами и едят с вином как лакомство.

Когда корабли пристают к островам Ладжабалуса[149] — эти острова многочисленны и тянутся на восемьдесят фарсахов, — жители выходят к приезжим и покупают у них товары, [и товары надо передавать] из рук в руки. Если дать туземцу какой-нибудь предмет, прежде чем он даст взамен что-нибудь другое, — он

убегает с этой вещью, и ее невозможно вернуть обратно. Иногда на эти берега попадает мужчина или женщина с разбитого судна; если этому путешественнику удалось спасти что-нибудь из денег или платья и если он держит это при себе, не выпуская из рук, туземцы не отбирают у него ничего, что бы он ни держал; они ничего не берут из рук человека, случайно попавшего к ним. Напротив, они поселяют его в каком-нибудь доме и кормят тем же, что едят сами. Никто из хозяев не станет есть, прежде чем не накормит своего гостя; и едят они только объедки этого чужестранца. Так продолжается, пока не причалит к ним судно. Тогда туземцы ведут гостя на корабль и говорят приехавшим: «Возьмите его от нас и дайте нам что-нибудь взамен». И приезжие волей-неволей выкупают потерпевшего крушение. Иногда на остров попадает человек умный; он прислуживает туземцам, плетет веревки и выменивает их на амбру. Таким образом он зарабатывает до приезда судов, и пребывание на острове позволяет ему кое-что собрать.

Путешественник, побывавший в Индии, рассказывал мне, что самые прекрасные драгоценности и редкие алмазы добываются в стране Кашмир. Есть там долина, расположенная между двумя горами; в ней постоянно горит огонь — днем и ночью, зимой и летом. Только беднейшие из индусов ходят туда за алмазами; никто, кроме них, не отваживается проникать в эти опасные места. Собирается отряд храбрецов и направляется к долине; там они закалывают тощих овец, режут их на части, кладут на чашку метательной машины и сбрасывают в долину, кусок за куском. Приблизиться к этому месту совершенно невозможно по нескольким причинам: во-первых, этому препятствует жар пламени, а во-вторых, около огня в огромном количестве кишат змеи и всякие другие гады, которые не замедлили бы погубить смельчака. На разбросанные по долине куски мяса слетается множество орлов; если кусок падает далеко от огня, орел хватает его и подымает вверх. Люди при виде этого следуют за птицей, куда бы она ни полетела. Иногда алмазы падают с мяса на лету, а иногда орел куда-нибудь спускается, тогда охотники находят алма-

зы в том месте, где орел съел добычу. Если мясо падает в огонь, оно сгорает; если орел, опускаясь за этим куском мяса, подлетает слишком близко к огню, он также сгорает дотла. А иногда случается, что птица успевает схватить кусок, прежде чем он упадет на землю. Вот каким образом добываются эти алмазы; люди, собирающие их, большей частью погибают либо от змей, либо от огня. Местные цари — большие любители алмазов; они всячески стремятся их приобретать и стараются набрать побольше искателей алмазов. За такими искателями установлен строгий надзор, а причина тому—великолепие и высокая ценность этих камней.

Рассказал мне капитан Исмаилуйя:

«Когда я в триста семнадцатом году [150] плыл из Калы в Оман, мне довелось пережить столько чудесного, сколько до меня не переживал ни один капитан. По дороге из Калы мне встретилось семьдесят разбойничьих судов; я бился с ними три дня сряду, сжег большое число кораблей, перебил многих разбойников, а сам спасся. Через сорок один день после отъезда из Калы я причалил к арабскому берегу, то есть к Шихр аль-Любану [151]. В качестве десятинной пошлины, наложенной на мои товары, оманский правитель взял себе шестьсот тысяч динаров. Из этой же пошлины и из других денег он сделал нашим людям щедрый подарок ценой, пожалуй, в сто тысяч динаров. И все это, не считая тех товаров, которые удалось скрыть так, что их не обнаружили и не взыскали за них пошлину. Эти три происшествия случились со мной в один переезд; никому еще не доводилось переживать по пути из Калы таких приключений, ни в одно путешествие, ни в несколько».

Рассказал мне оманский врач аль-Белуджи.

«Однажды я был в ат-Тизе [152], куда мое судно попало случайно. Мы причалили к берегу, разгрузили корабль и стали ждать попутного ветра. Однажды к нам явилась женщина высокого роста, с красивым лицом и прекрасным сложением; ее сопровождал старик, белоголовый и седобородый, слабый и худой. „Жалуюсь вам на этого старика, — обратилась к нам женщина, — он предъявляет ко мне чрезмерные требования, кото-

рые я не могу удовлетворить". Мы стали просить за нее и наконец уговорили старика, что хватит с него двух раз днем и двух раз ночью. Но через несколько дней женщина возвратилась к нам с той же жалобой. „Послушай, человек, — сказали мы старику, — дело твое удивляет нас... [53] [Расскажи нам] свою историю".

„В таком-то году, — ответил старик, — я уехал на корабле, принадлежавшем такому-то. Судно потерпело крушение, но я спасся на рее с некоторыми из моих спутников. Мы попали на какой-то остров и оставались там несколько дней без еды, так что чуть не умерли с голоду. Однажды волны выбросили на берег дохлую рыбу. Мои товарищи отказались есть ее, так как боялись, что она чем-нибудь отравлена, но я испытывал такие страдания, что не побоялся этого. „Если я умру, то найду покой, — говорил я себе, — а если останусь в живых, то лишний раз наемся". Поэтому я поднял рыбу, несмотря на уговоры моих товарищей, и стал пожирать ее сырой. Но едва лишь мясо попало мне в желудок, точно огонь зажегся у меня в спине и разлился горящим столбом по всему хребту. Пламя распространилось по моему телу и с тех пор не дает мне покоя. В таком состоянии я нахожусь по сей день". А с того времени, как старик съел эту рыбу, прошло уже много лет».

Мы упоминали... [154].

Выше мы привели рассказ про Исмаилуйю ибн Ибрагима ибн Мирдаса. Мне говорили, что в триста семнадцатом году [155] он действительно приехал из Калы в Оман, но путешествие это продолжалось сорок восемь дней. В этом же году из Серендиба приехал некто Каван; это на его корабль, а не на корабль Исмаилуйи была наложена пошлина в шестьсот тысяч динаров.

Со слов этого Кавана мне передавали следующий рассказ:

«Когда я был в Ханфу, багбур, царь Китая, привел меня однажды в сад, простиравшийся на двадцать джарибов [156]. Там росли нарциссы, левкои, анемоны, розы и всякие другие цветы, и я удивлялся, видя, что и зимние и летние цветы цветут одновременно в одном и том же саду. „Как тебе это нравится?" — спросил меня царь.—

„Все, что я видел до сих пор чудесного и прекрасного, не может с этим сравниться", — ответил я.—„Все, что ты видишь, — сказал царь, — все деревья и цветы сделаны из шелка". При этих словах я присмотрелся и, действительно, увидел, что и листья и цветы сплетены, сшиты, связаны из китайского шелка. Но глядя на них, никто бы не усомнился, что это настоящие деревья и живые цветы».

В Андамане Великом [157] есть большой золотой храм. В нем находится гробница, которую особенно почитают туземцы, они и этот золотой храм возвели из благоговения к ней. Жители обоих островов ездят на поклонение к этой гробнице. Они называют ее могилой Сулеймана, сына Давида, — мир им обоим! Сулейман будто просил всемогущего и великого бога поместить его могилу в такое место, где люди нашего времени не могли бы ее найти. Аллах всевышний избрал для этого Андаман и поместил туда могилу Сулеймана. Никто из побывавших на том острове не возвращался к нам назад. Я слышал от одного путешественника, ездившего в Страны Золота, будто в Сенфине он видел человека, который когда-то попал в Андаман с другими моряками. Всех его товарищей островитяне съели; спасся только он один, и от него-то и дошел до нас этот рассказ.

Моряки неоднократно рассказывали мне о жемчужине, которую прозвали «Сиротою» за то, что она в целом мире не имеет себе подобной. Самый сведущий из рассказчиков передавал мне следующее:

«Жил в Омане честный и добродетельный человек, по имени Муслим ибн Бишр; занимался он тем, что снаряжал водолазов на ловлю жемчуга. Сначала у Муслима было кое-какое имущество, но от водолазов у него не было никакой прибыли, так что все его состояние ушло, и остался Муслим без средств, без запасов, без одежды и без всего, что можно было бы продать, если не считать ножного браслета в сто динаров, принадлежавшего его жене. „Одолжи мне этот браслет, — сказал ей ибн Бишр,—я найму водолазов, и, может быть, Аллах всевышний поможет мне".—„Ах ты этакий! — закричала она. — Ты не оставил нам ни запасов, ни средств к жизни; мы пропали, обнищали... лучше прожить этот брас-

лет, чем потопить его в море!“ Но муж уговорил ее ласковыми речами, взял браслет, продал его, нанял водолазов на все вырученные деньги и выехал с ними на ловлю. Водолазы поставили ему условием, чтобы работа их продолжалась не больше двух месяцев; на этом и порешили.

Пятьдесят девять дней водолазы ныряли за жемчужинами, но в раковинах, которые они вылавливали и открывали, ничего ценного не оказывалось. Но на шестидесятый день они нырнули во имя Иблиса[158]—да проклянет его Аллах!—и выловили раковину, из которой извлекли жемчужину большой стоимости; быть может, цена ее равнялась всему, чем владел Муслим с тех пор, как жил на свете. „Вот,—сказали водолазы,—что мы нашли для тебя во имя Иблиса, да проклянет его Аллах!“. Но Муслим взял жемчужину, раздробил ее и бросил в море. „Что ты за человек!—закричали наемники.—Ведь ты обнищал, пропал, ничего у тебя не осталось. Попадается тебе вот такая жемчужина, может быть, в тысячу динаров, и ты разбиваешь ее!“—„Слава Аллаху!—ответил Муслим.—Разве я могу пользоваться деньгами, добытыми во имя Иблиса? Я уверен, что Аллах—благословен всевышний!—не одобрит такого дела. Эта жемчужина попалась нам только потому, что Аллах всевышний хочет нас испытать. Всякий, кто услышит ее историю, убедится в том, что вера моя непоколебима; а если бы я воспользовался ею, каждый из вас, конечно, последовал бы моему примеру и нырял бы только во имя Иблиса—да проклянет его Аллах! Такой великий грех не покрыть и самым большим барышом. Клянусь Аллахом, я и за все жемчужины в море не впутался бы в такое дело. Ступайте, нырните еще раз и скажите так: „Именем Аллаха и его благословением!“ Водолазы нырнули, как приказал Муслим; и прежде чем в этот день, последний из шестидесяти, была прочитана молитва на закате, им попались в руки две жемчужины: одна „Сирота“, а другая гораздо ниже ее качеством. Обе жемчужины отнесли ар-Рашиду[159]. „Сироту“ он купил за семьдесят тысяч дирхемов, а меньшую—за тридцать тысяч. Муслим вернулся в Оман со ста тысячами дирхемов, построил себе громадный дом, купил

поместье и много земли; дворец его и теперь известен в Омане».

Вот какова повесть о жемчужине «Сироте».

Рассказывал мне Юнус ибн Михран, сирафский купец, побывавший в Забедже:

«В городе, где живет махараджа [160], царь Забеджа, я видел столько больших рынков, что им и счету нет. На меняльном рынке в этом городе я насчитал восемьсот менял, кроме тех, которые рассеяны по разным другим рынкам». Вообще все, что он рассказывал об острове Забедже, о возделанных землях его, об его многочисленных городах и селах, не поддается никакому описанию.

Вот чудесная повесть, которую рассказывал мне один из наших друзей:

«Однажды я ехал на корабле из Убуллы [161] в Баян [162]. По дороге на нас налетели волны и шквал; буря все усиливалась, и наконец, не сомневаясь в близкой гибели, мы скинули одежду. На корабле ехала с нами женщина с маленьким мальчиком. Сначала она сидела совершенно спокойно, а когда опасность усилилась, стала смеяться и подбрасывать ребенка на руках. У нас не было охоты ее расспрашивать, потому что сами мы отчаивались спастись. Но когда мы избежали опасности и выбрались на сушу, я сказал нашей спутнице: „Что ты за женщина! Видно, ты не боишься бога славного и великого! Ты ведь видела, что мы попали в такую беду, что не надеялись даже спастись, а ты смеялась и качала мальчика; разве ты не боялась утонуть так же как и мы?“—„Если бы вы знали мою повесть,—ответила женщина,—вы подивились бы и не стали меня бранить за терпение и беспечность в опасности“. — „Расскажи нам“, — попросили мы, и наша спутница начала так:

„Я жительница Убуллы. У родителя моего был приятель, служивший матросом на одном из тех судов, которые ходят между Оманом и Басрой. Приезжая из Омана на своем судне, он останавливался у нас, гостил несколько дней и дарил нам подарки, а когда он уезжал, мы отдаривали его, чем могли. Друг этот был порядочным человеком, и отец выдал меня за него. Года через три, не больше, отец мой скончался. „Собирайся,—ска-

зал мне муж,—я повезу тебя в Оман; там у меня мать и другие родственники". Я поехала с ним в Оман и почти четыре года прожила в его семье; а муж мой ездил попрежнему между Басрой и Оманом. В Омане он и скончался через пять месяцев после рождения этого мальчика, а я жила в этом городе исключительно ради него, и по истечении законного срока [163] мне не захотелось больше там оставаться. Я объявила свекрови и всем мужниным родственникам, что хочу возвратиться в Убуллу, в родную семью. Те упрашивали меня остаться. „Мы всю жизнь будем делиться с тобой,—говорили они,—у нас никого не осталось на свете, кроме этого мальчика". Но я не послушалась их уговоров. Перед отъездом я купила ребенку прочную бамбуковую колыбельку, сложила туда все свои и его платья, которые успела запасти, и все самое ценное из своего имущества. Все это я старательно закрыла сверху, положила ребенка и села на судно, отплывавшее в Басру.

По дороге нас застигла буря; в полночь корабль разбился, и моряки и пассажиры рассеялись в море, не видя один другого. Я уцепилась за какую-то доску и продержалась на ней до следующего утра. Наконец около полудня нас заметил хозяин проходившего мимо судна; десять человек и меня в том числе выловили из моря и взяли на корабль. Нас перевернули вниз головой, чтобы вытекла вода, которой мы наглотались в море, поили лекарством и ухаживали за нами до следующего утра, пока мы не пришли в себя. Я же совсем забыла про своего сына после всех этих ужасов, и самая мысль о нем как-то ускользнула из моего сердца. На следующий день я услышала, как хозяин судна сказал: „Посмотрите, нет ли у этой женщины молока, а то ребенок, которого мы нашли, наверное умрет".—„Есть ли у тебя молоко?" — спросили меня матросы. Тогда я вспомнила про мальчика и сказала: „У меня было молоко, но после всего случившегося я не знаю, осталось ли что-нибудь". — „Посмотри на этого ребенка,—сказали моряки, — пока он еще не умер". И вот принесли мне совершенно нетронутую колыбель с ребенком; ее даже не открывали и ничего из нее не взяли. При виде мальчика я вскрикнула, упала навзничь и потеряла сознание. „Что

ты?"—спрашивали окружающие, брызгая на меня водой. Через час я очнулась и стала плакать, прижимая ребенка к груди. „Что с тобой, женщина?"—спрашивали моряки. „Этот мальчик мой сын"—ответила я. „Это твой сын?—спросил хозяин судна.—Подойди ко мне! А какие вещи лежали под ним?" И я принялась перечислять им эти предметы, а моряки вынимали вещь за вещью, как будто я только что все уложила; все присутствующие громко рыдали, славили бога и благодарили его. Вот я тонула в этом мраке и была разлучена с сыном, а бог чудесным образом нас соединил. Мне ли бояться теперь? Если Аллах назначил мне утонуть, не поможет тут осторожность"».

Рассказал мне один из купцов Сирафа:

«Однажды я ехал морем из Омана в Басру. С нами находилась мансурская девушка, молодая и прекрасная лицом. Я заметил, что один из матросов, подходя к ее каюте, делал ей разные знаки, но не мог ничего добиться, потому что девушка не выходила оттуда. Около Харика [164] море переменилось, разыгралась буря, и корабль разбился. Мне удалось уцепиться за рею, где еще до меня повисло несколько человек, в их числе мансурская девушка и тот самый матрос, который приставал к ней на корабле. Он и тут стал домогаться ее любви, но девушка отталкивала его ногой и сопротивлялась ему весь день. А волны между тем то подымали, то опускали нашу рею. Наконец молодая мансурка перестала сопротивляться, и матрос изнасиловал ее на моих глазах. А мы не могли подняться, не могли уговорить его не делать этого, не имели никакой возможности помешать ему, да и не до этого нам было, когда мы погибали в морских волнах. На следующее утро оказалось, что девушка погибла: она упала с реи в море, как и большинство пытавшихся на ней спастись».

Этот купец рассказал мне также, что в Сеймуре жил один сирафец по имени Аббас ибн Махан. Человек этот был мусульманским хунарманом [165]—виднейшим лицом в городе и покровителем мусульман. Какой-то приезжий матрос, человек развратного нрава, проходил однажды по Сеймуру. По дороге он увидел идола, изображавшего дивно-прекрасную девушку. Матрос улучил мгно-

вение, когда на него никто не смотрел, подошел к статуе и поместился между ее бедрами. Но вдруг мимо него прошел один из служителей храма; моряк испугался и отошел. Служитель понял, в чем дело, подошел к статуе и, увидев жидкость между ее бедрами, потащил иностранца к сеймурскому царю, которому и рассказал о случившемся. Матрос сознался в своем проступке. «Как вы думаете с ним поступить?» — спросил царь своих приближенных.—«Бросить его на растерзание слонам»,—сказал один.—«Разрезать на куски»,—отозвался другой.—«Это невозможно,—ответил царь,—преступник из арабов, а с арабами у нас договор. Но пусть кто-нибудь из вас пойдет к мусульманскому хунарману Аббасу ибн Махану и спросит его: „К чему вы присуждаете человека, когда его находят с женщиной в мечети?“ Посмотрите, что он скажет, и поступите соответственно». Так и сделали. Один из везиров пошел к Аббасу ибн Махану и спросил его, а хунарман, желая возвеличить ислам ответил ему: „Человека, застигнутого в таком положении, у нас убивают“. Тогда виновного казнили.

Когда Аббас узнал обо всей этой истории, он ушел из Сеймура тайком от царя, так как боялся, что его задержат ввиду почетного положения и высокой должности.

Вот что рассказал мне сирафец Дарбезин, шурин Убейдаллаха ибн Айюба (а Убейдаллах приходился дядей судье Абдаллаху ибн Фадлу):

«Однажды, когда я находился в Ханфу — столице Китая Великого, населению объявили, что один из вельмож багбура вернулся из чужих стран и завтра въезжает в город. На следующий день люди расселись вдоль проезжей дороги, чтобы посмотреть на вельможу. Приближенные его начали появляться с самого восхода солнца и въезжали до тех пор, пока оно не склонилось к закату; за ними приехал сам вельможа в сопровождении ста тысяч всадников».

Любопытный рассказ передал мне Аббас ибн Махан, хунарман Сеймура, со слов одного купца.

Этот купец отправил судно в Оман из Сендана или Сеймура, наверное я не помню. Перед отплытием судна

он дал своему доверенному на корабле длинный саджевый[166] брус, отмеченный его собственным знаком; он поручил доверенному продать этот брус и дал список дешевых товаров, которые следовало купить на вырученные деньги.

«Спустя два месяца или больше того после отплытия судна я сидел однажды у себя дома, как вдруг мне пришли сказать, что в бухту приплыл длинный деревянный брус, отмеченный моим именем. Я выбежал на пристань вне себя от беспокойства и при первом же взгляде узнал свой саджевый брус. После этого я не сомневался, что корабль мой потерпел крушение на море: этот брус был очень длинен и лежал под другими бревнами, и выбросить его во время бури вместе с прочими товарами было совершенно невозможно. Словом, я не сомневался в гибели своего судна. Люди приходили ко мне изъявлять сочувствие, а я старался перенести потерю моего корабля и всего моего имущества как можно спокойнее. С моря не приходило никаких известий. Это еще больше уверило меня в крушении корабля, и я вернулся к прежним занятиям. Но месяца через два, не больше, мне вдруг принесли радостную весть: мой корабль показался у берега. Я поспешил на пристань—и вижу, что судно уже подплывает к городу; потом с него сошел мой доверенный и приблизился ко мне. Когда я спросил, какие новости он привез, он ответил, что все живы и здоровы. Я спросил, не пропало ли у них что-нибудь, не бросили ли они чего-нибудь в море. „Ни зубочистки",—ответил доверенный. Я горячо благодарил Аллаха, но все же спросил: „Что ты сделал с таким-то брусом?"—„Я продал его больше чем за тридцать динаров,—ответил доверенный,—и купил все, что следовало, на вырученные деньги". Мое удивление росло все больше и больше. Между тем приказчик рассчитался со мной и дал мне также отчет о цене проданного бруса. Но я настаивал: „Ты должен сказать мне правду относительно этого бруса!" Наконец доверенный сказал:

„Когда мы приехали в Оман и выгрузили товары на берег, на море разыгралась сильная буря. Море уносило наши бревна, а волны изрыли все побережье и часть бревен, по воле Аллаха, покрыли песком. На следующий

день я собрал людей и стал разыскивать товары; нам удалось все найти, кроме этого длинного бруса. Я подумал, что, быть может, песок поднялся и покрыл его, и нанял работников, чтобы откопать его на берегу, но ровно ничего не добился“». Оказывается, волны унесли этот брус и вернули его хозяину.

Из всех подобных рассказов, которые мне приходилось слышать, это один из самых замечательных.

В триста сорок втором году [167] корабль одного басрского купца отправился из Омана в Джидду. Где-то около Шихр аль-Любана его настигла буря. Матросы выбросили в море часть груза, между прочим пять тюков очищенного хлопка, и судно уцелело. Случайно в том же году другой корабль этого же хозяина вышел из Басры в Аден и Галафику. Приблизительно там же, около Шихр аль-Любана, оторвалась привязанная за кормой лодка, и волны унесли ее. Матросы сели в другую и отправились на поиски пропавшей лодки. Она оказалась возле берега в том месте, где море образовало нечто вроде маленькой бухты. Матросы въехали туда и вдруг увидели на берегу пять тюков очищенного хлопка с пометками владельца корабля. Матросы погрузили тюки на лодку, да ниспошлет им Аллах благополучие! Сперва они думали, что эти тюки с корабля, потерпевшего крушение, и только впоследствии узнали все подробности о том, как этот хлопок был выброшен с первого корабля.

Рассказал мне человек, достойный доверия, что где-то в Индии он видел двух людей... [168] из них мы остались. Каждый из них вырыл себе яму, встал в нее, наполнил ее сухим навозом и зажег этот навоз. Между собой они положили нарды, играли, жевали бетель и пели. Они ничем не обнаружили своих страданий и даже не изменились в лице, а огонь сжигал их снизу. Когда пламя дошло до сердца, они умерли. Мой собеседник не помнил, говорил ли ему рассказчик, что они погибли в тот же день или просидели за игрой до следующего дня и лишь тогда умерли.

Абд аль-Вахид ибн Абдар-Рахман аль-Фасавий, он же племянник по брату Абу Хатима аль-Фасавия, много лет плававший по морям, рассказал мне, что индусы за-

чесывают волосы кверху, наподобие клобуков, и употребляют прямые мечи. Однажды между двумя индусскими племенами вспыхнула война, и одно племя победило другое. Победители поставили побежденным такое условие: «Мы не пощадим вас, если вы не склоните своих волос перед нашими волосами и не согнете своих мечей перед нашими мечами». И побежденные принуждены были опустить волосы и скривить мечи; получились так называемые каратили [169]. Обычай этот держится до сих пор между теми двумя племенами.

Али ибн Мухаммад ибн Сахл, известный под именем Сурура, человек, посетивший Татба и Дабабид [170], рассказал мне, что дома в Дабабиде построены над самой водой, а жители все, от мала до велика, больны куриной слепотой, так как едят в огромном количестве гейламов (гейлам—это самец черепахи). От каждого жилища тянется веревка, одним концом привязанная к дому, а другим—к колу, воткнутому у самой воды. Когда солнце начинает желтеть, спускаясь к закату, жители перестают видеть. Если дабабидцу в это время нужно выйти из дому, он опускается к воде по веревке, исполняет свою нужду, омывается и возвращается обратно. Так продолжается до следующего утра, пока солнце не поднимется высоко и не засияет день. Иногда какой-нибудь шутник из приезжих привязывает веревку одного жителя к дому другого. Дабабидец, возвращаясь с берега, попадает в чужое жилище и начинает браниться с хозяином. «Это ты нарочно влез ко мне», — сердится тот.

Передавали мне рассказ путешественника Абу Тахира аль-Багдади:

«Я посетил Забедж. На этом острове есть город, называемый Музафавидом [171], где в огромном количестве имеется амбра. Но если кто-нибудь увозит эту амбру из города на своем судне, он непременно возвращается обратно в город. Жители ухищряются продавать этот товар за ничтожную цену иностранцам и людям, не знающим свойство местной амбры». Абу Тахир также тайком от хозяина снес на корабль небольшое количество амбры; по дороге подул противный ветер, и это судно возвратилось в город.

Рассказал мне Иезид аль-Умани—один из капитанов, плававших в Страну Зинджей:

«В Стране Зинджей я видел долину, лежащую между двумя большими горами. В ней заметны следы огня: всюду валяются истлевшие кости и обугленная кожа. Я расспрашивал о причине этого, и мне сказали, что в определенное время года по этой долине движется огонь. Пламя иногда появляется в момент, когда в долине пасутся овцы и другой скот; если хозяева и пастухи не заметят огня вовремя, все стада сгорают. Это пламя течет по долине целыми днями».

В Индии много грабителей. Их шайки идут из города в город, издеваясь над богатыми купцами как индусскими, так и чужеземными. Грабители хватают купца на рынке, на дороге или дома, направляют свои ножи прямо ему в лицо и требуют: «Дай нам то-то и то-то, а если нет—убьем тебя». Если кто-нибудь пытается им мешать, они убивают его, будь это сам султан; им дела нет до того, что их самих после этого убьют. Иногда они собственноручно лишают себя жизни—она для них ничего не стоит. Поэтому, когда разбойники хватают свою жертву, никто не говорит ни слова и не препятствует им, боясь за собственную жизнь. Несчастный идет за ними и останавливается там, где ему прикажут: на рынке, дома, у себя в лавке или в саду. Там он собирает деньги и вещи, которые с него требуют, а грабители тем временем едят и пьют, не вкладывая ножей в ножны. Собрав требуемую сумму, купец еще нанимает им носильщика; его самого разбойники окружают и ведут с собой, пока не придут в безопасное место; тут они забирают его товар и деньги и отпускают купца.

Вот что рассказал мне Мухаммад ибн Муслим ас-Сирафи—он прожил в Тане [172] двадцать лет с лишком, посетил большинство индийских земель и прекрасно изучил обычаи и нравы туземцев:

«Однажды двенадцать разбойников пришли в Сеймур или в Тану. Там они захватили в плен одного индусского купца, отец которого владел большим состоянием. Они предполагали, что старик сильно любит своего сына, так как он не имел других детей. Разбойники держали этого купца в собственном его доме и требовали выкупа при-

близительно в десять тысяч динаров, что составляло лишь часть богатства его отца. Купец известил старика о своем несчастье, просил выручить его и избавить от разбойников. Отец отправился на место и вступил с разбойниками в переговоры, упрашивая их взять тысячу динаров или около этой суммы, но те ничего не хотели уступить из назначенного выкупа и отказывались взять меньше десяти тысяч. Когда старик убедился, что с ними ничего не поделаешь, он пошел к царю и рассказал о случившемся. „Это невыносимо!—жаловался он,—если этих людей не накажут, никому у нас житья не будет".—„Что же нам делать,—ответил царь,—если мы долго будем рассуждать, они убьют твоего сына".—„Как же быть?"—спросил старик.—„Мне легко покончить с ними,—продолжал царь,—но я боюсь, что они убьют твоего единственного сына".—„Мне дела нет до этого,—ответил отец.—Воры требуют громадных денег; я не согласен разоряться, чтобы выручить сына. Лучше завалим двери этого дома дровами и подожжем".—„Но ведь сын твой сгорит,—ответил царь,—и родственники твои также".—„Пусть горят!—сказал старик.—Я скорее перенесу их смерть, чем потерю своего состояния". Тогда царь распорядился, чтобы дом этот заперли и подожгли; и все, кто там находился: и разбойники, и сын, и родственники,—все сгорели вместе с домом».

Говорят, что в Верхней Индии до сих пор существует обычай сжигать стариков и старух.

Согласно обычаю царей Забеджа и Стран Золота ни мусульмане, ни другие иностранцы, кто бы они ни были, ни собственные их подданные не смеют сидеть перед ними иначе, как скрестив ноги, в позе, называемой «берсила». Кто же вытягивает ноги или садится как-нибудь по-другому, подвергается тяжелому штрафу, смотря по его состоянию.

Случилось раз, что у одного из местных царей, по имени Шри Ната Кала, сидел капитан Джахуд Кута, старик преклонных лет, почтенный и уважаемый всеми. Он уже долго сидел перед царем, а Шри Ната Кала все не вставал и не прекращал беседы. Вдруг Джахуд Кута прервал начатый разговор и заговорил о канаде. «У нас в Омане,—сказал он вдруг,—есть рыба, называющаяся

канадом; некоторые из этих рыб такие,—он вытянул ногу и указал на середину своего бедра,— а некоторые вот такие»,—при этом он вытянул другую ногу и взялся за пояс. Царь сказал тогда своему везиру: «Верно, у этого человека какая-нибудь задняя мысль; мы беседовали об одном, а он вдруг заговорил о рыбах. Какая тут причина?»—«О царь!—ответил везир.—Этот шейх стар и слаб, он не мог больше сидеть в таком положении и употребил эту хитрость с единственной целью отдохнуть».—«В таком случае,—сказал царь,—нужно упразднить этот обычай для приезжих мусульман». Так он и сделал, и по сей день мусульмане сидят перед царем, как пожелают, а все остальные—исключительно в позе «берсила», а если сядут как-нибудь иначе, на них налагается штраф.

Я уже упоминал в одном из предыдущих рассказов об индийских монахах и отшельниках. Они бывают различных толков; представители одного из этих толков—бикуры—происходят из Серендиба. Бикуры очень любят мусульман и относятся к ним весьма благосклонно. Летом они ходят голыми и босыми и ничем не прикрываются, а некоторые из них прикрывают свои срамные места тряпкой пальца в четыре шириной, которую подвязывают к середине пояса. Зимой они носят травяные циновки; иные из них надевают плащ, покрытый разноцветными заплатами, чтобы привлечь внимание. Они пачкают себе тело пеплом от костей сожженных при погребении мертвецов-индусов, бреют голову и выщипывают бороду и усы, но не бреют волос лобка и подмышечных волос. Большинство обрезает ногти. Каждый отшельник имеет при себе человеческий череп; из него он ест и пьет из смирения и в назидание самому себе. Когда жители Серендиба и окружающих земель узнали о появлении пророка,—да благословит его Аллах и да приветствует его! [173]—они послали к нему одного из своих соплеменников, человека смышленого; последний должен был разыскать Мухаммада, узнать, кто он такой и к чему призывает. Но человек этот задержался в пути и прибыл в Медину только после кончины божьего посланника; скончался также Абу Бакр [174]—да будет Аллах доволен им! На их месте индус застал Омара

ибн аль-Хаттаба [175]—да будет Аллах доволен им! Он расспросил халифа о пророке, и тот все объяснил и растолковал ему. На обратном пути посланный скончался где-то в области Мекрана [176]. Слуга индус, сопровождавший его, возвратился в Серендиб и рассказал все, что узнал о Мухаммаде и Абу Бакре; рассказал он также, что они видели сподвижника пророка, Омара ибн аль-Хаттаба. Слуга описал смирение халифа, как он ходит в заплатанном платье и проводит ночи в мечетях. И смирение отшельников имеет своей причиной рассказ слуги: они носят заплатанную одежду в память об одежде Омара и любят они мусульман тоже в память о нем, ибо запал им в сердце рассказ этого слуги об Омаре.

По законам индусов вино запрещено мужчинам и дозволено женщинам; некоторые из индусов пьют его тайком.

Все знают об индусских волшебниках и предсказателях. В этом сборнике мне уже приходилось упоминать о них. Рассказывал мне Абу Юсуф ибн Муслим: «Вот что рассказал мне в Сеймуре Абу Бакр аль-Фасавий со слов Мусы ас-Синдабури:

„Однажды я был в гостях у правителя Синдабура. Вдруг во время разговора хозяин засмеялся и спросил меня: „Знаешь ли ты, почему я смеюсь?"—„Нет",—ответил я.—„На стене сидит ящерица,—пояснил правитель,—и она только что сказала, что к нам приедет чужеземный гость". Я удивился глупости хозяина и, просидев с ним около часу, собрался уходить. „Не уходи,—сказал правитель,—пока не увидишь, чем это кончится". Мы продолжали беседовать, как вдруг один из его слуг вошел и доложил ему: „В бухту прибыл корабль из Омана". Через час носильщики внесли корзины, наполненные разной утварью, тканями и [сосудами] с розовой водой. Когда открыли одну из корзин с розовой водой, из нее выскочила большая ящерица. Она быстро взобралась на стену к первой ящерице, и вместо одной стало их две. И все это было на моих глазах"».

Этот правитель, по словам рассказчика, заворожил крокодилов в бухте Синдабура, так что они до нынешнего дня совершенно безвредны. Теперь они в серирской бухте никому не вредят, а прежде, стоило человеку по-

дойти к воде—его тотчас же хватал крокодил: в заливе было невероятное количество этих чудовищ. Однажды какой-то приезжий индус сказал серирскому царю: „Я заворожу всех крокодилов в бухте так, что они никому больше не повредят!"—„Сделай это!—обрадовался царь.—Я так-то и так-то награжу тебя". Но заклинатель сбежал, и его не могли больше найти.

Долгое время спустя в Серину приехал другой человек, искусный в заклинаниях, заговорах и волшебстве. В Серире он встретил друга и сказал ему: „Я покажу тебе изумительную вещь". Тот согласился. Волшебник сел на берегу залива, произнес заклинание и сказал приятелю: „Если пожелаешь, можешь войти в воду, крокодилы не тронут тебя, а если хочешь—заставь войти кого-нибудь другого; наконец, если желаешь, я и сам пойду".—„Полезай сам!"—попросил друг. Заклинатель вошел в воду, за ним приятель, за ними кто-то другой. Крокодилы плавали вокруг и не трогали их. Когда они вышли на берег, волшебник сказал: „Хочешь, я сниму с них заклятие".—„Снимай!"—ответил друг. После этого в воду бросили собаку, и крокодилы разорвали ее на части.

Когда царь узнал об этом, он призвал волшебника и начал его расспрашивать; тот подтвердил, что о нем рассказывали. Тогда царь верхом отправился к заливу и привез с собой двух человек, приговоренных к смерти. Царь попросил волшебника произнести заклинание, а потом заставил одного из преступников спуститься в воду. Крокодилы плыли вокруг него, не причиняя ему никакого зла, когда же волшебник, по просьбе царя, освободил зверей от заклятия, они разорвали преступника на части. „Ты прекрасно все исполнил,—сказал царь,—необходимо тебя наградить". Он дал волшебнику почетную одежду, одарил его и осыпал обещаниями. На следующий день царь попросил волшебника повторить вчерашний опыт. „Хорошо", — ответил тот. Тогда царь позвал одного из своих слуг, превосходившего всех остальных силой и храбростью. „Когда я подам тебе знак,—сказал царь,—отруби тотчас же голову этому индусскому волшебнику". Когда приехали к заливу, кудесник произнес заговор, и в воду бросили другого осуж-

денного—крокодилы плавали вокруг и не причиняли ему вреда. Преступник стал переплывать с места на место, так что во всем заливе не осталось уголка, где бы не побывал этот разбойник, а крокодилы все не трогали его. Когда царь убедился, что бухта вся заколдована, он подал знак своему слуге, и тот немедленно отрубил кудеснику голову. С этих пор крокодилы в серирской бухте совершенно безвредны.

Воровство в Индии считается важным проступком. Если провинится индус неимущий и низкого происхождения, царь приказывает его казнить; если же вор—человек со средствами, его имущество конфискуется целиком или на него налагается крупный штраф. Штрафу также подлежит человек, сознательно купивший краденую вещь. Вообще у них за воровство полагается смертная казнь, но если в Индии проворуется мусульманин, дело его передается мусульманскому хунарману, который и поступает с ним по законам ислама. Хунарман имеет приблизительно те же обязанности, что и судья в странах ислама, и должность эту может исполнять только мусульманин.

Рашид аль-Гулам ибн Бабишад рассказал мне следующее:

«В триста пятом году [177] в месяце зу-ль-када [178] я ехал на утлой лодчонке из Сирафа в Басру. У берегов Рас-аль-Камила [179] нас застигла буря; часть груза мы выбросили за борт. Море так высоко вздымалось, что мне казалось, будто вся наша лодка покрыта тенями от волн, которые, спадая, разбивались о нашу корму. То и дело, когда волны погружали нас во мрак, я терял небо из виду, ибо волны становились между нами и небом и заслоняли его от нас».

Он рассказал мне также, что самые именитые индийские купцы, люди военного сословия и другие важные лица, а также знатнейшие из индийских женщин будь то сама любимица царя, подбирают навоз коров и буйволов везде, где находят его. Если есть кому его нести—они берут находку сразу, а если нет—делают знак, показывающий, что этот навоз стал чужой собственностью, и забирают его потом. Индусы едят мертвечину: убивают птицу и скот бескровно [180] ударами по голове, а по-

том едят. Говорят, один из вельмож Сеймура или Субары нашел на дороге мертвую крысу. Он собственноручно поднял ее, передал слуге или сыну, велел отнести домой, а потом съел. Крыса у них считается самым лакомым блюдом.

Говорили мне про одного китайского царя—но это не более чем россказни,—будто есть у него огромный пруд, куда вода стекает из источника, лежащего на фарсах выше. Потом в водоеме открывают отверстие, и вся вода выливается, так что он становится пустым. Если царь хочет снова наполнить пруд, он приказывает открыть отверстие, из которого поступает вода. В воду бросают жемчужины, и она стекает в пруд светлая и чистая, пока весь водоем не наполнится жемчугом. Когда вода начинает переливаться через край, ей опять преграждают доступ, и жемчужины остаются на дне в виде камешков.

Мне уже случалось приводить в этом сборнике замечательные рассказы о Дибаджат ад-Думе [181]. Первый из этих островов лежит около Дибаджат аль-Кастаджа [182], а последний—приблизительно на той же широте, что и острова Вак-Вак. Говорят, число этих островов доходит до тридцати тысяч, но купцы передают, что заселены из них всего двенадцать тысяч. Длиною каждый остров от полфарсаха до десяти фарсахов; отстоят они друг от друга на фарсах или меньше. Все эти острова песчаные.

Один путешественник рассказывал мне, будто он видел в Индии ученых слонов, исполняющих поручения своих хозяев. Слону дается мешок, чтобы сложить в него покупки, туда же кладутся вада [183]—это местная монета, — список нужных предметов, каковы бы они ни были, и по образчику каждого требуемого товара. Слон идет к зеленщику. Увидев его, лавочник бросает все дела и оставляет всех своих покупателей, кто бы они ни были. Затем он вынимает деньги из мешка, пересчитывает их, просматривает список требуемых предметов и отпускает слону лучшее, что у него есть из этих товаров за самую низкую плату. Если слон просит прибавки, зеленщик прибавляет ему; если продавец ошибается в счете денег, животное смешивает их своим хоботом, так что считать приходится снова. Когда слон при-

ходит домой со своими покупками, хозяин иногда остается недоволен количеством покупок и бьет его. Тогда животное возвращается в лавку и все переворачивает вверх дном, пока продавец не прибавит ему товаров или не вернет денег. Такой ученый слон и метет, и поливает, а также толчет рис, держа в хоботе пест: человек принесет ему риса, а он размельчает его. Кроме того, такой слон черпает воду, при этом ведро он носит на веревке, в которую продевает хобот. Вообще он исполняет всякую работу. Хозяин пользуется им для далеких путешествий. Выезжает на нем в поле мальчик, животное передает ему стебли и листья, которые срывает хоботом, седок собирает их в мешок и привозит домой, а потом они служат пищей для этого же слона. Слон, дрессированный таким образом, стоит больших денег, говорят, до десяти тысяч дирхемов.

Один купец рассказывал мне о знаменитой морской катастрофе, память о которой сохранилась до наших дней:

«В триста шестом году [184],— говорил рассказчик,— я выехал морем из Сирафа в Сеймур. Нас сопровождало судно Себы и другое, принадлежавшее Абдаллаху ибн аль-Джунейду. Все три корабля были очень велики и пользовались известностью; ими управляли знаменитые капитаны, стяжавшие на море почет и славу. На этих судах ехало всего тысяча двести человек матросов, капитанов, купцов и всяких других людей, а товаров и разных богатств было такое множество, что всю их стоимость и сосчитать невозможно. На одиннадцатый день плавания мы увидели вершины гор, а затем показались берега Сендана, Таны и Сеймура. Нам не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь так скоро проплыл этот путь. Мы ликовали, поздравляли друг друга с благополучным прибытием и готовились на следующее утро пристать к земле. Но с гор внезапно налетел такой сильный вихрь, что мы не могли справиться с парусами, а потом разыгралась буря с дождем, громом и молнией. „Бросим товары в море!“ — сказали капитаны и матросы, но капитан Ахмад не допустил этого. „Ничего не будет брошено,— сказал он,— пока я еще в состоянии что-нибудь сделать и имею хоть малейшую возможность

избежать гибели". Люди спустились в трюм, чтобы с обоих бортов выкачивать воду. Два других судна были точно в таком же положении: на каждом судне выжидали, как поступят на другом—выбросят свои товары за борт или оставят их. Наконец купцы раскричались на Ахмада: „Мы погибаем!—вопили они.—Брось товары, ты не ответствен за них!"—„Ничего я не брошу!"— ответил Ахмад. В течение пяти дней наше положение все ухудшалось; на шестой, когда корабль чуть было не пошел ко дну, Ахмад велел выбросить груз. Но люди не могли исполнить приказа, потому что кувшины и тюки отяжелели от дождя, и то, что весило пятьсот мин, стало весить полторы тысячи. Нельзя было терять ни минуты; лодку спустили на воду, и в ней поместилось тридцать три человека. Ахмада также позвали в лодку, но он ответил: „Я не уйду с моего корабля: он безопаснее, чем ваш челнок. А если судно погибнет, погибну с ним и я: мне и спасение не в радость после потери моего состояния".

Пять дней,—продолжал рассказчик,—мы просидели в лодке без пищи и без питья. Мы уже потеряли способность говорить от голода, жажды и всех испытанных на море мучений. Лодку бросало во все стороны по воле волн и ветра, и не знали мы, на воде она или под водой. Озверев от голода и страданий, мы стали показывать друг другу знаками, что нужно кого-нибудь съесть. С нами в лодке был упитанный подросток, еще не достигший зрелости, сын одного из людей, оставшихся на судне; его-то мы и решили съесть. Мальчик понял наши намерения; я видел, как он глядел на небо и украдкой шевелил глазами и губами. Но не прошло и часа, как мы увидели очертания земли; и вскоре перед нами показалась суша. Лодка села на мель, опрокинулась и наполнилась водой, но у нас не хватило сил ни встать, ни двинуться с места. В лодку влезли два каких-то человека и спросили, откуда мы. Мы ответили: „С корабля такого-то хозяина". Тогда пришедшие взяли нас за руки и вывели на берег, и мы тут же упали навзничь, точно мертвецы. Один из наших спасителей поспешно удалился, а другого я спросил: „Где мы находимся?".—„Дым, который ты видишь вдали, поднимается над ат-Тизом,—

ответил он.—Товарищ мой пошел в селение, там у нас и провизия, и вода, и одежда". После этого нас отвели в поселок. Все, находившиеся на этих кораблях, погибли; спаслись только те, которые уехали в лодке. В числе погибших был капитан Ахмад, имя которого осталось известным. Гибель этого судна с его грузом способствовала расстройству дел Сирафа и Сеймура: ведь вместе с кораблем пропали величайшие богатства, погибли именитейшие капитаны и купцы».

Удивительную историю рассказал мне один моряк, долгие годы проживавший в Индии и в других далеких странах. Люди, побывавшие в Индии, не раз говорили ему, будто в Верхнем Кашмире, в местности Тарнарайин[185], есть долина, покрытая рощами и садами, и вода в ней проточная. Джинны[186] имеют там свой рынок: слышно, как они кричат, продавая и покупая, а тела их не видны. В тех краях уж давно известно об этом месте. «Не слыхал ли ты, что этот рынок постоянный или временный?»,—спросил я своего собеседника.— «Я не спрашивал об этом»,—ответил он.

Путешественник, ездивший в Китай, рассказывал мне о различных камнях, которые он видел там: один из них притягивает свинец даже через стенки опрокинутой миски; если его положить под роженицу, он облегчает ей роды. Там же имеется камень, притягивающий желтую медь, и другой, притягивающий золото, и всем известный магнит, притягивающий железо. Один из местных камней тушит огонь, и внутри его движется другой камень. Тот же путешественник рассказывал мне, будто в Серендибских заливах он видел камень, из которого, когда его разбили, выполз червяк. Он прополз десять локтей и тут же околел; голова и хвост червяка были покрыты пухом, как у цыпленка.

А вот еще одно чудо: в Йемене стоит гора; с вершины ее каплет вода, падает на землю, сгущается и превращается в йеменские квасцы.

Люди, видевшие дерево любан, называемое также кундур[187], рассказывали мне, что оно растет в долинах и речных руслах и не имеет семян. Величина этого дерева всегда одна и та же; владельцы его никогда не видели, чтобы оно менялось в росте, деревья этой поро-

ды отличаются друг от друга только красотой. Растут они исключительно на той земле, что между границей Хасика и границей Хариджа [188], приблизительно на протяжении ста пятидесяти фарсахов.

Рассказывал мне путешественник, побывавший в Индии, будто он видел в Анкийя [189] в области Манкира — это столица Стран Золота — большое дерево с толстым стволом, похожее на ореховое. На этом дереве растут красные розы, на которых написано белыми буквами: «Нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммад — посланник его».

Есть остров на Сенфском море [190]; почва его имеет ту особенность, что попадающие на нее раки превращаются в камень. Этот камень известен в Ираке, куда он вывозится, да и во всем мире; он употребляется как средство против глазных бельм и у лекарей называется «речным раком».

Рассказывал мне какой-то человек, будто где-то в Будже [191] бьет многоводный ключ. Над ним на четырех золотых статуях держится большой топаз, и при восходе солнца весь источник зеленеет от его отблесков. Один из соседних царей по имени Абар напал на жителей Буджи, чтобы завоевать их страну и захватить топаз, но с ними невозможно справиться; подобные нападения повторялись не раз, но жители Буджи всегда одерживали верх. Один из местных царей вздумал забрать топаз себе, но ему помешало какое-то несчастье или что-то в этом роде.

Один из наших друзей рассказывал мне, будто в стране Серендибских заливов есть большая птица, выводящая птенцов на берегу моря. Пока она выводит их, ветры перестают дуть в течение четырнадцати дней.

Рассказал мне Мухаммад аль-Умани:

«В одном из городов Индии — Бернине [192] — я видел молодого индуса, с которого царь приказал содрать кожу за воровство или за какой-то другой проступок. Юноша при этом пел и разговаривал и не испустил ни единого стона, пока не дошли до его пупа, а когда перерезали пуп, он тут же умер».

Тот же рассказчик сообщил мне, что на одном из островов Вак-Вак есть птица, окрашенная в красный,

белый, зеленый и синий цвет, как дятел, а величиной с большого голубя; называют ее самандалем. Эта птица не сгорает в огне и может жить целые дни, питаясь одной землей. Высиживая яйца, она ничего не пьет, пока не вылупятся птенцы, потом несколько дней не приближается к ним, оставляя их на съедение мухам и блохам. Когда птенцы постепенно оперятся и начнут самостоятельно двигаться, самандаль принимается их кормить.

Тот же человек сообщил мне, что на одном из островов Вак-Вак есть животное, похожее на зайца; и самцы его и самки способны временно менять свой пол. Какой-то индус говорил моему собеседнику, будто жители Серендиба рассказывают то же самое, а я не знаю, что об этом и думать. Говорят, что и зайцы обладают тем же свойством. По-моему, это невозможно, а впрочем, Аллах лучше знает.

Рассказал мне путешественник, побывавший на море, будто в Софале зинджей он видел зверька; величиной он с ящерицу и видом и цветом напоминает ее. И у самца и у самки этого зверька по два половых органа. Укус его неизлечим, потому что после него остается рана, которая никогда не затягивается и не заживает. Чаще всего это животное попадается в полях, засеянных дуррой и сахарным тростником. Но самый ужасный вред причиняют местным жителям змеи и ехидны. Они неожиданно прыгают в лицо прохожему, и если их соберется три или четыре, разрывают его на куски.

Рассказал мне Джафар ибн Рашид, известный под именем Ибн Лакиса, один из знаменитых капитанов Стран Золота, будто в сеймурскую бухту приплыла однажды змея и проглотила там большого крокодила. Когда весть об этом дошла до сеймурского правителя, он послал охотников изловить чудовище. Больше трех тысяч человек собралось для охоты на эту змею; наконец удалось накинуть ей петлю на шею и поймать. Укротители вырвали у чудовища зубы и связали его веревками. Рана тянулась от пасти до уха змеи; длина ее тела оказалась в сорок локтей. Люди понесли змею на плечах — а весила она тысячу ратлей. Все это произошло в триста сороковом году [193].

Многие рассказывали про одного купца, который торговал на островах Вак-Вак и описал величину этих островов и расположенных на них городов. Словом «величина» я не хочу сказать, что эти города обширны, но население их многочисленно. Некоторые из тамошних жителей похожи на турок. Обитатели островов Вак-Вак самые искусные ремесленники, которых когда-либо создавал Аллах, они искусны во всех отраслях ремесла, а впрочем, это лживый и хитрый народ, полный коварства и обмана. Все, за что они ни берутся, удается им с легкостью.

Ибн Лакис рассказывал мне поразительные вещи о народе Вак-Вак.

В триста тридцать четвертом году[194] около тысячи вак-вакских лодок подъехало к Канбалу. Пришельцы упорно воевали с жителями, но не могли их одолеть, так как Канбалу сильно укреплен кругом, а снаружи окружен морским заливом,—таким образом к искусственной крепости присоединяется естественная. Некоторые из туземцев, попав к осаждавшим, спрашивали их, почему они пришли именно сюда, а не в какую-нибудь другую страну. Завоеватели отвечали, что приехали исключительно ради местных товаров, которые высоко ценятся у них и в Китае, как то: черепаховая и слоновая кость, тигровые шкуры и амбра; кроме того, они хотели захватить рабов, так как те сильны и выносливы в труде. Путешествие вак-вакцев продолжалось целый год. По дороге они разграбили острова, отстоящие от Канбалу на шесть дней пути, и завладели многочисленными городами и поселками в Софале зинджей, не говоря уже про тех, об участии которых нам неизвестно. Если верны слова этих людей относительно того, что их путешествие продолжалось целый год, значит Ибн Лакис прав, когда утверждает, что острова Вак-Вак лежат где-то в море, против Китая, — но Аллах знает лучше.

Мне уже приходилось упоминать о Серире, которая лежит на самом краю острова Ламери. Между Серирой и Калой расстояние в сто двадцать замов — а впрочем, Аллах лучше знает. Я слышал, что Серирская бухта вдается в остров на пятьдесят фарсахов. Она напоминает реку, значительно более широкую, чем Тигр около

Басры. Вода там пресная, как и вода Тигра около Басры. Это самая длинная бухта на всем острове; прилив чувствуется в ней каждые двенадцать часов. Там живут крокодилы, но те из них, что ютятся между домами, не приносят вреда, ибо они заворожены, как мы уже упоминали; однако никто не смеет выйти за пределы пространства, занятого домами, из-за остальных крокодилов. Часть серирских домов стоит на суше, но большинство из них построено на воде и держится на плотах из скрепленных между собой бревен. В таком виде жилища могут сохраняться до бесконечности, а строят их так из страха перед огнем. Действительно, пожары в этой местности случаются очень часто, ведь постройки там из дерева, и достаточно ничтожной искры, чтобы загорелся весь поселок. Дома поставлены на воду из предосторожности: если по соседству случится пожар, каждый житель может отрезать якорь своего жилища и переправиться в другое место, убежав от огня; если кто-нибудь из туземцев не взлюбит своего соседа, он также снимается с якоря и перекочевывает в другой квартал. В бухте дома стоят рядами, образуя нечто вроде улиц. Между жилищами много воды, и она пресная, так как течет с гор, но потом она впадает в бухту и смешивается с морем, точно так же, как и Тигр.

Один из капитанов говорил Ибн Лакису, что корабли, плывущие в Софалу зинджей, большей частью попадают в страну зинджей-людоедов. Но попадают они туда не преднамеренно: их бросают на этот берег волны и ветер, с которыми капитан бывает не в силах справиться. Между Канбалу и землей этих людоедов около полутора тысяч фарсахов — а впрочем, Аллах лучше знает. А место, в которое суда направляются, находится приблизительно за тысячу фарсахов от Канбалу или по меньшей мере за восемьсот фарсахов. Длина этого пути около сорока двух замов.

Ибн Лакис рассказывал мне, что, когда он был в Софале, к царю зинджей пришел человек и сказал: «О царь! Птенец такой-то птицы,—Ибн Лакис забыл ее название, — спустился в такую-то рощу, схватил слона и растерзал. Его поймали, когда он пожирал свою добычу».

«Царь тотчас же встал и отправился в рощу; с ним пошла толпа народа, в которой находился и я. Птица еще билась, когда мы к ней подошли, а слон валялся подле нее, объеденный на целую четверть. Царь приказал вырвать из ее крыльев перья; двенадцать из них, по шести в каждом крыле, были громадны. Кроме того, он взял несколько других перьев, клюв и часть когтей и кое-что из внутренностей. В ствол одного такого пера входило больше двух мехов воды. Говорили, что этот птенец — из птиц Софалы зинджей. Пролетая над рощей, он увидел слона, схватил его когтями и поднял на воздух, а потом убил, бросив оземь. Люди, находившиеся там, заметили птенца, когда он, спустившись, пожирал свою добычу. Они изранили его отравленными стрелами и копьями, потом наконец опрокинули и убили».

Ибн Лакис рассказывал мне, что между Табиа и островом Гайлами [195] лежит небольшое море, по названию Сафиу; чтобы проплыть его в длину, требуется шесть дней. Проходя по этому морю, корабль должен держаться глубины в тридцать маховых сажен: на двадцати саженях глубины он непременно пойдет ко дну, потому что в этом море очень топкий ил; этот ил засасывает суда, и мало кому удается спастись.

Остров Серендиб, называемый также Сехиланом,— это один из тех островов, которым нет подобных в море и которые заслуживают описания. Он имеет сто фарсахов в длину и около трехсот в окружности. У берегов его добывается очень хороший жемчуг, только мелкий; попадаются и крупные жемчужины, но они худшего качества. В Серендибе есть неприступная гора: это гора яхонтов и алмазов; на нее, говорят, спустился Адам — да будет мир ему! Там остался след ноги, длиною приблизительно в семьдесят локтей. Туземцы утверждают, что это след Адама; одну ногу он будто поставил на гору, а другую опустил в море. Земля на острове красная — это тот самый сунбададж [196], которым обрабатывают стекло и горный хрусталь. Из коры местных деревьев добывается ценная ваниль, известная под именем сехиланской. Там же растет красная трава, которой окрашивают одежды и бумажные ткани: краска эта по

качеству лучше баккама[197]. Есть на этом острове и шафран, и желтяница[198], и другие травы, дающие красную краску, а также много удивительных растений, описывать которые слишком долго. Говорят, что в Серендибе около ста тысяч селений.

Слышал я про некоего басрийца, жившего в средней части улицы Корейшитов, что однажды он выехал из Басры в Забедж или в соседние с ним страны...[199] благополучно добрался до какого-то острова.

«Я поднялся на берег, — рассказывал путешественник,—влез на высокое дерево и провел всю ночь, скрываясь в его листве. На следующее утро я увидел, что к берегу подошло стадо овец числом приблизительно в двести голов, причем каждая овца была ростом с теленка. Их гнал человек, подобного которому я никогда не видывал: такой он был громадный, высокий, толстый и такой безобразный на вид. Пригнав свое стадо ударами палки, он уселся на берегу моря; овцы же стали пастись под деревьями. Немного погодя, великан бросился ничком на землю, заснул и проспал до самого полдня, затем он встал, кинулся в море, выкупался и вышел на берег. При этом дикарь был совершенно гол. Единственной одеждой ему служил какой-то лист, похожий на лист банана, но более широкий, висевший у него на поясе в виде передника. Выкупавшись, он подошел к одной из овец, схватил ее за ногу, взял в рот ее сосок и принялся сосать молоко, пока не высосал все до последней капли. Так великан поступил со многими другими овцами; а потом растянулся на спине под тенью дерева и стал внимательно смотреть на ветки.

Как раз в это время на дерево, где я сидел, опустилась какая-то птица. Великан поднял тяжелый камень и бросил его без промаху; птица стала падать и наконец застряла между ветвями около меня. Знаком руки дикарь приказал мне слезть; я поспешил повиноваться, хотя совсем ослабел и был наполовину мертв от голода и страха. Великан бросил птицу оземь — а весила она, по-моему, около ста ратлей, — ощипал ее живьем, пока она еще билась, и раздробил ей голову камнем весом двадцать ратлей. Потом он тем же камнем рассек добычу на части, разгрыз ее зубами и сожрал всю до костей,

точно дикий зверь. Когда солнце начало бледнеть, пастух встал, созвал своих овец диким воплем, взял также и меня и, вооружившись палкой, погнал стадо с берега в глубь острова. Сначала он привел нас к заливу с пресной водой, где напоил овец и напился сам; и я также пил, хотя был уверен в неминуемой гибели. Потом великан погнал все стадо дальше и наконец привел нас в какое-то место. Там была ограда из крест-накрест расположенных бревен; в ней было устроено подобие двери.

Я вошел вместе с овцами и увидел посреди огороженной площади нечто вроде ткацкого станка, лежавшего на высоких деревянных брусьях, локтей на двадцать от земли. Это сооружение походило на дом. Великан первым делом схватил овцу, одну из самых малых и тощих в стаде, и раздробил ей голову камнем. Затем он развел костер, руками и зубами, точно дикий зверь, разодрал животное на части и куски мяса побросал в огонь вместе с кожей и шерстью, а внутренности сожрал сырыми. После этого дикарь опять подошел к овцам и стал сосать молоко то у одной, то у другой. Выпив в огромном количестве молока, он выбрал одну из самых крупных овец, обхватил ее руками поперек тела и соединился с ней, не обращая внимания на ее крики. Сделав то же самое с другой овцой, великан полез наверх, что-то выпил и тут же заснул, храпя при этом, как бык.

В полночь я потихоньку дополз до потухшего костра и постарался выбрать оттуда остатки мяса. Я поел ровно столько, чтобы поддержать в себе дыхание жизни, и при этом все время боялся, что нечаянно спугну овец, что великан заметит меня и расправится со мной точно так же, как с птицей и овцой. До утра я пролежал на этом месте, а наутро дикарь спустился вниз и погнал овец на пастбище, а с ними и меня. Он заговорил со мной на языке, которого я не понял; я также пытался обращаться к нему на знакомых мне наречиях, но великан не понимал меня.

В то время я весь был покрыт волосами. Должно быть, мой вид внушал дикарю отвращение, потому-то он и не торопился меня съесть. Десять дней я провел у него точно таким же образом. Каждый день мой хозяин делал одно и то же: он непременно ловил одну

или двух птиц, и если насыщался ими, то не трогал овец, если же не мог насытиться, — съедал еще и овцу. Я помогал дикарю разводить огонь и таскать дрова и всячески ему прислуживал, в то же время придумывая способ сбежать от него. Так продолжалось два месяца; к концу этого времени я успел поправиться и понял по довольному лицу моего хозяина, что он собирается меня съесть.

Великан, между прочим, собирал с деревьев острова особого рода плоды, гноил их в воде, процеживал эту воду и выпивал ее, а потом всю ночь бывал пьян до бесчувствия. На том же острове я видел птиц размером с буйволов и слонов или около этого; некоторые из них пожирали овец. Из страха перед этими птицами дикарь ночевал со своим скотом в огороженном месте, его жилище находилось среди больших деревьев, а под ними он устроил нечто вроде укрепленного погреба; птицы не спускались туда, боясь застрять между деревьями. Однажды ночью, когда мой хозяин напился пьян и заснул, я влез на дерево, пригнул к земле одну из его ветвей и очутился по другую сторону частокола. Затем я пошел вперед, направляясь к равнине, которую видел с вершины этого дерева. Я продолжал идти всю ночь, а утром, мучимый страхом, взобрался на большое дерево. Со мной была дубина, приготовленная нарочно для того, чтобы ударить великана по голове, если бы он попытался до меня добраться: либо я отогнал бы его, либо он убил бы меня — ведь смерти все равно никто не избежит. Весь день я просидел на дереве и не видел дикаря. Вечером я съел кусок мяса, который взял с собой, и всю ночь продолжал идти.

Утром я очутился на равнине, где росли тут и там деревья. Я шел и никого не видел кругом, кроме змей, птиц и незнакомых мне зверей. Я нашел пресную воду и на время остался около источника, собирая бананы и плоды, которые ел, запивая водой. По долине кружили птицы. Наметив себе одну из них, я приготовил веревку из древесной коры и внимательно следил за птицей, пока она не спустилась пастись. Тогда я подкрался к ней и привязал себя к ее ноге; а птица, занятая едой, не заметила меня. Кончив

есть, она напилась воды и взлетела ввысь, описывая в воздухе круг, так что я увидел море. Я мужественно приготовился к любой смерти. Птица опустилась на одну из гор этого острова. Я отвязал себя от ее лап и, хотя был очень слаб, поплелся прочь из страха перед ней. Спустившись с горы, я целую ночь прятался на дереве. Утром я увидел дым и, зная, что дым указывает на присутствие людей, направился в ту сторону.

Идти пришлось недолго; вскоре мне навстречу вышла небольшая кучка людей. Люди эти обратились ко мне на незнакомом мне наречии, отвели меня в село и заперли в доме, где, кроме меня, было еще восемь человек. Они спросили меня, как я сюда попал; я рассказал о своих приключениях и в свою очередь задал им тот же вопрос. Оказалось, что они моряки с корабля, плывшего из Сенфа в Забедж. В пути их застигла буря; около двадцати человек спаслось на лодке и попало на этот остров. Там их захватили жители села, поделили между собой и некоторых уже успели съесть. Я понял, что даже пребывание у пастуха не было так ужасно, как мое теперешнее положение, но пример моих товарищей утешал меня: если бы даже мне и предстояло быть съеденным, смерть в их обществе показалась бы легкой. Мы все утешались тем, что горе у нас общее.

На следующий день нам принесли зерен сезама [200] или похожих на него, бананов, масла и меда. „Мы питаемся этим с тех пор, как попали сюда", — пояснили мои товарищи. Мы поели ровно столько, чтобы поддержать в себе искру жизни. Потом людоеды снова вернулись, осмотрели нас, выбрали самого упитанного и вывели на середину дома. Мы простились с ним и успели дать друг другу предсмертные поручения. Людоеды с ног до головы натерли его маслом, заставили два часа просидеть на солнце, а затем закололи несчастного и на наших глазах разрезали его на куски. Часть его мяса зажарили, часть сварили, а часть посолили и съели сырым. Затем наши хозяева напились пьяными и тут же заснули.

Тогда я сказал остальным пленникам: „Давайте убьем этих людей, пока они пьяны, и уйдем своей дорогой. Если мы спасемся — слава Аллаху; если погиб-

нем — даже смерть лучше того бедствия, которое выпало на нашу долю. Может быть, жители селения и настигнут нас—так что же! Ведь умираешь только раз". Весь остаток этого дня мы колебались, склоняясь то к одному, то к другому решению, пока не наступила ночь. На следующее утро нам по обыкновению принесли еду. Прошел день, прошло два, и три, и четыре дня—а наше положение все не менялось. На пятый день явились людоеды, снова выбрали одного из моих товарищей и поступили с ним точно так же, как с предыдущим пленником. Но, когда они напились и заснули, мы встали и всех их перерезали.

Каждый из нас запасся ножом, взял себе немного масла, сезама и меда. Когда стало темнеть, мы вышли из жилища, окрестности которого успели изучить днем, и отправились к берегу моря, но только в другую сторону — не в сторону села. Нас было семь или восемь человек. Мы вошли в рощу и, опасаясь людоедов, влезли на деревья, а когда нас окутала ночная тьма, мы спустились и отправились дальше, определяя дорогу по звездам. Мы шли целый день по берегу, пока не почувствовали себя в безопасности. Теперь мы двигались медленней, останавливались в пути для отдыха и ели плоды в лесу — а в нем росло много бананов. Так мы скитались долгое время, пока наконец не попали в прекрасную долину с хорошей пресной водой. Тут мы решили остаться до самой смерти или до того времени, пока не зайдет сюда какое-нибудь судно. Мало-помалу трое из моих товарищей умерло, и осталось нас только четверо.

Однажды, бродя по берегу, мы нашли полусгнившую лодку, которую волны выбросили на берег; в ней лежало несколько разложившихся трупов. Лодка завязла в тине, и волны разбивались об нее. Мы побросали мертвецов в море, вымыли лодку и починили ее, приготовив из глины, найденной на острове, нечто вроде замазки. Из дерева мы смастерили мачту, из кокосовых листьев—веревки, а из волокон — парус. Затем мы запаслись водой, наполнили лодку кокосами и другими плодами, сели в нее и отправились в путь. Некоторые из нас были сведущи в [морском] деле; после пятнадцати дней пути,

испытав много ужасов и чудес, мы попали в одно из селений Сенфа. Оттуда мы переехали в Сенф, где и рассказали о своих приключениях. Жители собрали нам провизии на дорогу, и каждый из нас отправился в свою страну, а я возвратился в Басру... [201] после сорокалетнего отсутствия».

В семье этого человека уже мало кто остался в живых. У отца его оказались дети, которые не признали его: с тех пор, как известия о нем прекратились, они разделили его имущество между собой. Путешественник этот прежде занимал хорошее положение и был вполне обеспечен, но ему не удалось вернуть ничего из своего имущества. Впоследствии он скончался.

Рассказывал мне какой-то моряк, что однажды плыл он в самбуке [202] между Серирой и Китаем.

«Когда мы были на расстоянии пятидесяти замов от Сериры, — передавал рассказчик, — на море разыгралась буря, и часть груза мы бросили в море. Непогода затянулась на несколько дней. Вдруг на нас налетел такой сильный ветер, что мы не могли управлять кораблем. Видя неминуемую гибель, мы решили кинуться в море и добраться до берега вплавь. Мы бросили якорь, хотя и не верили в возможность спастись, — как вдруг волны утихли.

Не прошло и часа, как на острове показалась кучка людей. Мы ждали, чтобы кто-нибудь из этих туземцев вышел к нам, но никто не выходил; мы стали делать им знаки, но не получали ответа. Место это было незнакомое. Мы были уверены, что туземцы причинят нам вред, как только мы сойдем на берег: ведь за этой кучкой людей могла стоять целая толпа других, и, если они напали бы на нас, мы не смогли бы с ними справиться. Четыре дня мы не трогались с места; никто из нас не высаживался на эти два острова, и никто из жителей не являлся на корабль. На пятый день у нас не хватило воды; тогда мы решили причалить к берегу, чтобы спросить туземцев, где мы находимся и куда нам плыть. В две лодки уселись тридцать вооруженных людей и направились к острову. Но едва мы взошли на берег, как все жители разбежались. Какой-то туземец остался и заговорил с нами, но только один из наших понял его

язык и сообщил нам, что мы находимся на одном из островов Вак-Вак. Мы расспросили туземца, и он ответил, что оба острова принадлежат к островам Вак-Вак и что по соседству с ними нет города ближе чем на расстоянии трехсот фарсахов. Он прибавил, что на острове нет других жителей, кроме тех, что вышли на берег, а всего их сорок душ. По нашей просьбе один из жителей указал нам дорогу в Сенф. Мы запаслись водой и отправились в путь. Проплыв пятнадцать замов, как и говорил туземец, мы благополучно прибыли в Сенф».

А засим привет. С нами помощь Аллаха, всеблагой он защитник! [203].

Кончена книга. Хвала Аллаху, ему одному!

До почиет его благословение и мир над господином нашим Мухаммадом, над его семьей и сподвижниками.

Да помилует Аллах всякого, кто, читая эту благословенную рукопись, призовет его милость и благоволение на переписчика и на всех мусульман!

Работа кончена семнадцатого дня месяца джумади аль-уля, года четыреста четвертого [204]. Переписывал Мухаммад ибн аль-Каттан.

Примечания

[1] Коран, сура 96, 3—5.

[2] Коран, сура 9, 33 и сура 48, 28.

[3] *Басра* — город и порт на юге Ирака, на западном берегу р. Шатт аль-Араб, в 90 *км* от Персидского залива. Основана в 635 г. при завоевании арабами Ирака. В середине X в. была завоевана персидской династией Буидов. В средние века была важнейшей гаванью, через которую шла торговля с Индией и Дальним Востоком.

[4] ... *ан-Наджирами* — из Наджирама. Наджирам — приморский город в Западном Иране.

[5] *Мансура* — город, основанный арабами на р. Инд, севернее устья. С 871 г. стала главным городом Синда, правители которого только номинально признавали власть халифа. Омар ибн Абд аль-Азиз, отец правителя Абдаллаха, о котором говорится в тексте, захватил власть, убив своего предшественника.

[6] 288 г. хиджры (мусульманской эры) соответствует 900 г. н. э.

[7] *Шейх* — буквально старик. В арабских странах — глава рода; деревенский старшина; один из руководителей ремесленно-цеховых организаций и торговых корпораций мусульманского средневекового города.

[8] Название области *Ра* произошло, вероятно, от искаженного санскритского *раджа* — царь.

[9] *Кашмир* — горная область на севере Индии. В VII—XI вв. Кашмир был одним из важнейших государств Индии. Неизвестно, к каким именно частям его относятся названия Верхний и Нижний Кашмир, упоминаемые в тексте.

[10] 270 г. хиджры соответствует 883—884 г. н. э.

[11] *Ирак* — вероятно, Ирак Аджами, или Ирак Персидский — область Среднего Ирана.

[12] *Касыда* — основная композиционная форма арабской поэзии с устойчивой структурой: первая часть — любовного содержания, вторая — описательная, третья — панегирическая. Эта

форма выработалась в доисламской поэзии и просуществовала до нового времени.

[13] *Йасин* — название тридцать шестой суры Корана.

[14] Коран, сура 36,78—79.

[15] *Мина* — мера веса, около 900 г.

[16] ... *ас-Сирафи* — т. е. из Сирафа. Сираф — средневековый порт с большой и глубокой гаванью на северном берегу Персидского залива. С первых веков нашей эры был одним из важнейших центров морской торговли. В IX в. до Сирафа доходили большие китайские суда, осадка которых не позволяла входить в мелководную гавань Басры. В конце X в. значение Сирафа несколько падает за счет усиления Омана.

[17] *Страны Золота*, или *Страна Золота*, — так арабы называли западную часть Индокитая и острова Малайского архипелага.

[18] *Серендиб* — арабское название острова Цейлон. *Серендибские заливы* — побережье Индостана против Цейлона. Здесь много речных долин, оканчивающихся заливами.

[19] *Арабская миля* — 750 *м*.

[20] *Барид* — буквально почтовая станция. Вместе с тем — расстояние между двумя почтовыми станциями, равное приблизительно трем-четырем фарсахам (см. прим. 26).

[21] *Канудж* (Канаудж) — область в Северной Индии в среднем течении реки Ганг.

[22] *Арека* — род пальм, распространенный от Индии до Новой Гвинеи. Одна из ее разновидностей — катеху имеет плод величиной с куриное яйцо, содержащий внутри семя, называемое бетелев, или арековый орех; это семя употребляется для жевания (см. прим. 135).

[23] *Забедж*, или Забадж, — так арабы называли западную часть Малайского архипелага. Забеджем могли называть также о-в Суматра, на котором был центр государства Шри Виджайя (см. прим. 171).

[24] *Ламери* — северная часть острова Суматра.

[25] *Острова Вак-Вак* — некоторые исследователи полагают, что арабские географы называли так Японию; другие считают, что это Мадагаскар или остров Суматра.

[26] *Фарсах* — мера длины, примерно 5,7 *км*.

[27] 300 г. хиджры соответствует 912—913 г. н. э.

[28] *Оман* — так называли в средние века главный город области Оман на востоке Аравийского полуострова у входа в Персидский залив. Вероятно, это другое название Сухара (см. прим. 59). Оман играл видную роль в торговле с Индией и странами Дальнего Востока.

[29] *Дирхем* — мелкая серебряная монета, первоначально составлявшая $^1/_{20}$ динара.

[30] *Море Зинджей* — часть Индийского океана у восточного берега Африки. *Зинджами* арабы называли негров. *Страной Зинджей* называлось восточное побережье Африки к югу от Абиссинии.

[31] *Океан Самарканда* (Самаркандское море) — неясно, о каком море идет речь.

[32] *Валь* — кит.

[33] *Йемен* — южная часть Аравийского полуострова.

[34] 310 г. хиджры соответствует 922—923 г. н. э.

[35] *Аль-Муктадир* — халиф династии Аббасидов (908—932 гг.).

[36] *Аден* — город в южной части Аравийского полуострова у входа в Красное море. В средние века Аден был крупным торговым центром.

[37] *Джидда* — город на западном берегу Аравийского полуострова на Красном море. Мусульманские паломники, совершавшие хаджж и путешествовавшие в Мекку морем, обычно прибывали в этот порт.

[38] *Зейла* — портовый город на восточном побережье Африки к югу от Баб эль-Мандебского пролива.

[39] *Хаджж* — паломничество в священный город Мекку. Одна из пяти религиозных обязанностей мусульман (см. прим. 56).

[40] *Море Малату* — можно предположить, что речь идет о какой-то части Южно-Китайского моря.

[41] *Канопус*, или *Каноп*, — звезда первой величины в созвездии Киля. В Европе видна только на юге.

[42] Средневековые арабские географы полагали, что земля имеет вид плоского круга, окруженного черным океаном.

[43] *Кадикс* — портовый город в Южной Испании. Андалусией (аль-Андалус) арабы называли Пиренейский полуостров.

[44] В тексте пропуск.

[45] *Фелу* — вид лодки, распространенный в Красном море.

[46] *Фансур* — область на западном побережье Суматры.

[47] *Канад* — род рыбы.

[48] *Науруз* — день иранского Нового года, празднуется в день весеннего равноденствия 21 марта.

[49] *Хабеш* — Абиссиния. *Море Хабеша*, или Берберское море, — Аденский залив и часть Индийского океана у Сомали.

[50] *Наснас* — сказочное обезьяноподобное существо.

[51] *Айла* — город на берегу Акабского залива. *Залив Айла* — Акабский залив.

[52] *Персидское море* — Персидский залив.

[53] *Така* — неизвестная местность.

[54] В арабском тексте пропуск, восстановленный переводчиком по догадке.

[55] *Страна Бахам* — неизвестно, какая местность имеется в виду.

[56] Для мусульман обязательны пять ежедневных молитв: первая молитва при восходе солнца, вторая — в полдень, третья — в послеполуденное время, четвертая — после заката, пятая — с наступлением темноты. Перед каждой молитвой совершаются омовения, предписываемые обрядом.

[57] *Сенф* — область, примыкающая с севера к Сиамскому заливу.

[58] 339 г. хиджры соответствует 950—951 г. н. э.

[59] *Сухар* — большая торговая гавань в юго-восточной части Омана. Горы *аль-Йахмад* лежат западнее Сухара.

[60] *Пядь (шибр)* — мера длины, 22,5 *см.*

[61] *Марекин*, или *Манкир*, — испорченное Маньякхету, название столицы государства Раштракутов, которое арабы называли царством Бальхара (от искаженного титула раштракутских правителей — «валлабхараджа»).

[62] *Алаусское (Ларское) побережье* — западный берег Индии.

[63] 310 г. хиджры соответствует 922—923 г. н. э.

[64] *Канбалу* — остров в Индийском океане к востоку от побережья Африки. Судя по содержащимся в арабских источниках описаниям, это Занзибар. Некоторые исследователи отождествляют Канбалу с Мадагаскаром.

[65] *Софала зинджей* — область, населенная негритянскими племенами, на восточном берегу Африки против острова Мадагаскар.

[66] *Динар* — золотая монета, широко распространенная в средние века в странах мусульманского Востока. Вес ее был равен 4,25 *г.* Ценность динара значительно колебалась в различные эпохи.

[67] Восстановлено переводчиком.

[68] *Хорасан* — область на северо-востоке Ирана.

[69] *Мекка* — священный город мусульман в западной части Аравийского полуострова, недалеко от Красного моря. Храм Кааба, находящийся в Мекке, был центром культа у арабов еще в доисламский период; после победы ислама он сделался мусульманской святыней.

[70] *Ихрам* — вступление во время хаджжа на священную для мусульман землю в Мекке и надевание *ихрама* — специальной одежды, состоящей из двух кусков материи, покрывающих верхнюю и нижнюю часть туловища.

[71] *Ассуан* — область и город в Верхнем Египте.

[72] Пост в месяце рамадане (9-й месяц лунного года), одна из пяти основных обязанностей мусульманина.

[73] 332 г. хиджры соответствует 943—944 г. н. э.

[74] Острова *Дибаджат* — см. прим. 181 и 182.

[75] *Кхмер* (арабское *Кимар* или *Камар*) — Камбоджа. В IX—XIII вв. государство Кхмер было одним из самых мощных государств Индокитайского полуострова. Правители Кхмера подчинили себе всю южную часть полуострова.

[76] *Сира* — неизвестная местность, находившаяся, возможно, в Африке.

[77] *Шираз* — город в южной части Ирана.

[78] *Ратль*, или *ритль*, — мера веса, равная 144 дирхемам, или 449,28 *г*.

[79] 306 г. хиджры соответствует 918—919 г. н. э.

[80] *Зу-Джабала*, или *Джабала*, — местность, вероятно, находившаяся в Хиджазе — области в юго-западной части Аравийского полуострова, простирающейся вдоль побережья Красного моря.

[81] *Ошар*, или *ошур*, — гигантское дерево, растущее в Африке и в западной Азии. Плоды его известны под именем «содомских яблок». Они напоминают большие яблоки, но внутри пусты.

[82] *Сенфин* — область, по-видимому, на острове Суматра.

[83] *Какола* — область в центральной части острова Суматра в долине реки Ангкола.

[84] 309 г. хиджры соответствует 921—922 г. н. э.

[85] *Зам* — $1/8$ часть суток или три часа морского пути. В разных арабских источниках величина зама колеблется в значительных пределах.

[86] *Арманан* — по-видимому, искаженное Андаман. Речь идет об одном из Андаманских островов.

[87] *Бедфаркала* — неизвестный остров.

[88] *Кала* — важная торговая гавань на западном берегу Малаккского полуострова. Точное местоположение ее неизвестно.

[89] *Мискаль* — мера веса, равная 24 каратам, или 4,48 *г*.

[90] В тексте пропуск.

[91] *Исфахан* — большой город в Западном Иране.

[92] *Керман* — область в Западном Иране.

[93] *Сендал-Фулат* — остров Пуло-Кондор, лежащий к югу от Индокитая.

[94] *Санджийское*, или Китайское, море — Южно-Китайское море.

[95] *Херкенд* — Бенгальский залив.

[96] *Рейсут* — гавань на южном берегу Аравийского полуострова.

[97] *Ханфу* — город у устья реки Янцзы, около современного Ханчжоу.

[98] *Хумдан* — персидское название древней столицы Китая (современный Синаньфу). Слово «Хумдан» сближают с китайским *гунь-дянь* (столица).

[99] Неизвестно, что называет автор Большим и Малым Китаем.

[100] *Багбур, или фагфур,* — персидское наименование китайского императора, неточный перевод китайского *тянь-цзы* — «сын неба».

[101] Вероятно, река Янцзы. Она течет среди гор; по берегам есть железные рудники.

[102] 325 г. хиджры соответствует 936—937 г. н. э.

[103] *Камран* — остров на Красном море у берегов Йемена.

[104] В тексте пропуск.

[105] *Галафика* и *Аср* — порты в Йемене.

[106] *Страны Перца* — Малабарский, западный берег Индии. откуда вывозился перец.

[107] *Кулам, или Кулам-Мели,* — город на юге Малабарского побережья.

[108] *Барнанское море* — вероятно, то же, что Ларское море, — часть Аравийского моря у западного побережья Индии.

[109] *Кади* — судья.

[110] *Даник* — мера веса равная $^1/_6$ дирхема; также мелкая монета.

[111] Игра слов. Слово *барака* по-арабски означает благословение, благодать. Как видно из дальнейшего текста, так же называется порода рыб.

[112] *Оккийя* — мера веса, 37,44 *г.*

[113] *Сурра Ман Раа* — Самарра, город на Тигре, к северу от Багдада, основанный халифом аль-Мутасимом (839—842 гг.), перенесшим в него свою резиденцию.

[114] *Аль-Мутамид* — халиф династии Аббасидов, царствовал с 870 по 892 г.

[115] В тексте пропуск.

[116] *Фаль, или валь,* — кит.

[117] *Маит* — один из островов к востоку от Суматры.

[118] *Серира, или Сарбуза,* — остров Суматра или также область в восточной Суматре около современного Палембанга.

[119] В тексте пропуски; неизвестно, относится ли последующее описание к Маиту.

[120] Река *Михран* — Инд.

[121] *Кост* — корень неизвестного растения, служивший предметом торговли.

[122] *Синдабура* — город на западном побережье Индии на месте современного Гоа.

[123] *Сеймур* — большой портовый город на западном побережье Индии на месте современного Чаула. *Субара* — Сопара, город на западном побережье Индии близ современного Бомбея. Сеймур и Субара имели значительное мусульманское население.

[124] *Ибн аль-Яхуди* — сын еврея.

[125] 300 г. хиджры соответствует 912—913 г. н. э.

[126] *Абу-ль-Хасан Али ибн Мухаммад ибн аль-Фурат*, везир халифа аль-Муктадира, пользовался большим влиянием и властью.

[127] *Ирак* — подразумевается *Ирак аль-Араб* — Месопотамия.

[128] *Повелитель верующих* (эмир аль-муминин) — титул халифа.

[129] *Махраджан* (правильно *Мехреган)* — праздник осеннего равноденствия у персов.

[130] *Секбадж* — винегрет из рубленого мяса, приправленного медом.

[131] *Лубин* — возможно, княжество Бутан в Гималаях.

[132] *Берберское море* — см. прим. 50.

[133] *Бербера* — Сомали.

[134] *Море серендибских заливов* — подразумеваются, видимо, Полкский пролив и Манарский залив между Цейлоном и Индией.

[135] *Бетель* — растение из семейства перечных, распространенное в тропических районах Азии. Смесь пряных и острых на вкус листьев бетеля с кусочками семян арековой пальмы и небольшим количеством извести употребляется для жевания, причем бетелем обычно называют всю смесь.

[136] *Сендан* — город на западном побережье Индии.

[137] *Бенджи* — искаженное слово. Значение неясно.

[138] В рукописи название географического пункта написано неразборчиво.

[139] *Канбаят* — Камбей, город на западном побережье Индии.

[140] *Сахаль*, или *страна Сахаль*, — одно из названий Цейлона и прилегающих к нему мелких островов.

[141] Остров *Бакар* — быть может, Балаик — маленький остров к северу от Цейлона.

[142] *Мандурин* — Мадура, область на юге Индостана.

[143] *Сехилан*, как и Серендиб, — название Цейлона.

[144] *Зарафа* — животное, упоминаемое многими арабскими географами, видимо, носорог.

[145] *Лулу-Биленк* — залив на западном берегу острова Суматра.

[146] *Ан-Нсян* — вероятно, остров, Ниас, к западу от Суматры.

[147] *Наружное море* — Индийский океан.

[148] *Барава* — очевидно, острова Бату к западу от Суматры.

[149] Острова *Ладжабалус* — Никобарские острова, лежащие к северо-западу от Суматры.

[150] 317 г. хиджры соответствует 929 г. н. э.

[151] *Шихр аль-Любан*, или *Шихр Любан*, — местность в Хадрамауте на южном побережье Аравийского полуострова.

[152] *Ат-Тиз*, или *ат-Тайз* — портовый город на Мекранском берегу Ирана.

[153] В тексте пропуск.

[154] В тексте пропуск.

[155] 317 г. хиджры соответствует 929 г. н. э.

[156] *Джариб* — мера сыпучих тел и площадь, засеваемая одним мешком зерна.

[157] *Андаман Великий* — больший из Андаманских островов.

[158] *Иблис* — дьявол.

[159] *Харун ар-Рашид* (786—809) — халиф из династии Аббасидов.

[160] *Махараджа* — по-санскритски — великий царь. Махараджей арабы называли государя Шри-Виджайи (Забеджа).

[161] *Убулла*, или *аль-Убулла*, — город на Тигре рядом с Басрой.

[162] *Баян* — город в Хузистане (Западный Иран).

[163] В соответствии с мусульманскими обычаями женщина после развода или смерти мужа, прежде чем вступить в новый брак, должна выждать определенный срок.

[164] *Харик* — остров в северной части Персидского залива, недалеко от Басры.

[165] *Хунарман* — титул главы мусульман в Сеймуре. Слово персидского происхождения: *хунерменд* — почтенный, уважаемый.

[166] *Садж* — тик, или индийский дуб, дерево, растущее в Индии, Индокитае и на острове Ява. Древесина отличается большой твердостью и хорошо поддается обработке. Вывозилась в большом количестве в Убуллу и Сираф и использовалась для постройки кораблей и зданий.

[167] 342 г. хиджры соответствует 953—954 г. н. э.

[168] В тексте пропуск.

[169] *Каратал* (мн. ч. *каратил*) — кривая сабля, от санскритского слова *каратала* — кинжал, нож.

[170] *Татба, Дабабид* — возможно, речь идет о мелких островах у побережья Восточной Африки. На этих островах очень много морских черепах. Путешественники отмечают как характерное явление для этих мест распространение среди жителей глазных болезней, в частности куриной слепоты. *Татба* — возможно, о. Пемба.

[171] *Музафавид* — знаменитый Маджапахит, столица индусского царства на Яве. Здесь автор называет Забеджем остров Яву.

[172] *Тана* — портовый город на западном побережье Индии около Бомбея.

[173] «Да благословит его Аллах и да приветствует его!» — формула величания Мухаммада, застывшее выражение, сопровождающее в арабских текстах имя Мухаммада, сколько бы раз он ни упоминался; формула «Да будет Аллах доволен им!» присое-

диняется к именам всех близких и сподвижников Мухаммада и первых халифов (как Абу-Бакр, Омар и др.); формула «Мир ему!» присоединяется к именам пророков и праведников, как Сулейман и Давид; формула «Да проклянет его Аллах!» — к имени Иблиса (дьявола).

[174] *Абу Бакр* — сподвижник Мухаммада и первый халиф после его смерти (632—634).

[175] *Омар ибн аль-Хаттаб* — сподвижник Мухаммада и второй халиф (634—644).

[176] *Мекран* — область на юге Ирана на берегу Аравийского моря.

[177] 305 г. хиджры соответствует 917—918 г. н. э.

[178] *Зу-ль-када* — одиннадцатый месяц лунного мусульманского календаря.

[179] *Рас-аль-Камила* — мыс между Басрой и Сирафом. Точное местонахождение его неизвестно.

[180] По мусульманскому закону в пищу можно употреблять только зарезанных животных, из которых выпущена кровь; животные, убитые иначе, приравниваются к мертвечине и считаются нечистыми.

[181] Поскольку автор говорит, что он уже сообщил ряд интересных сведений об этих островах, а острова Дибаджат ад-Дум ранее в тексте только упоминаются, можно предположить, что рукопись дошла до нас со значительными пропусками. Под островами Дибаджат ад-Дум автор, очевидно, подразумевает острова Индийского и Тихого океанов на огромном пространстве от Лаккадивских островов до Японии.

[182] *Дибаджат аль-Кастадж* — Мальдивские и Лаккадивские острова в Индийском океане к западу от острова Цейлон.

[183] *Вада* — морская раковина, служившая монетой в Индии.

[184] 306 г. хиджры соответствует 918—919 г. н. э.

[185] *Тарнарайин,* или *Тринаяна,* — неизвестно, какая местность здесь подразумевается.

[186] *Джинн* — злой или добрый дух.

[187] *Кундур,* или *любан,* — ладан, ароматическая смола, добываемая из надрезов коры тропического дерева босвеллия, растущего в Восточной Африке и на юге Аравийского полуострова.

[188] *Хасик* — местность на восточном берегу Аравийского полуострова между Зафаром и Оманом. *Харидж* — местность на южном побережье Аравийского полуострова западнее Зафара.

[189] *Анкийя* — город или местность близ Манкира (Маньякхету) в Западной Индии (см. прим. 61).

[190] *Сенфское море* — Сиамский залив.

[191] *Буджа* — область в Нубийской пустыне. Здесь были изумрудные копи.

[192] *Бернин* — местоположение города неизвестно.

[193] 340 г. хиджры соответствует 951—952 г. н. э.

[194] 344 г. хиджры соответствует 945 г. н. э.

[195] *Табиа* — какая-то местность на восточном берегу Африки. Остров *Гайлами* — от *гайлам* (черепаха), один из островов у побережья Восточной Африки (см. прим. 170).

[196] *Сунбададж* — наждачный камень.

[197] *Баккам* — одна из пород красного дерева, из которой добывали красящее вещество.

[198] *Желтяница* — дикий шафран, растение рода крокус (луковичных), культивируемое в странах южной Европы и Азии. Употребляется как пряность и в качестве красителя, придающего оранжево-желтый цвет.

[199] Пропуск в тексте.

[200] *Сезам* — кунжут, масличное однолетнее растение. Из семян кунжута получают масло. На Востоке семена кунжута широко применяются в пищу.

[201] В тексте пропуск.

[202] *Самбук* — небольшое легкое судно.

[203] Коран, сура 3, 167.

[204] 17 джумади аль-уля 404 г. хиджры соответствует 30 сентября 1246 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Книга о чудесах Индии, ее земли, моря и островов . . 21

Примечания 121

Бузург ибн Шахрияр

ЧУДЕСА ИНДИИ

*

Утверждено к печати
Редакционным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Е. М. Медведев*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Художник *С. М. Мовшович*
Корректор *А. С. Киняпина*

*

Сдано в набор 5/VII 1958 г.
Подписано к печати 31/X 1958 г. Т-11433
Формат 60 × 84 1/16. Усл. п. л. 7,38.
Печ. л. 4,25 + 4 вкл. 0,25. Уч.-изд. л. 7,15
Тираж 150 000 Зак. 1508
Цена 4 р. 50 к.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Набрано в типографии Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4.

Отпечатано типографией «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

НОВЫЕ КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Говард Картер

«ГРОБНИЦА ТУТАНХАМОНА»

1922 год в истории археологии ознаменовался выдающимся открытием—английский археолог Говард Картер обнаружил в «Долине царей» (недалеко от Фив) гробницу фараона Тутанхамона, погребенного 33 века назад.

Эта гробница—первое из найденных археологами погребений египетских фараонов, оказавшееся почти не тронутым древними грабителями гробниц. В четырех комнатах гробницы были обнаружены изумительные по красоте и тонкости исполнения образцы погребальной утвари фараона—алебастровые вазы и светильники с украшениями, одеяния фараона, ювелирные изделия очень тонкой работы из золота и драгоценных камней—ожерелья, браслеты, кольца, диадемы и т. д. Гробница сохранила ларцы и ковчеги, инкрустированные слоновой костью, золотом и цветным стеклом, колесницы, саркофаг с мумией Тутанхамона.

Предметы, найденные в гробнице, дают яркое представление об искусстве того времени и позволяют сделать весьма существенные выводы об истории и религиозных верованиях древних египтян. Книга Г. Картера знакомит и с условиями работы археолога, с методикой и техникой археологических раскопок. Много ценных сведений найдет здесь и тот, кто интересуется историей науки и техники.

Издательство восточной литературы выпускает первый полный перевод на русский язык «Гробницы Тутанхамона». Книга содержит сто пятьдесят иллюстраций, воспроизводящих обнаруженные в гробнице предметы.

Физули

«ГАЗЕЛИ»

Мухаммед Физули—крупнейший азербайджанский поэт XVI в.

Основная тема лирики Физули—страдания влюбленного, его муки в разлуке с любимой. Поэтические образы Физули поражают глубиной, яркостью и оригинальностью. Венцом его творений являются поэма «Лейли и Меджнун» и азербайджанские газели.

Утонченная задушевная лирика, замечательные поэмы и сатирические произведения, в которых поэт осуждает и высмеивает пороки своего времени, и ныне пользуются популярностью не только в Азербайджане, но и в Турции, Средней Азии и других странах Востока.

В сборник вошли переводы избранных газелей из поэмы «Лейли и Меджнун» и газелей, написанных на азербайджанском языке. Все переводы публикуются впервые.

*

КНИГИ ПРОДАЮТСЯ В МАГАЗИНАХ
ГЛАВКНИГОТОРГА И В МАГАЗИНАХ
«АКАДЕМКНИГА»

*

Заказы на книги Издательства восточной литературы просим направлять во все центральные книжные магазины областных, краевых и республиканских книготоргов, а также в контору „Академкнига“ по адресу: Москва, ул. Куйбышева, дом № 8.

Цена 4 р. 50 к.

Цена ~~4 р. 50~~ к.

